

Лизанька Сонце
Лиза и силовики

В день годовщины свадьбы магистр магии Лиза с мужем отправляется в горы, чтобы там, в тишине и уюте, возле горящего камина, на мягких шкурах провести короткий отпуск. Надеждам не суждено сбыться. Зловещие происки врагов приводят к тому, что Лиза попадает в неизвестный ей ранее странный мир. Мир переполнен магией, но не знает её. Удастся ли ей выжить в нём и отстоять своё место под солнцем? И, главное, удастся ли отыскать любимого супруга? Её ожидают любовь и предательство, тяжёлые труды и невероятное счастье, а также пристальное внимание местных спецслужб.

Встреча первая. Первые встречи

Этого дня Лиза ждала, но и боялась. Вроде бы, третья годовщина свадьбы, — дата ничем особо не примечательная. Уже и привыкнуть друг к другу успели, и поссориться десять раз, и помириться. Но так вышло, что никогда ещё в этот день они не встречали вместе. То Виктор уезжал в длительную командировку, то Лизавета выполняла ответственное задание, такое, что не до уединений. Сегодня был первый раз, когда им никто не должен помешать. Лиза даже взяла отпуск с завтрашнего дня. На неделю, больше не получалось. Но разве неделя — это мало?

Что он подарит? Мужчины вообще плохо разбираются в подарках, это Лиза поняла ещё в детстве, которое она провела в интернате, среди сотен таких же, как она, будущих магов.

В первом классе она мечтала о плюшевом медведе. Видела его во сне, представляла, как он устроит приём для кукол, и они будут пить чай с черничным джемом!

Классный воспитатель подарил ей Загадочную Колбу... Наверное, так было правильнее с педагогической точки зрения. Загадочная Колба будила фантазию и развивала пространственное воображение, а без них магу никак. Сейчас Лиза это понимала, а в семь лет... она проплакала полночи и уснула только тогда, когда привлечённая её слезами нянечка не преподнесла ей обычного пупса.

Рабочий день тянулся как мороженная ириска. То есть не двигался никак. Стрелки будто прилипли к циферблату и едва шевелились. Лиза пялилась в бумаги, но не видела ничего!..

Строчки на листе помутнели, расплылись, и среди них протаяло окно. Оттуда выглянул шеф.

— Зайди, Лизавета, — распорядился он.

И Лиза потащила. Что он ещё придумал?

— Больно на тебя смотреть, Лиза, — такими словами её встретил начальник. — Хватит маяться! Отправляйся уже, без тебя справимся.

— Вы чудо, шеф! — Лиза хотела поцеловать шефа в щеку, но тот подставил лысину:

— Но-но! Мне вовсе не улыбается поссориться с магистром из отдела спецопераций, — строго сказал он.

— Что вы, шеф! — ответила Лиза. — Он у меня умница!

— Знаю я этих молодых умниц, — сказал шеф, вытирая платком помаду с макушки. — Не успеешь щит поставить, как испепелит. Ладно уж, — он усмехнулся, — отбывай, а то озадачу. Руки так и чешутся.

— Убежала уже! — отрапортовала Лиза и выпорхнула из кабинета.

Виктор ответил сразу, словно так и сидел с телефоном в руках и ждал её звонка. Впрочем, почему нет? У спецслужб спецмагия, а Виктор никогда не посвящал её в секреты своей работы.

Уже через пять минут он сигнализировал у подъезда.

— Ты знаешь, — сказал Виктор, когда Лиза устроилась на переднем сиденье рядом с ним, — я долго думал...

— И что?

— И так не решился ничего выбрать, — признался Виктор. — Вкуса не хватает. Поэтому... поехали!

— Куда? — поинтересовалась Лиза.

— Выберешь сама.

Ехали недолго, и Лиза не решила, обижаться ей или радоваться. Они вышли из авто, и тут Виктор остановился.

— Почему стоим? — удивилась Лиза.

Он пожал плечами.

— Выбирай.

Всё-таки, мужчины ничего не понимают в подарках. Две открытые двери были перед Лизой. Одна в магазин, где торговали мехами, нарядами от знаменитых кутюрье, всякими модными мелочами вроде сумочек и кошельков, а вторая...

— Спасибо тебе большое! — с чувством сказала Лиза и прижалась к Виктору крепко-крепко. После чего вошла в ювелирную лавку.

Новое платье и сумочка — это хорошо. Но, если рассудить, это вещь на один раз, пыль в глаза пустить. Назавтра ещё подумаешь, стоит ли старое надевать. Конечно, это не касается проверенных вещей: джинсов, кроссовок, растянутых родных водолазок и прочего. Повседневного, в чём удобно ходить.

Так что между тряпками и драгоценностями любая женщина выберет драгоценности. Если она не дура.

Дурой Лиза себя не считала.

Чего здесь только не было! Глаза разбегались от сверкания камней, свет специальных прожекторов дробился на гранях самоцветов, толстые драгоценные цепи свились в витринах как змеи. Жирный золотой блеск соседствовал с лукавым простодушием серебра и аристократизмом платины. Колье, медальоны, крученые шнуры, диадемы, — всё, что может украсить, сделать ослепительно прекрасной молодую любимую женщину.

Лиза улыбнулась. Детство прошло, она выросла и давно поняла, что классный воспитатель был прав. Она решительно прошла мимо прилавков с драгоценной мишурой вглубь лавки, где за простой конторкой сидел хозяин. Виктор, улыбаясь, зашагал за ней.

— Магистр, — еле уловимо поклонился хозяин Лизе. — Магистр... — точно такой же поклон достался и Виктору.

Хозяин был стар. Седые волосы лежали на плечах, скрывая небольшой горб.

— Мэтр... — начал Виктор, но старик жестом остановил его.

— Не надо, магистр, — сказал он. — Я предложу вам то, чего вы не найдёте больше нигде. Ваша подруга выберет сама. Уверен, она выберет правильно.

Он развернулся и исчез за маленькой дверцей, чтобы вернуться через минуту. В руках он держал накрытый платком поднос. Старик положил его на конторку и сдёрнул платок.

— Выбирайте, магистр, — сказал он Лизавете.

Лиза увидела подушечку, на ней две броши. Слева золотой полоз с рубиновыми глазами свился кольцом вокруг малахитовой плашки. Змейка выглядела живой, и казалось, она просто отдыхает.

На второй подушечке большой серебряный паук держал в передних лапах кусок яшмы. Чёрные глазки паука зло смотрели на полоза.

Малахит и яшма — лучшие в мире аккумуляторы магии, только наговор прицепи. К этим брошкам прилагались хорошие, правильные наговоры. Хозяин лавки знал, что предложить.

— Они не заряжены, — сказал он. — Вам пригодится, магистр.

Это прозвучало угрожающе — или ей показалось? Лиза выбросила дурные мысли из

головы. Она не последний человек в их сыском агентстве, она многим знакома. Нечему удивляться, что мэтр её узнал.

— Вот это, — Лиза решительно указала на полоза.

Паук был тоже очень неплох, но сразу две вещи не выбрать. Они не уживутся вместе.

— Я бы тоже выбрал змейку, — сказал Виктор, когда они выехали на проспект. — Паук слишком агрессивен.

— Куда теперь? — спросила Лиза.

— Я снял шале в горах, — сказал Виктор. — Представь себе: озеро, бассейн, камин, и никого в часе ходьбы вокруг! Там даже нет телефона, так что нам никто не помешает! А свои мы выключим, — предупредил он её вопрос. — Ведь ты не ждёшь ничьих звонков?

— Конечно, нет, любимый.

На набережной кипела жизнь. Океан порадовал сегодня солнцем и штилем, поэтому пляж заполнили отдыхающие, а прибрежное шоссе — такси и частные авто. Виктор хмурился, нетерпеливо сигналил, а Лиза чувствовала, как её переполняет тихое счастье. Ну и ладно, что пробка! Чепуха, что скоро сумерки! Они вместе, они одни, несмотря на толпу вокруг, и это самое главное.

Лизе надоело мельтешение перед лобовым стеклом, она откинула голову назад, прикрыла глаза и сделала вид, что спит. Сама сквозь ресницы она наблюдала за мужем...

Какой он хороший! Наверное, это даже к лучшему, что они не каждый день бывают вдвоём, что они оба так сильно заняты на службе, зато как сильны их чувства! За три года они не успели друг другу надоест, как некоторые знакомые пары.

Интересно, какое именно шале он выбрал? Однажды Лиза застала, как он изучает их в сети. Лиза думала, что это по работе, а оказалось вот как! Ей представилась уютная гостиная: в горах вечером прохладно, поэтому в камине горит огонь. На полу постелена медвежья шкура, такая мягкая, возбуждающая такие мысли...

— Надо остановиться, — потребовала Лиза.

— Зачем? — удивился Виктор.

— Иначе мы разобьёмся. Я собираюсь напасть на тебя прямо сейчас. И плевать на всех вокруг!

Виктор сделал круглые глаза и съехал на обочину, где росли несколько акаций, в тени которых стояла скамейка. Как удобно, подумала Лизавета, выскакивая из авто. Она едва дождалась, пока Виктор поставит заклинания незаметности.

Потом мысли отступили.

Это было хорошо! Это было так хорошо, что они задержались на пляже до сумерек. Они успели искупаться и сплавать на одинокую скалу, излюбленное место отдыха молодёжи. Вылезать не стали, чтобы не смущать своим появлением подростков, просто полежали на воде, отдыхая, потом развернулись и поплыли к берегу.

Дальше поехали уже на закате, и то лишь потому, что этого потребовал Виктор.

— Хозяйка ложится поздно, — сказал он. — Но это не значит, что она станет ждать нас слишком долго. Если мы не успеем, нам придётся ночевать в авто.

— Как, там ещё и хозяйка? — сделала сердитое лицо Лиза. — Она молода?

— Она старушка, — рассмеялся Виктор. — У неё отдельный флигель, и она нам никак, — он тоном выделил это слово, — не мешает. Если мы явимся вовремя.

У маяка свернули налево, на серпантин. Виктор вёл сосредоточенно, уверенно, но осторожно проходя повороты. Обычно в авто ставили магический усилитель поворота руля,

но Виктор обходился без него. Мышцы вздувались под рубашкой при каждом движении, и Лизе опять пришли в голову фривольные мысли. Она благоразумно прогнала их прочь: горы жестоко наказывают легкомысленных.

— Ты вела какие-то опасные дела последнее время? — спросил внезапно Виктор.

— Нет, — удивилась Лиза. — У нас сейчас затишье. А что?

— Значит, это мои враги, — ответил Виктор. — За нами уже двадцать минут следует авто. Не отстаёт и не старается обогнать, хотя мы едем довольно медленно.

— Совпадение? — предположила Лиза.

— Возможно, — с сомнением сказал Виктор. — Но, знаешь, у меня такое чувство... что за нами кто-то наблюдает. У тебя такое бывает?

— Да.

Лиза поёжилась. У всех магов развито чутьё. У кого-то сильнее, у кого-то слабее, но каждый умеет обнаружить чужой взгляд. Сама она ничего такого не ощущала, значит, следили за мужем.

— И что теперь? — спросила она. — Кому ты перешёл дорогу?

— Проще сказать, кому не перешёл, — ответил Виктор. — Ты же помнишь, где я работаю? Ладно, посмотрим. Надеюсь, они просто следят. Не разворачиваться же на полпути? Но тогда... — он помолчал. — Придётся быть на связи. Как думаешь, мы переживём десяток-другой звонков?

— Коротких, — упрямо сжала губы Лиза.

— Непременно, — кивнул Виктор.

Следующие десять минут ничего не происходило. Преследователи держались на расстоянии и никак себя не проявляли. В конце концов, Виктор мог и ошибаться. Магическое чутьё — такая хитрая штука! Бывают и ложные срабатывания...

Солнце совсем спряталось. Загорелись первые звёзды.

— Мы почти приехали, — сказал Виктор. Голос его повеселел.

Вот и хорошо. Лиза потянулась за сумочкой...

Впереди из-за поворота выскочило авто. Лучи фар ударили прямо им в глаза. Лиза непроизвольно зажмурилась.

— Защиту!.. — закричал Виктор, но Лиза и сама уже поняла: это не просто свет, это ещё и злой магический поток!

Она успела поставить Шатёр — заклинание, позволяющее если не отразить, то хотя бы ослабить нападение. Виктор одной рукой вцепился в руль, а пальцами другой плёл что-то сложное, малознакомое, похожее на заклинание перехода.

Нападавшие оказались хитрее. Они знали, кто сидит в авто, и знали, что жертвы умеют защищаться. Теперь в них били попеременно, спереди и сзади, с каждым разом сильнее... Не выдержала техника, чихнул и заглох мотор. Виктор ругнулся: руль застрял и перестал слушаться. Дорога вильнула, авто пробило зелёную изгородь и слетело с асфальта. Сердце Лизы ухнуло в ноги, далеко внизу она увидела прибрежные огни и полоску прибоя.

— Держись! — крикнул Виктор.

Лиза вцепилась в подлокотники. Перед лобовым стеклом вспух разноцветный пузырь: Виктор доплёл, наконец, своё заклинание. Авто влетело в радужную плёнку, и наступила темнота...

...Вода текла тёплая и какая-то липкая, и Лиза никак не могла набрать её в горсть,

чтобы умыться. Лиза крутила кран, чтобы сделать струю побольше, чтобы слить из труб нагретую, застоявшуюся, вонючую влагу...

— Лорд, фу!

Лиза очнулась. Здоровенный дог, натягивая поводок, радостно слюнявил ей лицо. На другом конце поводка обнаружилась средних лет дама в безвкусной канареечной куртке и обтягивающих штанах, которые совершенно дико смотрелись на её толстом заду. Дама смотрела на Лизу брезгливо и без интереса.

Наконец, пёс оставил Лизу в покое и вернулся к хозяйке.

— Совсем нарики оборзели, — сообщила дама в пространство, с трудом удерживая собаку на поводке.

— А... — хотела спросить Лиза, она не поняла, что дама хотела сказать, но та даже не повернула в её сторону головы. Ей было не до разговора: дог тащил её к кустам, за которыми угадывались дома. За домами зачем-то поставили высокий, много выше разумного, и, насколько позволяли разглядеть сумерки, выкрашенный зелёным забор. За забором, как показалось Лизе, гудели гигантские шмели.

Ныла спина. Лиза со стоном разогнулась и села.

Заклинание перехода выкинуло её к подножию кучи песка вперемешку со строительным мусором. Рядом с её левым боком из кучи торчала страшного вида арматурина: ржавая, скрученная, покрытая острыми заусенцами. Лиза содрогнулась: приземлившись она ладонью правее... Ой, мамочки!

А ещё здесь сильно пахло дикой, неприрученной магией.

Магия подобна лесу. Культурный лес называется парком или садом, он упорядочен, расчерчен дорожками, на положенных местах в нём расставлены скамейки или вырыты прудики с золотыми рыбами. Такая магия надёжна, и ты всегда знаешь, какие фрукты на каких деревьях растут, то есть, откуда и как взять силу для заклинаний. Но если за садом не ухаживать, он дичает, на его месте возникает чаша, заросшая крапивой и ядовитыми лианами. В ней можно найти неведомые клады, странные, удивительные плоды, но и водятся смертоносные твари.

На Земле очень мало необжитых мест, а магия это такое богатство, на которое всегда находятся претенденты.

Куда же она попала?

Впрочем, это второй вопрос. Сначала надо найти Виктора.

Лиза попыталась запустить Искателя. Тщетно. Сила, разлитая вокруг, не слушалась, проскальзывала сквозь пальцы, больно колола вместо того, чтобы мягко греть. Всё равно, что вместо свежескошенной травы упасть в заросли крапивы. Бр-р-р... какая гадость!

Лиза отдышалась, поднялась, отряхнула юбку и жакет и пошла в сторону кустов, к забору, за которым виднелся проход. Вряд ли Виктор находился в одном из этих домов, она бы почувствовала. Кроме того, Лизе не хотелось объясняться с местными. Если они все, как дама с собакой, то разговора не получится, не стоит и пытаться. Нужно попасть в город, муж наверняка там.

Если он жив...

Тьфу, дура! Придёт же в голову такая глупость.

За забором оказалось шоссе, по которому во много рядов непрерывным потоком шли авто. Над дорогой повис шум тысяч моторов и шелест тысяч покрышек. Ярko горели фары, и дорога походила на бесконечноголовую змею. Пахло горелым топливом и асфальтом, но

неожиданно слабо. Здесь вполне можно было дышать, в отличие от подобного скопления авто дома.

Хоть в чём-то ей повезло. Можно идти вдоль дороги, пока... Пока что?

Заскрипели тормоза. Рядом с Лизой на обочину съехало покрытое пылью грузовое авто. Длинное, пышущее жаром, с затянутым грязным брезентом прямоугольным верхом.

Дверца кабины распахнулась. В глубине, со стороны дороги, сидел водитель — толстый дядька в растянутых спортивных штанах и клетчатой рубашке. Снизу рубашка разошлась, и наружу вываливалось потное волосатое брюхо.

— Залазь, чего ждёшь? — сказал дядька.

По крутой лесенке Лиза забралась внутрь и устроилась на сиденье рядом с водителем. Как быстро ей повезло! Добрые люди есть везде, не все похожи на даму с собакой.

Дверца с шипением закрылась, дядька вырулил на гладкий асфальт и принялся набирать скорость.

В кабине было тепло, и Лиза поняла, как на самом деле замёрзла! Урчал мотор, болтался перед глазами смешной мышонок на верёвочке, и Лиза расслабилась. Даже запахи пота и грязных носков, наполнявшие кабину, стали казаться не такими противными, а привычными и почти домашними. Человек в дороге, где ему помыться? От чувства безопасности Лиза задремала. Сквозь полусон глухо доносился голос водителя.

— Сама-то откуда? — без интереса, равнодушно спрашивал он. — Давно здесь? Плечо длинное?.. Эй, ты заснула, что ли?!

Лиза обнаружила, что авто снова стоит на обочине, а дядька трясёт её, больно ухватив за плечо.

— Дело когда делать будешь? Я тебе что, такси бесплатное?!

— Какое дело? — не поняла Лиза.

— Ты что, совсем дура? Зачем голосовала?

И он объяснил, какого именно дела от неё ждёт. От дикости услышанного Лиза оторопела. С ним?! С этим вонючим уродом?! А дядька уже гнул её к себе, к своим грязным штанам, покрытым отвратительными пятнами...

— Отпусти! — Лиза замолотила кулаками по волосатому брюху, стараясь попасть между ног.

— Ах, ты, шалава! — зарычал водитель и отвесил Лизе крепкого тумака. В голове зазвенело, Лиза охнула. Справа подуло холодом, и Лиза обнаружила себя сидящей на колючей щебёнке.

— Пёхом топай, уродина! — раздался над головой его голос. Хлопнула дверца, взревел мотор, и Лиза осталась в одиночестве.

Стемнело. Справа, за канавой, тянулась чёрная лесополоса, слева пронеслись авто. Пахло пылью и выхлопом. Потом, будто назло, пошёл дождь. Холодный, заунывный, совсем не летний.

Она даже не знает, какой здесь сезон... Весна? Осень? Мысль заморожено вильнула хвостиком и пропала. Почти не замечая ничего вокруг, Лиза брела вдоль дороги. В попытках согреться она куталась в жакет, но тщетно, тот обильно напитался водой и уже не держал тепла. Мокрая юбка липла к бёдрам, вода текла между лопаток, ветер задувал между ног. Вдобавок на Лизу напал чих. Видимо, она простыла. И не согреться, собственной магии осталось совсем мало, а черпать местную она не умела.

На неё никто не обращал внимания. Грязная, мокрая, жалкая чумичка — никто не хотел

с нею связываться. На миг Лиза пожалела, что не сделала того, чего хотел толстяк. От этого не умирают, зато она, по крайней мере, была бы в тепле...

В довершении несчастий захотелось есть. Последними в её желудок попали бутерброд и чашка кофе. Ещё в конторе, перед поездкой в ювелирную лавку.

Кажется, это было так давно, в другой жизни, а ведь прошло всего несколько часов. Максимум полдня.

Запахло съестным, в животе у Лизы громко и требовательно заурчало. Метрах в двадцати от дороги стояло двухэтажное кирпичное здание с башенками слева и справа. «Кафе «Сосенка» — гласила вывеска над входом. Рядом, на асфальтированном пяточке, расположились два или три авто. Не поедем, так погреемся, решила Лиза.

За одним из столиков восседала компания из четырёх человек, остальные шесть столов пустовали. То ли кафе не пользовалось популярностью, то ли время оказалось неудачное. С обратной стороны прилавков подпирал чернявый парень в несвежем фартуке и неожиданно чистом колпаке. Лотки в витрине заполняли бутерброды, салаты, мясо и ещё что-то непонятное, но аппетитное на вид.

К каждому лотку крепилась бумажка с названием и ценой.

Лиза глотнула. Перекус откладывался. С какой стати она решила, что здесь кормят задаром? В кармане жакета, кроме коробочки с подарком, обнаружилось несколько монет. Парень за прилавком, который заинтересованно следил за её поисками, при их виде скорчил кислую гримасу.

— Рубли давай, красавица. Или доллары, — сказал он. — Твоих денег я не знаю.

— Их можно продать коллекционерам, — сделала попытку Лиза. — Таких ни у кого нет, очень редкие монеты.

— Откуда я знаю, что ты не врешь? — пожал плечами продавец. — Откуда у придорожной девки редкие монеты? Украла?

— Я не воровка, — оскорбилась Лиза.

Пальцы правой руки сами собой сложились в заклинание огня. Никто не смеет безнаказанно подозревать её — магистра магии — в воровстве! Увы, в ладони не родился белый шарик, который мог бы поучить нахала. Здесь она — обычный человек, во всяком случае, пока...

— Нету денег, вали отсюда, — заявил продавец. — Пока клиентов не распугала.

— Подожди, Марат...

Из подсобки появился ещё один человек. Чуть постарше, бородатый и лысый, с большим вислым носом.

— Денег нет, это бывает, это не беда, девушка, — сказал он. — Другим заплатишь.

— Чем?

— Во-он, колечко у тебя на пальчике, — оскалился Марат. — Гони колечко, красавица, в обмен на шаварму!

Обручальное кольцо. Лиза и забыла о нём.

— Нет, — сказала она. — Кольцо — никогда.

— Правильно, девушка, — разулыбался бородатый. — Зачем кольцо? Отдашь кольцо — и нет кольца. У тебя много чего другого есть. Правильно, Марат?

Чернявый Марат облизал губы, жадно рассматривая Лизу.

— Пойдём с нами, красавица, развлечёмся. Сначала со мной, потом с ним. Или наоборот, как сама выберешь.

Лиза испугалась. Сейчас она беззащитна, и эти гады могут сделать с нею всё что угодно. Даже убить! Она оглянулась на занятый столик. Там на происходящее никто не обращал внимание. Или, в самом деле, не замечали, или привыкли к подобным картинам.

— Помогите... — на всякий случай позвала Лиза.

— Ай, девушка, — выходя из-за прилавка, сказал бородатый укоризненно. — Зачем плохо говоришь? Обидела. Отработать придётся.

Он больно ухватил её за руку. Марат тоже оказался рядом, дыхнул в лицо нечищеными зубами.

— Нет!

Лиза лягнула бородатого и бросилась к выходу.

— Вот сучка, дерётся!

Лиза выскочила наружу. Куда бежать? Налево и направо вдоль дороги стояли фонари. Стояли редко, но давали довольно света, не спрячешься. Вперёд! Авто двигались не очень быстро, она сможет перебежать, а там пусть ловят...

— Попалась!..

Сзади схватили за рукав жакета, дёрнули. Затрещала ткань. Вот уроды! Не успела! Чужие руки тащили с плеч жакет, шарили по телу, норовили залезть под юбку...

Иван Иваныч возвращался на дачу.

По-настоящему его звали иначе. Однако, большие города не очень жалуют таких как он простодушных провинциалов, особенно с национальных окраин. Над ним смеялись, а имя коверкали — и смеялись ещё больше. Тогда он стал Ванькой, над Ванькой смеялись не так злобно, почти без издёвки.

Шли годы. Авторитет Ивана Иваныча рос, а с ним уменьшалось число охотников пошутить. Шутники умолкали, всё больше стараясь держать языки за зубами. Никто не хотел замолчать совсем, как самые оторванные, самые непонятливые из зубоскалов. У Ивана Иваныча были хорошая память и изощрённая фантазия, которая заставляла потенциальных юмористов бледнеть.

Потом никого из тех, кто знал его мальчишкой, знал его настоящее имя, не осталось в живых. Он навсегда остался Иваном Иванычем. Зачем напоминать? — мудро рассудил он. Кто старое помянет, тому глаз вон. А какая ему польза от одноглазой братвы?

Законником Иван Иваныч не стал, но беспредела не любил, и с ворами держал нейтралитет.

Сегодня вечер не задался. Иван Иваныч держал маленький ресторан — для своих. Хорошо иметь место, где можно спокойно и без помех обсудить дела, решить накопившиеся вопросы, прояснить недоумения. Дурак-управляющий не уследил, подал на стол острое, а у Аркадия язва. Аркадий обиделся и сидел хмурый. Конечно, потом повар расстарался, но настроение уже безнадёжно испортилось, и разговора не вышло. Одно из предприятий, задуманных Иваном Иванычем, без помощи Аркадия не двигалось с места. Иван Иваныч нё убытки. Теперь предстояло снова договариваться, обещать, идти на уступки.

Иван Иваныч не любил отступать, но с Аркадием можно было только договариваться. Трудно давить на генерала, особенно, когда у тебя на него ничего нет, а у него — наоборот.

— Останови, — попросил Иван Иваныч водителя. — Отлить надо.

Мог бы и не объяснять, Лёха знал о его проблеме.

— Сделаем, Ван Ваныч! — весело ответил он, и скоро уже парковался возле

придорожного кафе.

Удивительно, но железный Иван Иванович, глава одного из мафиозных кланов, человек, при виде которого у многих холодело в животе, стеснялся врачей. Поэтому он запустил давнюю простуду, которую подхватил в то время, когда приходилось ночевать на вокзале или вовсе под открытым небом. По молодости болезнь почти не беспокоила, но с годами практически привязала его к сортиру. Иван Иванович злился, но не мог заставить себя лечиться. Ему казалось, все узнают про его трудности, и это нанесёт удар по авторитету. Мафиозо, который не отходит от горшка, — что может быть глупее? Ещё Иван Иванович помнил двоюродного деда, который умер на операционном столе. От тех же дел. Может, жил бы ещё и жил, не связись с эскулапами.

В Лёхе Иван Иванович был уверен, парень с понятием, не разболтает.

В кафе было пустовато, только за одним столиком расположились четверо, да у прилавка продавец втирал что-то промокшей девице. Девица с растерянным видом рылась в карманах. Искала, чем расплатиться? У таких деньги не задерживаются, вот и промышляют на трассе. Девица, правда, отличалась от обычных плечевых. Свежее, что ли? Вульгарность не лезет в глаза? Недавно занялась первой древнейшей?

Кого-то она напоминала. Ивану Ивановичу на миг стало не по себе. Вот чёрт, из-за проститутки!

— Серёжа, подожди здесь, — бросил Иван Иванович охраннику. Тот сделал каменную рожу и замер возле двери туалета. Куда там Терминатору...

Через пять минут, расслабленный и благостный, Иван Иванович вышел из кафе. Не стоянке давешняя девица отбивалась от продавца и ещё одного парня. Иван Иванович собирался пройти мимо, какое дело ему до этой дуры, но вспомнил...

Тамара её звали. Тома, Томка! Дочь русской математички, приехавшей вслед за мужем на какую-то всесоюзную стройку. Тогда вообще много строили. Она ему нравилась, они даже целовались за школой, раз или два. Жива ли?

Девушка, которой крутили руки местные чайханщики, была похожа на Тамару. Не один в один, но всё же.

Пусть она не будет плечевой проституткой! Это внезапно показалось ему важным... Иван Иванович удивился собственной сентиментальности и скучным голосом осведомился:

— Что здесь происходит?

— Что здесь происходит? — спросил кто-то скучным голосом.

Напор уродов сразу ослаб, её отпустили, только бородатый не отпускал правый рукав жакета. Лиза дёрнула плечами, освобождаясь, пнула бородатого в последний раз.

Кажется, он даже не заметил.

Вопрос задал немолодой мужчина с плоским желтоватым лицом. За его спиной меланхолично двигал челюстью парень в кожанке.

Марат и бородатый молча смотрели на плосколицего. Потом Марат неуверенно сказал:

— Уважаемый, она... это...

— Что? — так же скучно поинтересовался плосколицый.

— Она украсть хотела! — решил бородатый. — Поучить решили.

— Украла? — спросил плосколицый.

— Нет, но хотела, — упорствовал бородатый. — Без денег пришла, шалава, высматривала. Я таких каждый день вижу, я знаю!

— Серёжа, объясни беспредельщикам, — повернулся плосколицый к парню в кожанке.

Тот лениво шагнул вперёд. Что было потом, Лиза не поняла, но через секунду оба уroda лежали на земле и хрипели от боли. Серёжа так же лениво, не переставая жевать, вернулся на своё место.

— Псы, — выплюнул плосколицый и обернулся к Лизе: — Как звать тебя, девушка?

— Лиза.

— Меня Иван Иванович называй, — сказал плосколицый. Кажется, он ожидал чего-то иного и был слегка разочарован. — Куда тебя отвезти, Лиза?

Судя по обыденности и жестокости расправы, это был очень непростой человек и явно не полицейский или священник. Но Лизе так хотелось ему поверить!

— Мне некуда ехать... Иван Иванович, — сказала она. — Совсем некуда.

— Вот как? — наклонил голову, словно прислушиваясь, Иван Иванович. — Хорошо. Решим потом, а пока поживёшь у меня. Ты не против? Садись.

Только сейчас Лиза заметила ещё одно авто на стоянке. Большая чёрная машина с элегантными обводами и незнакомой эмблемой на капоте. Телохранитель Серёжа предупредительно открыл Лизе заднюю дверцу, дождался, пока она заберётся внутрь, и расположился по соседству. Иван Иванович сел впереди.

— Поехали, Лёша, — распорядился он.

Водитель без слов тронул авто с места. Через минуту они уже неслись по автостраде.

Никогда ещё Лиза не ездила так! Лёша невозмутимо бросал авто то влево, то вправо, и объезжал попутные машины почти не снижая скорости. Виктор никогда так не ездил, мало того, она представить не могла, что это возможно. Быстро, но мягко. И тихо. Мотор почти неощутимо взрывал, когда Лёша обгонял очередных неудачников, не имеющих столь мощного агрегата.

От мерного покачивания, от уютного запаха кожи Лизу сморило. В полусне она лежала на волнах. Светило солнце, но было зябко: мимо Лизы плыл зелёный айсберг, похожий на малахит в подарке Виктора. С айсберга задувал ветер, проникал под воду, охлаждал ноги и живот. Сквозь дрему она слышала слова: «Выключи кондишн, Серёжа». Ветер стих, Лиза постепенно согрелась и окончательно уснула.

Охранник Серёжа тягал железо. Приседал со штангой на плечах, отжимал её, лёжа, от груди. Лязг, глухой грохот, скрип тренажёров. В спортзальчике повис терпкий запах пота.

Второй день шёл дождь, за окнами комнаты, где её поселили, было серо и промозгло. От недосыпа и обилия информации — полночи она провела за компьютером — у Лизы гудело в голове. Здешнюю сеть переполнял мусор, найти полезное и важное среди моря чепухи было не так-то просто. Лиза устала, спустилась со второго этажа и сейчас сидела в углу, на маленьком диване, и просто получала эстетическое удовольствие. Заслужила же она маленькую женскую награду?

Серёжа не обращал на неё внимания. К своей физической форме охранник относится чрезвычайно ответственно. Ещё бы, от неё зависела его жизнь! Половину свободного времени Серёжа, по его собственным словам, — а они успели перебраться вчера несколькими фразами, — проводил здесь, в зале, а вторую — в подвале, где находился тир. Туда Лиза ещё не добралась, отложила на потом.

Серёжа повёл плечами, стащил с торса мокрую футболку и задорно подмигнул Лизе. От

неожиданности Лиза закашлялась, снизу живота поднялся и лопнул под диафрагмой прохладный мятный пузырь. Парень был очень хорош собой, хорош животной, бесстыдной красотой. О чём ты думаешь, дура? При живом муже? Проклятье, как он смотрит! Как он... Что же делать?

От замешательства Лиза спасла вошедшая в зал Зульфия.

Очень полная, немолодая, но пышущая здоровьем женщина с густой чёрной, убранный под платок шевелюрой, с чёрными толстыми как карандаш сросшимися бровями и чёрными же пикантными усиками над ярко-красными губами. Лиза могла поклясться: Зульфия в жизни не держала в руках помады, таким ярким, сочным цветом наградили её природа и незыблемая уверенность в себе.

— Хозяин зовёт, Лизочка, — сказала Зульфия. — Спешить надо, хозяин не любит, если опаздывают.

— Как же я, тётя Зульфия, — развела руками Лиза. — В чём?

Вчера вечером Зульфия сама отобрала её изгвазданные тряпки, даже бельё, сказала, что стирать, и сейчас Лиза куталась в мохнатый банный халат.

— Если прикажет, то и голой, — усмехнулась экономка. — Шучу, не бойся, милая. К себе иди.

На кровати Лиза обнаружила всю свою одежду, чистую, выглаженную. Над нею витал тонкий цветочный аромат. Рядом кучкой — содержимое карманов.

— Спасибо, тётя Зульфия, — Лиза чуть не полезла обниматься.

— Ладно, ладно, — ответила та, — какая я тебе тётя. Просто Зульфия. Собирайся, иди, хозяин ждёт.

Пока одевалась и спускалась, настроение испортилось. Не было коробочки с полозом, стащили! В кабинет Ивана Иваныча Лиза вошла чуть не плача от обиды, но сдерживаясь из всех сил. Сейчас решается её судьба, надо быть внимательной и осмотрительной. Порыдаться над несчастливой собою она успеет и потом.

Иван Иваныч в шёлковом халате сидел в большом кожаном кресле. Позади него стену подпирали Серёжа — безукоризненно выбритый, причёсанный, в неброском костюме. Когда успел? Серёжа показал Лизе язык и замер с отсутствующим видом.

— Садись, — кивнул Иван Иваныч на кресло напротив себя. — Угощайся.

Лиза послушно устроилась в кресле, взяла с блюда на журнальном столике виноградину, положила в рот. Сложила руки на сжатых коленях и, почувствовав себя готовой, посмотрела, наконец, в глаза Ивана Иваныча.

Главарь, не мигая, смотрел на неё. Именно главарь, в этом Лиза уверилась окончательно. Помогли сеть и общение с прислугой, да и дома ей тоже попадались подобные типы. Он мог быть злым или — по своим понятиям — добрым, излишне жестоким или справедливым, но одно Лиза знала точно: дураки не становятся предводителями мафии. Нигде и никогда.

— Колючая, — констатировал Иван Иваныч завершение её эволюций. Сунул руку за отворот халата и достал зелёный, в бархате футляр. — Твоё?

— Да! — Лиза приняла футляр, прижала к груди. Какое облегчение! — Спасибо огромное, Иван Иваныч! Откуда он у вас?

— Вчерашних дураков помнишь? У них забрали. Подумал, где им такое взять? Вещь непростая... — Иван Иваныч прищурился. — Ты где взяла?

— Муж подарил.

— То есть, — чуть подался вперёд Иван Иванович, — муж у тебя есть. Говорила, некуда идти совсем. Обманывала?

— Нет, Иван Иванович, — замотала головой Лиза, — зачем я вам врать буду? Я не знаю, где он сейчас. Расстались мы... странно.

— Как? — потребовал Иван Иванович.

Что ему рассказать? Правду нельзя, не поверит. Неправду тоже, она слишком плохо знает здешнюю жизнь, не сможет удачно придумать.

— Я... — Лиза изобразила замешательство. — У нас годовщина свадьбы, мы ехали куда-то праздновать, он как раз мне преподнёс. Помню дорогу... помню свет впереди... Дальше — не помню. Я не знаю!.. — она всхлипнула. — Не помню, Иван Иванович!

— Как интересно... — главарь задумался.

Что он решит? Чтобы успокоиться и занять руки, Лиза вынула брошь — и сразу ощутила биение магии в кончиках пальцев!

Ну, конечно же! Лиза вспомнила нападение: злоумышленники атаковали их с двух сторон и потратили немало сил. Можно сказать, малахит спас их, оттянул часть магической энергии на себя. Лиза присмотрелась: ровный шлиф пестрил прозрачными включениями, мелкими кристалликами изумруда. Они готовы делиться запасённой силой, нужно только правильно попросить.

Это Лиза умела.

Мир вокруг изменился. Она снова увидела ауры — ровное сияние уверенности в своих силах, исходящее от Серёжи, и хитрое сплетение мотивов, эмоций, устремлений, тайных мыслей, которое окружало Ивана Ивановича. Его аура была куда сложнее и содержала больше компонентов. Так всегда, чем выше поднимается по жизни человек, тем больше в нём всего намешано.

В сильные, мощные струи ауры вплеталась грязная прядка болезни.

У Ивана Ивановича, влиятельного, ворочающего чужими судьбами человека оказался простатит! Лиза поначалу не поверила. Воспаления, инфекционные болезни, не слишком злые опухоли их учили вылечивать на первом курсе. Это же не болезнь магистров, в конце концов. Да и какая польза от боевого мага или детектива, если у него в самый ответственный момент схватит живот? Обучали их самым действенным, самым эффективным способом — возбуждая недуг в организме ученика. Так что всё это Лиза умела. Единственное, что ей так и не далось — это простуда. Среди студентов ходила легенда, что этого не умели даже члены Магистерииума, а они могли вообще всё...

— Ладно, — сказал Иван Иванович. — Пару дней подумай, повспоминай. Потом попробую тебе помочь, но это будет стоить денег. Готовься расстаться с цацкой, — он кивнул на брошь. — Вещь дорогая, но ведь муж дороже. А сейчас...

— Иван Иванович! — встряла Лиза. Тот с неудовольствием приподнял бровь.

— Вы так много для меня сделали, — заспешила Лиза. — Хочу помочь, чем умею.

— Как ты можешь помочь? — Иван Иванович поджал губы. — В чём?

— Вы больны, Иван Иванович, — сказала Лиза. — Мелкой, но неприятной пакостью. Я вылечу.

— Что? — удивился Иван Иванович. — Откуда ты можешь знать? Кто сказал? Ты? — он обернулся к Серёже. Тот яростно замотал головой. — Тогда кто? Лёха-паршивец?!

— Поверьте мне! — постаралась быть убедительной Лиза. — Дайте мне шанс. Десять минут, прямо сейчас!

Иван Иванович засопел. Он был обескуражен, он никак не ожидал услышать подобное предложение от девчонки, подобранной на улице. На плоском его лице, обычно неподвижном, застывшем, одни чувства сменяли другие. Сомнение боролось с внезапной надеждой.

Надежда победила.

— Гм, что я теряю? Правда, Серёжа?

— Ничего, шеф, — подал голос охранник.

— Молчи, никому не говори, — погрозил ему пальцем Иван Иванович.

— Могила! — поклялся Серёжа.

— Что надо делать? — спросил у Лизы Иван Иванович.

— Лечь на живот и расслабиться, — ответила Лиза. — Только пусть Серёжа запрет дверь. Вдруг кто-нибудь увидит?

— Не бойся, — сказал Иван Иванович. — Сюда никто не сунется.

— Будет немножко неприятно, — предупредила Лиза.

— Начинай уже! — рассердился Иван Иванович. — Время пошло.

Для проверки Лиза широко развела ладони; хлопнуло, между ними проскочила синяя искра. Брошь исправно отдавала силу. У охранника отвисла челюсть. Теперь уже Лиза подмигнула ему, и Серёжа с клацаньем захлопнул рот.

Пора. Лиза провела руками над поясницей Ивана Ивановича. Сначала левой, потом правой. Ладони защекотало, но так, не сильно и почти не больно. Лиза обрадовалась: болячка оказалась простой, не слишком запущенной. Что скрывать, она боялась, что не справится, ведь лечение — не её профессия. Теперь же...

Сила хлынула потоком. Иван Иванович охнул и сдавленно спросил:

— Серёжа, что она делает?

— Водит руками, — пробормотал охранник.

— Не мешайте! — шикнула Лиза. — Вы всё испортите!

Мафиозо замолк.

Так! Так и так! Очаг воспаления схлопнулся. Лиза подчистила ткани вокруг, заодно придушила намечавшийся геморрой. Руки налились тяжестью, она упала в кресло и без сил откинулась на его спинку. Сейчас она не вылечила бы и мышонка. Но получилось. Кажется...

— Всё, — прошептала она.

Иван Иванович тяжело дышал, лицо покраснело. Казалось, сейчас его хватит удар. Потом он широко открыл глаза, словно не веря. Замер, прислушиваясь к ощущениям. Осторожно сел на диване, потом медленно поднялся и бросил Серёже:

— Глаз с неё не своди.

И ушёл, косолапо перебирая ногами. Лиза про себя усмехнулась: она на его месте летела бы сломя голову. Хорошо, если у него просто понос, после такой-то процедуры!

— Серёженька, — сказала она, — дай мне воды? Очень хочется пить. Клянусь, я не убегу, мне руки не поднять...

Потом она глотала холодную минералку, пузырьки щипали язык, щекотно лопались в носу, и с каждым глотком возвращались силы.

Иван Иванович вернулся через полчаса. С мокрыми после умывания волосами и безмерным удивлением в глазах.

— Гхм, — откашлялся он. — Не знаю, как, но ты это сделала. Думаю, без цапки не

обошлось. Пусть побудет у тебя, да... Ещё думаю, ты мне не всё рассказала.

— Иван Иванович! Я не помню!

— Может, и не помнишь. Но не всё, — сказал мафиозо. — Не бойся, спрашивать тебя не буду. Вряд ли это мне, гхм... поможет. Скажи, — он помолчал, — ты язву вылечить сможешь?

— У вас нет язвы.

— Есть у меня приятель... давний, — сказал Иван Иванович.

— Не знаю, — ответила Лиза. — Надо посмотреть. Я постараюсь.

— Уж ты постарайся, — со значением сказал Иван Иванович.

Лиза ушла, а он остался один. Было что обдумать. Ясно одно, его бессмысленный поступок, его сентиментальность уже окупились. Девчонка оказалась золотым дном. Даже если она не вылечит больше никого, кроме Аркадия. Он, однако, сделает всё, чтобы у неё были пациенты. Много богатых пациентов. Ещё... надо обязательно найти её мужа. Нет сомнений, он тоже кое-что умеет. Да и девица будет поговорчивей. Давить на неё нельзя, глупо, а вот понравиться, расположить к себе, быть полезным — самое то. Он не гордый, может и подыгрывать найдёнке. Если для дела важнее быть при ней, помогать и обеспечивать — он будет помогать и обеспечивать. А дальше — посмотрим... Кстати, давно пора прибраться к рукам местных колдунов и знахарей. Теперь, когда у него есть настоящая целительница, шарлатанам придётся подвинуться. Предстоит много дел, и первое — Аркадий.

Открыв ящик стола, Иван Иванович достал мобильник и принялся набирать номер генерала. Получилось не сразу, пальцы попадали мимо цифр. Давно надо аппарат сменить, люди косятся уже. У последнего ПТУшника навороченная труба с большим экраном, а у него такое старьё. Совсем, казалось бы, мелочь по нынешним временам, но Иван Иванович с заменой не торопился. Тому были важные причины. Если раньше встречали по одежке, то сейчас встречают по сотовой трубе. Крутая? Значит, и хозяин крут. Иван Иванович предпочитал показаться новому человеку простым и даже недалёким. Так проще. Чем от тебя меньше ожидают, тем больше захотят взять. И потому сами больше отдадут. Проверено. Многие ловились, иногда даже те, кто знал его давно.

Чем ещё хорош телефон? Лица твоего не видно, собеседнику только и остаётся по голосу гадать, что у тебя на уме, врёшь ты или говоришь правду. А какой голос в старой сотовой трубе? Скрип один, не до интонаций...

Трубку сняли после седьмого гудка.

— Здравствуй, уважаемый, — сказал Иван Иванович. — Узнал?

— Привет, старый бандит, — ответил Аркадий. — Что случилось?

— Хочу в гости пригласить.

— Всего лишь? Виделись недавно, — удивился генерал.

— Не пожалейшь, клянусь, — Иван Иванович даже приложил руку к сердцу, хотя Аркадий не мог этого увидеть. Хотя...

— И всё же, зачем?

— Угощу особенным блюдом, — сказал мафиозо.

— Ты меня уже угостил недавно, — недовольно проговорил Аркадий.

— Очень особенным, — проникновенно сказал Иван Иванович. — Очень.

— Ладно. Когда?

— Завтра. Записывай адрес.

— Ты что, — усмехнулся генерал, — думаешь, я не найду твоей берлоги?

— Шучу, уважаемый, — ответил мафиозо. — Хочется пошутить, порадоваться, уж больно повод хороший.

— Вот как... — протянул Аркадий. — Ну, жди. Посмеёмся вместе.

Короткие гудки.

Теперь ты мой, Аркаша, мой почти наверняка. Да что там почти, если приедешь, если не забудешь, то друзья навеки. Я знаю, ты оценишь то, что я хочу тебе предложить, ты же умный, Аркаша. И, чёрт возьми, совсем не то, что раньше. Зачем оно нам, когда есть Лиза?

Встреча вторая. Терапия и терапевты

Его ждали. Решётчатые фермы ворот поехали в стороны, едва джип генерала показался из-за поворота. Оставив водителя в машине, Аркадий Владленович прошёл в предусмотрительно распахнутую дверь.

В холле было пусто. Напротив входа, возле лестницы, скучал знакомый охранник — тень и левая рука хозяина.

— Двадцать минут, господин генерал, — вежливо, но твёрдо сказал охранник. — Максимум полчаса. Босс в сауне.

— Однако, — удивился Аркадий Владленович. — Сергей, тебе не кажется, что твой босс обнаглел?

— Есть немножко, — не стал спорить Серёжа. — Когда вы узнаете, в чём дело, вы его простите.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой генерал. — Я отложил несколько встреч, а там люди не твоему боссу чета. Они, знаешь ли, могут и обидеться, если узнают, к кому я так внезапно отправился. Колись, или я уеду.

— Он с женщинами, господин генерал, — потупился охранник.

— Что?! — брови Аркадия Владленовича, как две мохнатые гусеницы, поползли вверх. — Баки мне не забивай, парень! С какими такими женщинами?

— В том-то и дело, — оскалился охранник. — Лёгкого поведения.

— Он же не может...

— Теперь может, — со значением прошептал Серёжа. — Умоляю, не выдавайте меня, господин генерал, Иван Иванович не знает, что вы знаете.

Коротко пискнуло. Серёжа вынул из кармана сотовый:

— Да, шеф, — ответил он. — Конечно, шеф. Отбой. Извините за ожидание, господин генерал, сейчас всё...

На лестнице раздался женский смех, и в холл одна за другой выскочили две пепельноволосые девицы. С красными, распаренными лицами, мокрыми волосами, в коротеньких юбках. Ноги, что называется, от ушей растут.

— Оу, ещё один красавчик, — первая блондинка глянула на генерала снизу вверх. — Мы здесь закончили, хочешь поехать с нами, толстячок?

— Я устала, Марго, — плаксиво сказала вторая, — ну его. Укатал меня Ваню. Двинули уже...

У Аркадия Владленовича отвисла челюсть. Никто не смел разговаривать с ним в таком тоне, лет двадцать уже, с тех пор, как он стал офицером. Генерал набрал в грудь воздуха...

— Аркадий, дорогой! — в холле появился сияющий Иван Иванович. — Как я рад тебя видеть!

Генерал с лязгом закрыл рот.

— Что это значит, старый бандит?

— Коньяка? Виски? Водки? — рассмеялся Иван Иванович. — Закуска тоже есть. Зульфиа сегодня нажарила замечательного мяса с перцем чили.

— Ты издеваешься?! — Аркадий Владленович побагровел. — Ты ведь знаешь, что мне нельзя!

— Скоро будет можно, — очень серьёзно сказал Иван Иванович. — Скоро всё будет

можно. Познакомься, это Лиза...

На последней ступеньке лестницы стояла молодая женщина. В простом белом платье, очень стройная, с большой зелёной брошью на груди. Только что там было пусто, и вот вдруг... Откуда она взялась? Аркадий Владленович заглянул в её бездонные глаза и внезапно понял: да, скоро всё будет можно.

Газетам и телевизору капитан Максим Коваленков верил. То есть как — верил? Не полностью, потому что тоже врал как сивые козы, и не всегда, ведь как продашь новость, если не приврать? Но прислушивался. Должно быть в жизни нечто надёжное, такое, к чему хочется прислониться, если вокруг столько опасностей?

Правильнее всего держаться начальства, но Максим считал себя человеком широких взглядов, и понимал, что иногда начальство вправе соврать. Вправе, потому что так лучше для службы и вообще. На новое и необычное должно смотреть через правильные очки, но, опять же, Максим считал себя человеком с кругозором и интересовался альтернативными мнениями.

Откуда же их взять, как не из СМИ? Для трезвомыслящего человека нет проблем отсеять враньё и прочесть правду. На что точно нельзя ориентироваться, так это на вражеские голоса и подложные листки оппозиции. Как писал Козьма Прутков — «Зри в корень». Чего хотят враги, понятно: разрушить государство и захватить народное богатство. Про подпевал и говорить нечего, на то они и подпевалы.

В глубине души Максим их понимал. У каждого в жизни бывает момент, когда ненависть и обида отключают мозги. Но надо ведь вовремя остановиться! В жизни много несправедливого, даже если взять их контору: то премию зажилят, то отгула не дадут, но разве это повод? Хорошего куда больше.

Поэтому, когда Максиму поручили вести блогера Христофоренко, он подошёл к делу ответственно.

Кирилл Христофоренко был крайне неприятный тип. Нигде не работал, в армии никогда не служил, волосы забирал на затылке в бабский хвостик, а в ухе носил серьгу. Будь дело только в этом, Максим, например, только плюнул бы и мимо прошёл. Каждый сходит с ума по-своему. Можно и спицу в нос засунуть, это не преступление. В конце концов, у нас свободная страна, бомжуй на здоровье, если делать ничего не умеешь.

Нет, Христофоренко взял за моду тусоваться с правозащитниками. Максим искренне не понимал, зачем они вообще нужны, если есть полиция и прокуратура, которые защищают граждан по закону, профессионально, и имеют для этого все возможности? И зачем, спрашивается, защищать права жуликов, которых уже пригласили за решётку? Глупость несусветная и палки в колёса занятым людям.

Всё бы и ничего, но Христофоренко на этом не остановился. Законтачил с иностранцами, а иностранцы, если это не туристы в автобусе с гидом, непременно шпионы и вредители. Причём, к самим шпионам Коноваленков никаких претензий не имел, люди на службе и радеют за родину, но этот...

Сейчас блогер засел в кафешке с таким же волосатиком. Шептались и пили пиво, заедая фисташками. Максим припарковался на другой стороне улицы и всё видел через зеркальное окно. Коваленков страдал. С утра у него разболелся зуб, ныл и дёргал, и каждый глоток, который делали злоумышленники из запотевших стаканов, каждый брошенный в рот орех напоминал об этом мучении...

Словно шуруп в голову!

Боль чуточку отпустила, но в дело вступил дух противоречия... Максим тронул зуб языком — и едва не взвыл! На глаза навернулись слёзы, а шпион за стеклом, словно назло, притащил ещё пива, аж по две кружки, и целую тарелку орехов. Гады, это они надолго засели...

Вывеска над ближним подъездом, за которую Максим зацепился взглядом, гласила: «Солнечная врачевательница Лиза поставит на ноги, если вы не покойник. Желудочные колики, диарея, простатит. Заговор зубов. Быстро и недорого». Заговор зубов!

Максим решил. Быстро и недорого, а у них по две кружки. Успеет.

Внутри всё выглядело совсем не так, как он представлял. Ни тяжёлых штор на окнах, ни свечей, ни хрустального шара на столе. Приветливый парень с надписью «Охрана» на спине форменной куртки провёл его в большую светлую комнату. Максим заметил два мягких кресла, кожаную кушетку, окно во всю стену, и только потом рассмотрел хозяйку кабинета. Молодая женщина сидела спиной к окну, в потоках света, отчего вокруг её лица возник словно бы ореол.

— Здравсти, — сказал Максим. — У меня...

— Вижу, — сказала женщина. — Знаю. Помогу.

— Да, — пробормотал Максим.

В тихом голосе врачевательницы прятались сила и власть. Не чувствуя ног, он сел в кресло и откинул голову назад. Всё, как она сказала. Солнечная Лиза огладила его щёки ладонью, и боль сразу стихла.

Красивая... У Максима пересохло в горле. Врачевательница улыбнулась и подошла ближе. На лацкане белой блузки сияла брошь: серебряная змейка, обвившая зелёный камень.

— Всё будет хорошо, — сказала она.

В голове у Коваленкова взорвалась зелёная щекотливая шутиха.

— Ммм... — замычал Максим и замер в замешательстве.

Зубы не болели.

— Это всё? — не сразу сообразил Максим.

— Да, — она кивнула, и вместе пришёл в движение ореол вокруг головы. Не будь Максим столь удивлён, он назвал бы его нимб. Но хватило его только на простой вопрос:

— А... Сколько я вам должен?

— В кассу, — ответила врачевательница. — Там все расценки.

— До... свидания, — выдавил Максим и ретировался. Голова шла кругом.

Касса обнаружилась в прихожей. Махонькая комнатуха, не иначе бывшая кладовка. Здесь Максима ждало ещё одно потрясение. Лечение обошлось всего в пятьсот рублей, то есть гораздо меньше, чем он мог надеяться. Всё-таки, к своим тридцати он успел уже повидать зубных врачей, как муниципальных, так и частных.

По наручным часам визит занял минут семь. Максим закрыл за собой двери подъезда и

поднял взгляд на кафе напротив.

Столик, где заседали его подопечные, протирала деловитая официантка... Пустой столик!

У каждой уважающей себя спецслужбы должна быть собственная поликлиника. Негоже рыцарям плаща и кинжала — или базуки и гранатомёта, неважно — толкаться в очередях с простыми людьми. Не дело потеть в длинных очередях, слушать скучающих бабок в крашенных зелёной краской коридорах, потому что терапевт ещё не пришла, «и вообще, вас много, а я одна!», стоять в очередях в регистратуру, отвлекать врачей своими мелкими проблемами. Защищать обязательно, это долг, а лечиться вместе зачем?

Контора, где служил Максим Коваленков, себя уважала.

Максим, открыв рот, лежал в кресле и с испугом смотрел в глаза стоматолога Валентины Яновны. Уже десять минут она мрачно изучала его зубы. Рядом, на шатком стуле для посетителей, сидел максимов начальник, полковник Носовой.

— Можете идти, молодой человек, — сказала, наконец, Валентина Яновна. Перчатки полетели в мусорку, маска — на стол, на раскрытую медкарту Коваленкова.

— В коридоре посиди, — распорядился Носовой. — Ну, что скажешь? — спросил он Валентину Яновну, когда дверь за Максимом закрылась.

— Или тебя обманывают, или ты водишь меня за нос, вот что я скажу, — ответила Валентина Яновна.

— То есть? — не понял полковник.

— Это не тот человек, Паша.

— Что значит не тот?! — опешил полковник Носовой. — Я, по-твоему, своих сотрудников не знаю? Это кто, двойник? Ты за кого меня вообще принимаешь?!

— Это ты за кого меня принимаешь, полковник?! — взвилась стоматолог. — Я двадцать лет ваши зубы лечу! Мне в рожу смотреть не надо, я вас всех по зубам знаю! Это не тот человек! Потому что во рту не то! Не веришь — вали отсюда вместе со своим Коваленковым, другому кому лапшу на уши вешай!

— Кха-кха, — откашлялся Носовой и сказал примирительно: — Не буду вешать. Извините, товарищ капитан медслужбы.

— Вольно, полковник. Кофе будешь?

— Давай.

Загудел чайник. Валентина Яновна выставила на стол чашки, заварила кофе.

— И почему у тебя, Валя, кофе такой вкусный всегда? — удивился Носовой.

— Жадничать не надо, — ответила врач. — Кофе не пол-ложки класть, а две. И сахара побольше, от души.

— Сахара? — деланно удивился полковник. — А фигура?

— Ничего с ней не случится, — сказала Валентина Яновна. — Не бойсь. Главное, на заду не сидеть. Бегать надо, Паша, двигаться, и фигура будет как у Мерлин Монро.

— Ну да, ну да... — сказал Носовой. — Ладно, Валя. Давай, рассказывай, что думаешь Версию, что Макса подменили, рассматривать не будем как несерьёзную.

— Не знаю, — вздохнула Валентина Яновна и зашуршала медкартой. — Видишь ли, Паша, вода у нас плохая.

— Каким боком тут вода?

— Таким. Фтора в ней мало. Коваленков твой, поступая на службу, уже имел две

пломбы. Это в двадцать пять-то лет? И я лично ещё три зуба ему лечила. Вот, в карте всё есть. Записи, снимки подшиты...

— Продолжай.

— Нечего особенно продолжать, — сказала Валентина Яновна. — Сейчас у него ни одной пломбы нет. Все зубы целые.

— То есть?

— Здоровые, понимаешь? Как у ребёнка, если он, конечно, не слишком много конфет трескает. Хоть бы кариес какой, что ли... Ничего, понимаешь?

— Не понимаю, Валя, — сказал Носовой.

— И я не понимаю. И ещё... — она замерла.

— Что?

— Ерунда, Паша, — сказала Валентина Яновна. — И этого хватит. Очень мне хочется с этой Лизой встретиться. Где ты говоришь, он зубы заговаривал?

— Напротив кафе «Красная Шапочка», — усмехнулся Носовой. — Только нет там уже никакой врачебельницы. Пустое помещение. Ни мебели, ни даже клочка бумаги.

— Чудеса, — сказала Валентина Яновна. — Что делать будешь, полковник? Если не секрет, конечно.

— Какие секреты от медицины? — ответил Носовой. — Искать будем.

Кое-что полковник утаил. Принимала там врачебельница, вчера ещё принимала, а сегодня исчезла, как не было. Свидетели не ввали, да и зачем им нужно врать? Кроме того, нашлось ещё несколько пациентов, которым помогла колдунья Лиза. И которые сами её теперь искали. Только зачем об этом Валентине Яновне знать?

...Полковник задерживался. Оно и к лучшему: чем дальше от начальства, тем ближе к кухне. Чтобы скоротать время, Максим занимался странным делом: раз за разом трогал языком пустое место на месте верхнего левого клыка. Клык ему пятнадцать лет назад выбил в драке один конкретный пацан. По какому поводу случилась драка, что они не поделили то ли с Пельменем, то ли с Пупком, Максим забыл. Может быть, Максим пригласил танцевать девушку то ли Пупка, то ли Пельменя, может быть наоборот. Мало ли в юности поводов для ссоры? Дырка осталась как память. Одно время Максим хотел поставить коронку, но не решился. Не захотел трогать соседние зубы, ведь их пришлось бы убить. Иначе никак, объяснил ему врач, должна же коронка на чём-то держаться? Может и врал, хотел заработать на нём лишних денег. Максим не стал разбираться. Ну и что, что рот щербатый? Бандитская пуля, все дела, некоторым девчонкам даже нравилось.

Сейчас десна на месте зуба чесалась и даже немножко болела. Там резался новый клык.

Всё, за что не возьмись, Иришка делала элегантно. Не манерно, но аристократически, словно принцесса Диана какая-нибудь. Самое обыденное исполняла так, что хоть сейчас в кино снимай. Маринка ей по этому поводу жутко завидовала. По-белому, конечно. Не будь Иришка её лучшая подруга, так вообще убила бы!

Они сидели в кафе «Красная Шапочка». Это было их любимое место, издавна, с детства ещё. Здесь готовили очень вкусные пирожные с заварным кремом. Из-за общей любви к пирожным они и подружились.

Сейчас Маринке пирожных нельзя — разнесёт, она и так не знала, как жир с боков убрать. Спасибо, Максим ничего по этому поводу не говорил...

Поэтому Марина заказала огуречный салат. Без соли и с самой капелькой масла. Сидела

и с отвращением ковыряла вилкой в тарелке, нельзя же прийти в кафе и вообще ничего не заказать?

Иришка взяла пирожные, целых три, и теперь лакобилась, мечтательно глядя в пространство. Она никогда ни в чём себе не отказывала, и оставалась при этом стройной как семиклассница.

— Как у тебя это выходит, подружка? — не выдержала Маринка. — Жрёшь и жрёшь, и хоть бы что!

— Не знаю даже, — ответила Иришка. — Само получается. Ммм... — она облизнулась. — Вкусно!

— Может, — задумалась Маринка, — ты упражнения специальные делаешь? Для фигуры?

— Для фигуры, подружка, — заговорщицки, понизив голос, сообщила Ира, — нет ничего лучше регулярного секса.

— Регулярного это как?

— Регулярного — это и значит регулярного. В одно и то же время. Каждый день. Или чаще.

— Ну ты, Ирише, и змеюка! — Маринка поперхнулась салатом. — Мой, бывает, знаешь, когда со службы является? Какой там секс, глаза бы продрать, накормить и снова до кровати доползти бы! Да ты откуда знаешь? У тебя и мужа-то нет!

— Фигня, — Иринка изысканно оттопырила мизинец и взяла последнее пирожное. — Вот выйду замуж — и будет.

И торжествующе посмотрела на подружку.

— Да ты шутишь! — догадалась, наконец, Марина. — Кстати, про мужа, — сказала она, отсмеявшись. — Максик недавно рано пришёл, даже непривычно как-то. Ну, то да сё, лежим потом, отдыхаем... Чувствую, не так что-то, иначе, странно.

— И что? — наклонилась к ней Ира. — Что случилось-то?

— Понимаешь... — Марина наклонилась ближе и зашептала подружке на ухо.

— Ну, да... — Иришка пожала плечами. — Ну?.. И что? Фу, глупости какие... Да?.. Да ну? Да не может быть! Маринка! Не бывает так!

— Бывает, оказывается, — Марина откинулась в кресле. — Все, как один. И даже на месте выбитого новый растёт.

Она замолчала и гордо посмотрела на Ирину, как будто это её рук дело, как будто это она собственноручно вырастила мужу выбитый зуб, как будто это она колдунья и волшебница.

— Ну и ну! — сказала Иришка. — Макс не рассказывал, где ему так повезло?

— Вот прямо здесь, — ответила Марина. — В доме напротив.

Подруги одновременно посмотрели в окно, на ничем не примечательный подъезд. Над окнами второго этажа висела замазанная краской вывеска, но в правом нижнем углу ещё можно было угадать: «...убов.» и строчкой ниже: «...и недорого».

— Ладно, — засобиралась Марина. — Пора мне. Вдруг он опять вовремя вернётся? Побегу. Чмоки-чмоки!

Иришка посидела немножко, задумчиво крутя в пальцах кофейную ложечку, а потом решительно взялась за телефон. Разве можно такую новость пережить в одиночку?

Утром о происшествии с Максимом Коваленковым знали три десятка её знакомых. Были и другие люди, которым помогла колдунья, ведь кабинет напротив кафе «Красная

Шапочка» работал почти месяц. У них тоже были знакомые, а у тех — свои. Город загудел. Появление таинственной волшебницы, а также её внезапное исчезновение будоражили воображение. Рождались самые невероятные слухи. Кто-то считал, что она прилетела с Альфы Центавра — собирать этнографическую информацию. Другие решили, что Лиза — доисторический вампир, который питается людскими эмоциями, а исцеления — просто побочный эффект пиршества. Третьи говорили, что она — тайный заокеанский агент, присланный смутить народ-богоносец. Четвёртые утверждали, что волшебница прибыла из сибирского староверческого скита, чтобы наставить погрязший в грехах народишко на путь истинный.

Версии разнились как свет и тьма, как огонь и вода, но все сходились в одном: врачевательница привлекла внимание спецслужб и потому прекратила практику.

Ближе прочих к истине приблизился городской сумасшедший Федя Корявый. Волшебницу перенёс к нам конклав чёрных магов из параллельной реальности. За то, что она мешала им творить их чёрные дела. «Сведения абсолютно верные!» — вещал он с летней эстрады в городском саду, тряся патлами. Люди торопливо проходили мимо: сведения у Феде всегда были верные, да и пахло от него скверно.

Феликс Игнатьевич Хольц задержался. Он вчера только привёз он жену из Израиля и не знал последних новостей.

Теперь Хольц мог надеяться лишь на чудо. Месяц в тель-авивской клинике оказался зряшной потерей времени. Не уморили окончательно бывшие наши доценты и эсэнэсы, — и на том спасибо. Покачали головами, изобразили скорбные мины и расписались в бессилии. Счёт за консультации и нахождение в клинике, правда, выставить не забыли. На хорошую такую, серьёзную сумму...

Плевать Феликс Игнатьевич хотел на деньги. Деньги — это навоз, удобрение, в лучшем случае смазка для шестерёнок повседневных дел. Он бы все деньги отдал, чтобы спасти Леночку. Только не нашлось на свете такого человека, кто согласился не просто взять их, но и пообещать, что жена выздоровеет. Ребятам из Израиля Хольц был даже благодарен. Не стали тянуть, не стали обнадёживать, поступили честно. Но как хотелось хоть ненадолго поверить в успех!

— Здравствуй, Федя, — сказал сумасшедшему Хольц. — Водки хочешь? С колбасой?

Через полчаса Феликс Игнатьевич знал то же, что и Федя, а Федя про городские дела знал всё. Потом Федя отправился на ближайшую скамейку отсыпаться, а Хольц — куда и шёл, в контору.

Пока Лена, обколотая наркотиками, спит под присмотром сиделки, у него есть время, которое нужно потратить с умом.

Феликс Игнатьевич Хольц владел третьим в городе строительным бизнесом и офисом в самом центре, на исторической набережной, с окнами на главную реку страны. Богатые тоже плачут; ни деньги, ни влияние не помогли ему вылечить жену, но, по крайней мере, они могли уменьшить её муки. Разговор с Федей Корявым принёс призрачную надежду, и большие — и свободные! — средства оказались кстати, не дали опустить руки и позволили ему биться до конца.

Целительница — их последняя надежда. Он обязан её найти!

Через два часа, отдав все необходимые распоряжения и нажав на все известные рычаги, Хольц вернулся домой. Когда Лена проснётся, она увидит его рядом.

Спустя три дня Феликсу Игнатьевичу позвонили.

— Записывайте номер счёта, — сказал без приветствия смутно знакомый голос. — Не позднее завтрашнего утра вы переведёте на него сто тысяч долларов. Как только поступят деньги, придёт машина. Вы с женой, больше никто, садитесь...

— Моя жена не может ходить, — перебил Хольц. — Мне понадобится помощь!

— Вам помогут, — ответил голос. — Слушайте внимательно, Феликс Игнатьевич. Телефоны оставьте дома, всю электронику оставьте дома. Если мы обнаружим слежку, то просто высадим вас в чистом поле, и решайте свои проблемы сами. Вы всё поняли, Хольц?

— Да.

— Торопитесь, — в голосе появились человеческие нотки, — никто не в силах оживлять мёртвых.

Сто тысяч! Это было больше, чем Хольц мог вынуть из кармана немедленно.

— ...Мне очень жаль, Феликс, — сказал, кусая ус, главный финансист компании «Хольц и партнёры», — но где я возьму такие деньги прямо сейчас?

— Речь о Лене, ты что, Гурам, не понимаешь? Займи.

— Это деньги на ветер, Феликс. В Германии не помогли, в Израили развели руками, это очень печально, Феликс, ты знаешь, как я отношусь к твоей жене, но... Ты же не собираешься помирать сам? Сейчас вынуть столько средств... можно, но потом ты зубы на полку положишь.

— Плевать, — упрямо сказал Хольц.

— Но какая-то бабка деревенская! — не выдержал Гурам. — Что она, святой водой брызгать будет? Можжевельником окуривать? И вообще, это жулики! Ты номер пробил?

— Он не определился.

— Что я говорил! Жулики!

— Гурам, это мои деньги! — рассердился Хольц.

— Ошибаешься, — финансист кинул на Феликса угрюмый взгляд. — Это давно не только твои деньги. Мне, если помнишь, принадлежит шестая часть. Хочешь оставить меня без страховки на старости лет? Рухнет компания, все по миру пойдём, не только ты.

— Ты прав, — сказал Феликс. — Может, тогда ты лично мне одолжишь? У тебя есть заначки, я знаю.

Гурам закурил, постоял, качаясь с пятки на носок, потом с гримаской сказал:

— Нет, Феликс, не выйдет. Была бы надежда, я бы с радостью, а так? Не хочу рисковать.

— Что же делать? — Хольц рухнул в кресло, уронил голову в ладони. — Посоветуй, финансист?

— Прежде всего, поверь мне, — сказал Гурам. — Я очень хочу помочь, но так, чтобы не пострадал бизнес.

— Короче, Гурам, — сказал Хольц. — У меня мало времени.

— Я выкуплю половину твой доли, — предложил финансист.

— И получишь контроль над фирмой!

— Станный ты, — всплеснул руками Гурам. — Только что готов был ею вообще пожертвовать. А теперь вспомнил о контроле!

— Да, конечно, извини, — согласился Хольц. — Готовь соглашение, жучара. И давай быстрее...

Оплатить успели в последний момент, пришлось отдельно говорить с банком. Наутро под окнами особняка, где Хольц занимал верхний этаж, остановилась карета «Скорой помощи». Обычная муниципальная машина. Номер, наверняка, поддельный, ну да чёрт с

ним!

— Пойдём, милая... — Хольц подхватил жену на руки. Боже, какая она лёгкая, невесомая просто! В горле запершило.

Так, с сонной Леной на руках, Феликс Игнатьевич встретил санитаров с носилками. Зелёные халаты сидели на них, как... Не на каждой корове седло сидит так нелепо. Совсем не к такой одежде привыкли эти сытые, накачанные ребята.

Внутри машина выглядела как обычная «Скорая помощь», только окна — все, и даже окошко в кабину — плотно закрывала непрозрачная плёнка.

Один из «санитаров» вооружился сканером наподобие тех, которыми пользуются в аэропортах. Не слушая возражений Феликса, он проверил и его самого, и Лену, и только потом трижды стукнул водителю.

Всю дорогу Хольц держал Лену за руку. Она полностью пришла в себя, смотрела, не отрываясь, на Феликса и слабо улыбалась, покусывая губы. Потом собралась с силами и хрипло прошептала:

— Спасибо, что пытаешься...

— Глупости, — ответил Феликс. — Не надо, не говори, тебе больно говорить. Молчи, всё будет хорошо.

— Да, — ответила Лена.

Ехали долго. Лене стало совсем плохо, и второй «санитар» вколол ей наркотик.

— За счёт фирмы, — буркнул в ответ на невысказанный вопрос Хольца.

Звук, который проникал в салон, немного изменился. Асфальт под колёсами стал попроще, пошумнее. Значит, они, наконец, съехали с шоссе. Участились повороты, и Хольц решил, что цель уже недалеко. Так и вышло.

Машина остановилась. Снаружи заскрипели ворота. Ещё несколько коротких прогонов — и водитель заглушил мотор. Дверцы открылись, «санитары» споро выкатили носилки с Леной, Феликс выпрыгнул следом.

Каменная коробка без окон, голые стены, масляные пятна на полу, на потолке — лампы дневного света, одна из них потрескивает и мигает. Подвал? Частная подземная стоянка? У одной из стен, возле закрытой двери, расположился застеленный белой простыней, даже на вид мягкий диванчик. Рядом с ним стоял журнальный столик и несколько кресел. Этаким уголок уюта среди бетонных серости и примитивизма. Дверь открылась, оттуда вышла молодая женщина.

— Везите!

Лену переложили на диван. Она была бледна, вокруг глаз залегли чёрные круги, тонкие, почти прозрачные руки безвольно лежали вдоль тела. Женщина коснулась ладонью её лба, пошатнулась.

— Как можно довести до такого?!.. — неожиданно громко прозвучали в тиши её слова.

Феликсу показалось, что целительница засветилась. Лицо её стало белым-белым, мраморным, по бледности колдунья почти сравнялась с его женой. Лампы будто притухли, выцвели, из углов поползла чернота. Повеяло холодом. Хольц обнаружил, что тяжело, хрипло дышит, с трудом втягивая в лёгкие почти осязаемо вязкий, густой воздух. Колдунья задрожала, Хольцу показалось, что она пытается оторвать ладони от Лены, но те словно прикипели, приклеились к ночной сорочке жены. Возник низкий гул, тон его повышался, пока не превратился в запредельно тонкий свист. Так звенит перенапряжённая струна; зелёный камень на груди колдунье ослепительно вспыхнул, и струна лопнула!

Упала ватная тишина. Целительница охнула и упала без чувств на руки одного из «санитаров».

Лена пошевелилась, и Феликс кинулся к ней. Лена открыла глаза, села, удивлённо посмотрела вокруг, смущённо запахнула на груди сорочку и сказала:

— Где я? Кто все эти люди?

Открыть кабинет напротив «Красной Шапочки» Иван Иванычу предложил Аркадий.

— Цены должны быть смешные, — сказал он. — Поначалу к нам пойдут случайные люди, обычные прохожие. Никто не обратится специально, все боятся жуликов. И правильно делают, между прочим. Наши шарлатаны тоже могут вылечить, но кого? Экзальтированную дамочку, которая придумала себе мигрень. Девуцу, страдающую от неразделённой любви, и всякое такое прочее. То есть тех, кому нужен не врач, а психотерапевт. А Лиза у нас настоящая волшебница, она поможет всем. Пойдут слухи, возникнет ажиотаж.

Иван Иваныч согласно кивал, улыбался и не подавал вида, как ему не понравилось это «у нас». Ну, Аркадий, ну, генерал! В момент сориентировался и стал под себя грести. Ну да ничего, всё это временно.

— Кабинет, конечно, придётся впоследствии закрыть, — продолжал тем временем Аркадий. — Мы не благотворители, наше дело деньги зарабатывать. Да и не пойдёт серьёзный человек в такое заведение.

Нам, наше... Ишь, разошёлся! Хотя, в умении организовать Аркадию не откажешь. Как и в связях, не бывает генералов без связей. Для чего и держим...

Предприятие удалось открыть за день, ещё через день нашли помещение, так что уже через три дня Лиза с удивлением рассматривала трудовую книжку с записью о приёме на работу. Фельдшер, — так значилась её должность. Трудовую книжку, паспорт, лицензию на целительство, кучу других документов, — всё сделал Аркадий.

Лизе казалось иногда, что бумажка с печатью здесь важнее самого человека. К примеру, Аркадий Владленович, едва пришёл в себя после лечения, поинтересовался её паспортом. С другой стороны, здесь не было магов-проверяющих, которые безошибочно определяли ложь. Им невозможно соврать, им опасно врать, вот Лиза и прожила тридцать лет без удостоверения личности.

— Тебе надо легализоваться, — сказал тогда Аркадий Владленович. — Найти, восстановить утерянные документы — или сделать новые. Второе будет проще.

— Но зачем мне это? — не поняла Лиза.

Аркадий Владленович удивлённо посмотрел на неё:

— Девушка, ты откуда свалилась? Что значит «зачем»?

— Долгая история, — вмешался Иван Иваныч. — Ты ищешь мужа?

— Да, вы же знаете, — сказала Лиза, — и вы обещали...

— Обещал, — перебил её Иван Иваныч, — но вдруг у меня возникнут неожиданно дела? Например, мне придётся срочно уехать. Надолго уехать? Ты согласна запереться в четырёх стенах?.. Без паспорта нельзя купить билет на поезд или телефонный номер, нельзя попасть к врачу... эээ... так, это тебе не нужно, но всё равно...

Пока Иван Иваныч говорил, Аркадий Владленович кидал странные взгляды то на него то на Лизу.

— Интересная, наверное, история, — сказал он потом. — Очень хочется послушать.

— Мне тоже, — добавил Иван Иваныч.

— Договорились, — Аркадий Владленович хлопнул ладонями о колени и встал. — Завтра принесу фотокамеру, на паспорт щёлкну сам. Кажется, нам не стоит приглашать фотографа. Но история за тобой, Лиза.

Пришлось согласиться. С тех пор не было дня, когда Лиза не раздумывала о предстоящем рассказе. Аркадий Владленович, высокий седой красавец, по причине излишней полноты имел немного простодушный вид, но, похоже, ему будет мало объяснений, которыми удовольствовался Иван Иваныч. Значит, надо больше правды, но как он отнесётся к этой правде? Так Лиза ещё ничего и не решила, хорошо, ни Аркадий Владленович, ни Иван Иванович не напоминали об обещанном.

Однажды Аркадий Владленович пришёл хмурый.

— Контору пока закрывать, — сказал он. — О Лизе узнал полковник Носовой. Этот как клещ, вцепится, не оторвёшь. Будем считать, первый этап мы закончили.

— Аркадий Владленович, — удивилась Лиза. — Он всего лишь полковник, а вы генерал. Прикажете ему!

— Вряд ли у меня получится, — после длинной паузы сказал Аркадий Владленович. — У него свой генерал есть, и только он может ему приказывать.

— Но вы же спецслужба! — настаивала Лиза.

— Хех! — усмехнулся генерал. — И он спецслужба, только другая. Спецслужб много, и ссориться нам не с руки.

Удивительный мир. Сможет ли она понять его? Правда, сейчас ей было не до размышлений. Первая же серьёзная пациентка вымотала Лизу до полусмерти. Силы кончились, не хотелось шевелиться, не хотелось смотреть на окружающих, а особенно на Ивана Иваныча, подложившего ей такую свинью. Или это был Аркадий Владленович? Кто из них притащил эту женщину? Даже на Серёжу смотреть было тяжело, хотя это именно он поймал её, когда ей стало дурно, это он отнёс и сдал её тушку с рук на руки Зульфие, а уж экономка привела её в чувство. Кстати, заодно и в душе вымыла.

Лиза лежала в шезлонге и лениво следила с солнечными зайчиками на поверхности бассейна. Вокруг Зульфия расставила кадки и горшки из зимнего сада, так что Лизу окружала импровизированная тропическая роща. Лиза измучилась и даже не могла спать. Некоторые скажут, что такого не бывает. Бывает, и ещё как. Так умаешься, что, кажется, стоит упасть в кровать, и проспишь сутки, но сон не идёт, хоть ты тресни! Поэтому Лиза приплелась к бассейну и спряталась среди лиан и орхидей. Запахи цветов, прохладный ветерок, что может быть приятнее?

Особенно после того, что ей пришлось испытать...

Лечить умирающего, а давешняя пациентка точно была при смерти, это как войти в пышущую жаром печь и в замороженный склеп одновременно. Будь рядом Виктор, он смог бы её понять, обычному человеку это не осознать и не представить. Умирающий стоит на грани: за спиной его мир живых, а впереди — чёрная бездна. Она тянет к себе, она обещает забвение и покой, освобождение от мук обещает. Да, умирать страшно, но существовать с такой болью ещё страшнее.

На Лизу словно вновь повеяло холодом. Станный мир. Как они живут, не умея лечить такие недуги? Не просто живут, но и доживают до преклонных годов...

А ведь она могла гордиться. Вытащить такого больного... Эта женщина, Елена, кажется, не просто шагнула за черту, она стояла за ней обеими ногами, и только кончиками пальцев держалась за жизнь. Вернее, её держала любовь мужа.

Сразу вспомнился Виктор. Где он? Когда придёт за ней? Сможет ли? Лиза испугалась. Брошь-то осталась у неё, значит, Виктор здесь ничем не отличается от обычного человека. Как бы его самого не пришлось спасать! Значит, надо возвращать себе силы, брошь-аккумулятор — это хорошо, но ненадёжно. Силы, накопленные в ней, не беспредельны, нельзя надеяться только на них, неправильно это, опасно.

Как приручить местную магию? Усилим воли отключившись от амулета, Лиза сплела заклинание Призыва. Её бросило в жар, потом в холод, сердце в панике забилося... Тщетно. Напрасная работа, она слаба как мышь, особенно сейчас, после врачевания. От жалости к самой себе Лиза всхлипнула. Отдыхай, подруга, копи силы, что тебе ещё остаётся?

...Серёжа опять качался. В доме душновато, и он перебрался в сад, где хоть и яркое солнце, но и свежий воздух. Штангу и станок в сад не притащишь, поэтому охранник обошёлся гирей и гантелями.

Лиза засмотрелась. Интересно, смог бы так Виктор? После разминки Серёжа кидал гирию. Взяв снаряд правой рукой, слегка присев и качнув гирей раз-другой между ног, он резко выпрямлялся и разжимал хват. Гирия взлетала как пёрышко и срывалась вниз. На уровне плеч Серёжа снова ловил её, но уже рукой левой. И снова правой. И левой... Вниз — вверх, вниз — вверх! Гирия крутилась, солнечный блик прыгал с её полированного бока на мокрые от пота серёжины плечи и снова на гирию. Иногда Серёжа ловил железку у самой земли, когда, казалось, газон может спасти только чудо.

Этим чудом раз за разом становились руки охранника. И никакой магии.

Прилетел ветерок. Принёс терпкий запах мужского пота. Удивительно приятный, возбуждающий запах.

Серёжа покраснел, тяжело дышал, мышцы бугрились под кожей. Наконец он устал, унёс железки в дом, потом вернулся и зашёл в душевую кабинку у бассейна. За шумела вода.

Стены кабинки были набраны из матовых стеклянных панелей, укрепленных под углом к горизонту. Отличная ширма — если смотреть с высоты человеческого роста, но не снизу. Отсюда Лиза видела всё!

Серёжа не торопился. Намывался от души, крутился как девчонка у зеркала, потом замер, вытянув руки вверх, и струи воды катились по его спине, по ягодицам, по бёдрам...

Он не заметил её? Или просто забыл? Такого не может быть, он же сам притащил сюда шезлонг для Лизы и помогал Зульфие расставлять горшки. Какой хитрец, устроил окошко, из которого видно и бассейн, и площадку, где он собирался кидать гирию! И душ... Зачем ему это?

Лизе стало жарко. Похоже, Серёжа имеет на неё виды. А она? Как ей относиться к спектаклю, которых охранник разыграл — и теперь в этом не было сомнений! — специально для неё? Очень, очень красивый спектакль для одной зрительницы. Настолько, что она может и не выдержать.

Лиза прикрыла глаза. Нет, она, конечно, ничего не имеет против Серёжи. Привлекательный молодой человек, мужественный, не болтливый, да и красивый, этого не отнять. Дни безопасные, даже без магии, и с этой стороны ничего не угрожает, но что скажет Виктор, если узнает? Он обязательно узнает.

Не надо врать, подруга. Кто ему скажет? Ты промолчишь, а больше никому.

Прохладная ладонь легла на её колено. Лиза открыла глаза: Серёжа сидел рядом. Чистый, свежий, в одном полотенце, обёрнутом вокруг бёдер, да и то не прочь свалиться.

А ведь на ней после забот Зульфии только пушистый халат. Как двусмысленно

получилось...

— Что тебе, Серёжа? — спросила Лиза для очистки совести. Будто непонятно, зачем он рядом с ней и что ему надо.

— Ты устала, Лиза, — охранник улыбнулся.

Какая обаятельная у него улыбка!

— Это пройдёт, — сказала Лиза. — Отдохну немного.

— Я помогу, — сказал Серёжа и повёл рукой вверх — от колена к бедру. Ме-едленно...

За его ладонью побежали щекотные мурашки.

— Не надо, — попросила Лиза. — Я мужа люблю.

Проклятье! Нежно царапала кожу его жёсткая от мозолей рука, взрывались в животе холодные фейерверки...

— Люби, — согласился Серёжа. — Наверное, у тебя хороший муж, но он далеко, а я — просто доктор. Ведь ты не боишься докторов?

Она не боится докторов, хотела сказать Лиза, она сама в какой-то мере доктор, но не смогла. Дыхание перехватило, потому что мужская рука добралась до паха, но не остановилась, поползла выше, по пути откидывая халат в сторону.

— Хватит... — прошептала Лиза.

Последняя попытка сопротивления. Негодная попытка, неискренняя.

— Нет, — ответил Серёжа. — Я только начинаю.

Второй рукой он ловко развязал пояс её халата — и вынул Лизу всю наружу, как улитку из раковины.

Фарфоровый Будда смотрел с улыбкой, как и всегда. Иван Иваныч тюкнул его пальцем в нос, и Будда радостно кивал, всё так же улыбаясь миру. Или это был дух счастья, или вообще безымянная фигурка, но Иван Иваныч предпочитал называть его Буддой.

— Вот правильное устройство мира, — сказал он Серёже, подпирившему плечом дверной косяк. — Щёлкнешь, а он улыбается и кивает в ответ... Что Лиза?

Охранник сделал неопределённую мину:

— Все женщины одинаковы.

— Вот так прямо вообще все? — не поверил Иван Иваныч.

— Если я правильно вас понял, босс. Да, у меня всё получилось, у меня всегда получается.

— И как она?

— Ласковая, — пожал плечами Серёжа.

— Я не об этом, — отмахнулся с досадой Иван Иваныч. — Она не обиделась?

— За что? — не понял Серёжа. — Обиженки не бывают ласковыми. Она делала вид, что не хочет, но на самом деле была рада. Если вы об этом, босс.

— Не обижай её, Серёжа, — Иван Иваныч снова щёлкнул Будду в нос. — Будь очень ласков с нею, Серёжа, — Будда кивал и улыбался, он был согласен с Иваном Иванычем, согласен всегда и во всём. — Она должна оставаться с нами как можно дольше, слышишь, Серёжа? С сегодняшнего дня ты всегда при ней.

— А вы, босс?

— Разберёмся, — сказал Иван Иваныч. — И, Серёжа... — он помолчал. — Она хочет найти своего мужа... Сделай так, чтобы она его забыла? Или не вспоминала долго-долго. Ты это сможешь, Серёжа?

Охранник подошёл и встал рядом, задумчиво глядя на фарфорового Будду. Болванчик улыбался, но как-то неуверенно, словно сомневался.

— Не уверен, Иван Иванович, — ответил Серёжа. — Она была со мной, но думала о нём. Руку готов заложить.

— А ты постарайся.

— Постараюсь, босс, — сказал Серёжа. — Но ведь женщины, они все одинаковые. Никогда не поймёшь, о чём они думают на самом деле.

Лизу разбудил луч заходящего солнца. Надо же, она всё-таки уснула прямо тут, возле бассейна! Правда, и причина нешуточная. Она прислушалась к себе: а ведь хорошо, Лизка? Серёжа оказался умелым любовником и постарался на славу, да и она тоже... особо не сдерживалась. Как ни странно, она не чувствовала никаких угрызений совести, и от этого ей даже стало капельку стыдно. Стыдно не за измену, а за отсутствие стыда. Наверное, это правильно. Воздержание вредно, от этого портится цвет лица, а в голову приходят дурные мысли.

Нет, Серёжа решительно молодец, она потеряла счёт времени и... Лиза порылась в памяти: не сделали ли она чего-то уж совсем неприличного, такого, чего будет стыдиться потом, когда пройдёт наваждение? Нет, и тут любовник оказался на высоте. Действовал очень бережно и деликатно, оставив безумства на потом. Будет ли это потом? Почему бы и нет... Фу, плохая девочка!

Она сладко, как кошка, потянулась и вдруг обнаружила, что мир изменился. Несильно, не будь секса, она бы и не заметила.

Дикая магия стала более ручной.

Она всё ещё покусывала кончики пальцев, но уже не жгла как крапива. Лиза напряглась и зажгла между ладонями крохотный огонёк. Жёлтый лепесток чистой силы. Он гнулся из стороны в сторону, словно колеблемый ветром, но не гаснул и упрямо тянулся вверх. Лиза счастливо рассмеялась: наконец-то она может почувствовать себя полноценным магом! Ведь в основе магии, если рассудить, не знания и не умение плести заклинания. В основе её лежит сила, которую черпаешь отовсюду, куда можешь дотянуться. Когда можешь и умеешь дотянуться! Маг, не умеющий получить силу из окружающего мира, это инвалид. Так надоело сознать собственную немощь. Теперь всё будет иначе!

Виктор... Теперь она может найти Виктора!

Лиза отвлеклась, и огонёк погас. Ничего, теперь это только вопрос времени. Она представила себе мужа и создала Искателя. Призрачная лисичка возникла на её плече, повела чутко носом, втягивая и запоминая образ Виктор. Вильнула огненным хвостом и пропала.

Внешний вид Искателя зависел от характера мага. У Виктора Искатель имел вид коршуна, у шефа — удава с янтарными глазами. Это было неудивительно, даже обычные люди решают задачи по-разному, что уж говорить про магов.

Запахло палёной шерстью, в воздухе рядом с Лизой появился Искатель. Лисичка виновато поджимала лапки, роскошный хвост обгорел и превратился в прутик. Лизе даже стало её жалко, хотя Искатель не живой и не может чувствовать боли. Вид зверька — это отчёт, то, как воспринимает хозяин Искателя результат поисков. Лиза щёлкнула пальцами и лисичка развеялась.

Она пока не готова, ей не хватает сил создать настоящее, мощное заклинание. Искателя,

который будет поддерживать себя сам, без внешней подпитки. Лиза и не ожидала, что всё получится сразу. Она в этом мире всего лишь месяц, и совсем недавно ничего не могла сделать сама.

Лиза мстительно улыбнулась. Рано или поздно силы вернуться, и тогда кое-кто пожалеет, что месяц назад посмел напасть на них на горной дороге!..

Встреча третья. Странники и путешественники

Матвей никогда не думал о программировании. Про эту профессию он только читал в фантастических книжках или слышал, когда в новостях рассказывали о страшных хакерах. Хакеры почему-то были обязательно русские.

С детства Матвей хотел быть альпинистом. Штурмовать гималайские восьмитысячники, висеть над бездной на отвесной стене, оглядывать мир с острого пика. Такие вот картинки крутились в его мечтах. Кто мечтает и ищет, тот всегда находит. Нашлись и у него сподвижники. Так Матвей вступил в клуб «Вертикаль».

Два года пролетели как один день. Тренировки на заброшенной электростанции, посиделки у костра с гитарой, песни и споры обо всём на свете. Знакомство с Танечкой... Клуб «Вертикаль» собирался по выходным и праздникам, а в будни Матвей пропадал на двух работах и трёх халтурах. Альпинизм и скалолазание и сами по себе увлечения не дешёвые, а ещё Матвей откладывал деньги на поездку в Сибирь, на Красноярские Столбы.

В поезде удалось купить три смежных купе. Среднее стало их временным лагерем. Там они пели песни и травили байки, и пьянели без вина. Расползались сильно за полночь. Тогда Матвей впервые поцеловал Танечку и был шальным от счастья.

Из Красноярска его привезли на носилках и в корсете. Эйфория первого пика сыграла с ним дурную шутку.

— Какие горы, о чём ты, молодой человек? — сказала звезда областной неврологии, на приём к которому его привезли родители. — Скажи спасибо, что жив остался. Нигде тебя не поправят, хоть в Америке, хоть в Германии. Всякое бывает, конечно, но учись жить на коляске.

И Матвей учился. Наука эта, — если забыть о бытовых неудобствах, — нехитрая. Но к любым неудобствам привыкаешь, особенно если тебе двадцать лет и ты не хочешь превратиться в обузу для родных.

Матвей этого не хотел. Конечно, проскочила сладкая, но малодушная мыслишка встать в позу обиженного ребёнка. Не присмотрели вовремя, не уберегли бедного мальчика, вот теперь и страдайте! Матвей сумел задавить эту мысль, изгнать на периферию сознания. Родителям и так не сладко, зачем добавлять им горя?

Надо было жить. Но как? Друзья и знакомые по «Вертикали» покинули его, и первой оказалась Танечка. Матвей скрипнул зубами, но простил. Зачем ей, молодой и красивой, инвалид?

Он попробовал пить, и ему не понравилось. Горькое пьянство требует привычки, а он не успел её приобрести. Водка была слишком противной на вкус, а коньяк — слишком дорогим. Кроме того, за опьянением всегда следовало унижительное и бессмысленное похмелье.

Матвей заново открыл для себя сеть. Раньше работа и тренировки сжигали всё его время, теперь же оно затопило его с головой. Бороздя электронные моря, Матвей наткнулся на программистский форум. Открыл от скуки одну из веток... и остановился в ошеломлении!

Перед ним открылся огромный мир, настолько же далёкий от школьной информатики, насколько далёк изуродовавший его каменный останец от Эвереста. Этот мир дразнил мириадами тайн, и он же взирал на Матвея с добродушным презрением.

Иди мимо, мальчик, здесь умные и занятые.

Матвей обиделся. Он перечёл учебник и записался в одну из тематических групп. Сначала над ним смеялись, потом стали снисходить до помощи и разговора. От новых знаний пухла голова, но через год Матвей написал свою первую утилиту, а через полтора — сломал первый сайт.

Это был сайт какого-то сетевого неофита, это был детский, простодушный хак, но Матвея заметили. С ним связались мудрые люди и посоветовали не глупить. Ему не место в океане, где водятся мако скриптов и кархародоны машинных кодов. Зачем рисковать, если хороший программист в силах заработать честно?

Матвей внял и уяснил. Он впрягся в работу, он брался за всё, пахал дни и ночи, и скоро забыл про пенсию по инвалидности. Теперь у него появились совсем другие деньги, и он стал потихоньку помогать родителям. Вскоре Матвей переехал в съёмную квартиру, нанял домработницу, которая согласилась заодно и на работу сиделки.

Вера Ивановна никогда не унывала, никакое занятие не считала зазорным, знала множество песен и не стеснялась их петь. Кроме того, она была набожна и простодушна, одновременно верила в приметы и в сглаз, и регулярно ставила за Матвея свечи в церкви.

Каждую неделю Вера Ивановна купала его в ванне. Матвей стеснялся своих бледных ног, бёдер, которые стали тоньше коленей, беспомощной промежности. Это всё не его, уговаривал он себя, это чужое, он — только то, что выше пояса... Вера Ивановна относилась к этому проще.

— Бедненький, — приговаривала она, намыливая ему спину. — Эка тебя угораздило! Разных я мыла, — улыбаясь, рассказывала она между делом. — Коматозников мыла, тяжёлых, расплывшихся, с пролежнями! Не думай о мелочах, Матвей. Помни, тебе надо тело в чистоте держать, я и тебе в этом помощница. А человек там, где бог, — она распрямлялась, вытирала клочок пены со лба. — Человек здесь и здесь, — прикладывала тыльную сторону ладони сначала ко лбу, потом к груди, — всё, что ниже, это дьявол, зачем его звать? Сам явится.

— Почему тело? — спрашивал Матвей. — Почему не дух?

— В здоровом теле здоровый дух. А не мыться, будет дух — только ух! — отвечала Вера Ивановна неожиданным каламбуром.

Именно от Веры Ивановны узнал он про врачевательницу Лизу.

Вера Ивановна перенесла его, чистого и благоуханного, завёрнутого в простыню, на кровать, а сама приводила ванную комнату в порядок. Гремела ведром, шуршала пластиковой занавеской и говорила, говорила... Потом замолчала, пришла и встала с виноватым видом рядом с кроватью.

— Что случилось, Вера Ивановна? — забеспокоился Матвей.

— Главное забыла, вот я дура, — покаянно ответила домработница. — К Лизавете тебе надо.

— Какой Лизавете?

— Святая чудотворица в городе появилась, — сказала Вера Ивановна, перекрестившись. — Лечит всё, мёртвых на ноги поднимает.

— Вы же православная, а в шарлатанов верите, — удивился Матвей.

— Нам её бог послал, — сказала Вера Ивановна. — Сначала-то чуть не даром лечила, но злые люди положили на неё глаз. Дорого это теперь, очень дорого. Но ты ведь мальчик не бедный?

— Как же бог такое позволил?

— Не говори о том, что не понимаешь, — строго посмотрела на него Вера Ивановна. — Бог сам решает, нам его путями не ходить.

Целых пять минут она убиралась молча, недовольно поджав губы. Потом снова оттаяла и, уже уходя, напомнила:

— Лизавета её зовут, понял? Если не она, то больше никто.

Вера Ивановна ушла, а Матвей, пожав плечами, полез в сеть. Почему бы и нет? Что он теряет?

У врачевательницы Лизаветы нашёлся специальный сайт в домене Вануату. Страничка содержала расценки и форму обратной связи. Больше ничего; ни адресов, ни телефонов. От чисел в преискуранте Матвей схватился за голову, но форму заполнил.

Через неделю, когда он и думать забыл о святой чудотворице, ему позвонили и проинструктировали, что он должен сделать. Наверное, на той стороне сидел гипнотизёр... Дрожащими пальцами Матвей завершил звонок и запустил банковское приложение.

...Хотя «Вертикаль» и ушла из жизни Матвея, он про неё не забыл.

Денис Вакулин, председатель «Вертикали», арендовал подвальчик на окраине города. Там ребята и девчата из клуба хранили снаряжения и собирались перед выездами. Там же стояли кое-какие тренажёры, и любой член клуба мог бесплатно заниматься на них два раза в неделю. Остальные дни подвал оккупировали местные качки. С их денег и жила «Вертикаль».

При виде Матвея Денис Вакулин расплылся в улыбке, но было видно, что он раздосадован. Мало кому приятно вновь увидеть человека, которого выбросил из памяти.

— Эээ... Привет, Матюха! Как эээ... жизнь, короче?

— Лучше всех, — Матвей откинулся на спинку коляски.

— Да-а? — протянул Денис. — Слушай, а как ты ко мне съехал? У нас эээ... пандуса, короче, нету.

— Добрые люди помогли.

— Хорошие у нас ребята, да, — покивал Денис. — Ты чего, эээ... приехал-то?

— Если скажу, что повидаться, не согласишься?

— Ну-у... в общем, короче...

— Правильно не согласишься, — сказал Матвей. — Помощь нужна.

— А что такое? — испугался Денис. — У нас денег... эээ... маловато.

— Деньги у меня есть, — не удержался Матвей от маленькой мести, — вам такие деньги и не снились.

— И эээ... я рад за тебя... — протянул Денис. — Ты чего... эээ... короче... хочешь-то?

— В поход хочу, — мечтательно сказал Матвей. — Чтобы спать в палатке, чтобы костёр и гитара, ну, ты сам понимаешь...

— Кхм... — поперхнулся Денис. — А зачем?

— Ностальгия, — объяснил Матвей. — Как ты не понимаешь? Воздух этот вдохнуть, запах дыма. Думаешь, приятно целыми днями дома сидеть?

— Ну... нет... эээ... да... — пробормотал Денис. — Извини, короче. А мы... эээ... тут при чём?

— А вы мне это организуете, — сказал Матвей, — самому мне трудно.

— Эээ...

— Не даром же, — улыбнулся Матвей. — Деньги-то у меня есть, помнишь?

Выехали через неделю. Зной июля отпылал, а до осени было ещё далеко, и стояла совершенно невероятная, прозрачная погода, какая бывает, наверное, только в средней полосе России в августе. На съездах и обочинах толпились машины, в деревнях у дороги сидели бабки с корзинами и банками. Вдоль обочин тянулись грибники.

— Эх, сейчас бы за грибами... — сидевший за рулём клубной «Газели» Денис завистливо проводил взглядом мужика, который тащил две наполненных с горкой корзины.

— Кто тебе мешает? — удивился сзади Матвей. — Приедем, разложимся — и собирай на здоровье. Я тебе не помешаю.

— Ты не понимаешь, — ответил Денис. — Грибы нельзя делить ни с чем другим. Их нельзя оставить на потом, на завтра, их надо переработать сразу, как из лесу вернёшься. Черви съедят.

— А если завтра? — предложил Матвей. — Едем-то на сутки, с утречка и сходишь.

— Посмотрим, — буркнул Вакулин.

— Можно сразу пожарить, — подал голос Юрка, вакулинский племянник. Денис взял его с собой, не хотелось ему делиться с посторонними людьми.

— Вы их только принесите, — сказала Вера Ивановна. — И пожарю, и сварю. Была бы вода и костёр.

— Всё будет, — заверил её Денис. — Там ручей протекает, даже небольшая речка, а не подойдёт, мы воду с собой взяли.

Сиделка не отпустила Матвея одного, хотя он и предлагал ей отдохнуть.

— В лесу отдохну, — отрезала она в ответ на его уговоры. — Надоел город, и за тобой присмотреть надо.

— Что вы, Вера Ивановна, — без особой надежды сделал ещё попытку Матвей. — Там люди будут, и едем мы всего на сутки. Справлюсь.

— Не пушу одного, — сказала домработница. — Сердце изболится.

Так Матвею и не удалось её отговорить. С другой стороны, это и к лучшему. С Верой Ивановной ему будет легче, да и ей привычно с ним возиться. Уход за инвалидом-паралитиком вещь не очень приятная, требующая небрежливости, крепких нервов и навыка. Ишь, сердце изболится. Значит, не только родителям он нужен, и не просто за деньги Вера Ивановна служит у него сиделкой. Эта мысль грела. Да, Вера Ивановна могла переживать за будущий заработок, мало ли что с Матвеем случится в лесу, с чужими людьми? Загребит в больницу, и надолго, а у неё деньги считаны.

Думать так — паранойя. Зачем ожидать обязательно худшего? Вера Ивановна такого не заслужила.

Наконец они прибыли. Матвей помнил этот тренировочный лагерь клуба «Вертикаль». Укромная поляна в глубине леса, Обложенный кирпичами круг с кострищем внутри, места для палаток, турник, сделанные из сосновых колод стулья. Поодаль, метрах в ста, среди обычных сосен выделялись две древние исполинские ели. На них будущие альпинисты отработывали некоторые приёмы скалолазания. Конечно, это не бетонные трубы электростанции, зато здесь не было пыли, а воздух пах не угольной пылью и соляжкой, а смолой.

Матвей сглотнул горький ком... Именно здесь он познакомился с Танечкой. Хорошо, что её с ними нет, он бы совсем не знал, как себя вести.

К счастью, обошлось без соседей. Сюда приезжали немногие. Тому были простые причины: долгая дорога, а именно почти сотня километров от города, не самое популярное

направление, скрытое расположение. Не каждый сунется вглубь чащи, отдыхающие обычно выбирают опушки на берегу реки. Наконец, про этот лагерь надо было знать, а альпинисты из «Вертикали» не трубили о нём на всех перекрёстках.

Палатки поставили быстро. Одну для Матвея, рядом палатку для Веры Ивановны, напротив через очаг расположились Денис с племянником. Матвей порывался помочь, но Вакулин запретил:

— Не надо. Извини, но ты со своей коляской будешь мешать!

Матвей извинил, тем более, Денис был прав. Зато колку дров Матвей взял на себя.

— Это ноги у меня никакие, — заявил он Денису. — А руки сильные. Сам бы попробовал колёса покрутить...

День прошёл отлично!

Юрка сбегал в лес, притащил пакет подосиновиков, молодых, крепких, без единого червячка. Вера Ивановна, как и обещала, наварила супа, да и на жаркое хватило. Потом не торопясь гуляли по округе. Денис вспоминал восхождения, рассказывал о разных странах, где удалось побывать. Вера Ивановна пела песни. Денис восхищённо крутил головой, даже Матвей удивлялся: оказалось, он слышал их не все.

Под вечер небо разродилось коротким дождём. Матвей сказался усталым и попросил перенести его в палатку. Юрка носился по окрестностям, выслеживал налима в ручье. Кто-то ему наплёл, что в таких ручьях могут водиться налимы. Денис возился возле палатки, готовился встать пораньше. Вера Ивановна завалилась спать, Матвей слышал за спиной её переливчатый храп.

Скоро все успокоились.

Матвей лежал, не смыкая глаз. Он страшно боялся неудачи, что всё будет напрасно. Не жалко денег, деньги он заработает, что ему ещё делать? Обидно терять надежду.

Телефон звякнул точно по инструкции, в два ночи. СМС-ка. Матвей осторожно расстегнул молнию и выбрался наружу. В лагере царил тишина. Сопела и причмокивала Вера Ивановна, похрапывал во сне Денис. Стараясь не звякнуть лишней раз, Матвей забрался на коляску. Получилось не сразу, и несколько минут Матвей сидел, отдыхая. Сердце стучало как сумасшедшее... Потом выехал с пятачка перед палаткой.

Удержал внутри нервный смешок. Вера Ивановна ухаживала за ним, а он как за девушкой ухаживал за коляской! Чистил, смазывал, перебирал втулки. Поэтому коляска катилась тихо, без единого скрипа. Никто не услышит и не проснётся. Всё, как договаривались.

...Вера Ивановна пробудилась на рассвете. Болела спина. Ей положили под спальный мешок два коврика, но это, всё же, не мягкая кровать. Свистела какая-то пичуга, луч света пробивался через застёжку полога. Надо вставать. Бедный мальчик скоро проснётся, нужно помочь ему умыться и сделать туалет.

Вера Ивановна расстегнула молнию и, пятясь задом как рак, выползла наружу. Обернулась... и от неожиданности села прямо в мокрую от росы траву. Рука метнулась творить крестное знамение.

Матвей стоял, держась за спинку коляски. Стоял сам, без посторонней помощи! Солнце светило ему в лицо, Матвей жмурился и глупо улыбался...

И было, кажется, совсем недавно, на деле же двадцать лет прошло...

Мужики в роддоме о младенцах не думают, мысли только о жене. Роды — штука такая,

особенно если муж увидел их своими глазами. Поэтому свёрток с ребёнком обычно не вызывает эмоций, да и родительских чувств тоже. Красное, маленькое, зажмуренное, ротик как у лягушонка. Смотреть не на что, в отличие от супруги, которую уж изучил от и до.

Увидев дочку, Коля только крикнул с досады. Неправильный был младенчик, совсем уж некрасивый. Большие оттопыренные уши — и это у ребенка двух часов от роду! Близко посаженные глаза, ещё что-то, сейчас уже и не вспомнишь.

Если бы только это. Беременность протекала тяжело. Ксюху мучили страхи, на пятом месяце она подхватила грипп, лечилась долго и трудно, пришлось даже колоть антибиотики. Надеялись на лучшее...

Умственная отсталость второй степени. Все внешние признаки налицо. В роддоме сразу предложили подписать отказ. Ксюха взвилась, накричала на заведующую: «Никогда! Мало ли что, она выправится. С нами ей будет лучше! Вдруг вы ошибаетесь?». Николай молчал. Так же молча довёл до машины, молча сел за руль.

Конечно, на работу Ксения не вернулась, уход за Настенькой отнимал все силы. Тут и с обычным ребёнком к вечеру ноги отнимаются, а с больным — тем более. И с течением лет — всё только хуже.

Говорить Настенька научилась к четырём годам. Произносить слова: спать, есть, горшок. Хоть и мелочь, а всё хорошо: не надо гадать, что она хочет. Раньше сделаешь что не так — девочка сразу в крик, а уж кричать она умела, не каждому взрослому под силу.

Светлое тоже было. Настя росла очень ласковой и послушной, а что случались вспышки гнева, такие, что хоть из дома беги, так у кого их не бывает?

Золотой Коля мужик. Другой бы давно свалил или заставил дочку в интернат сдать. Сказал бы: «Я — или она, выбирай!». И кого тут выберешь, если всех денег, кроме мужних, — настенькина пенсия?

Николай впрягся. Вкалывал на двух работах, да ещё и домой брал. Так и жили, трудно, но честно. Из всех радостей — в храм божий зайти, поставить свечку Николаю Угоднику, что не бросает, укрепляет в вере, поддерживает своей незримой рукой.

Каждый день Ксения выводила дочку гулять. Пока Настя маленькая была, играли в песочнице возле дома, потом пришлось уходить подальше, в парк. Настя девочка хорошая, только не умеет силу соразмерять. Куда ей к детишкам, да и окрестные мамы глядели косо.

Однажды Ксения пришла с прогулки сама не своя. Пока переодевала дочку, всё ёжилась и головой мотала. Потом кормить стала, и всё бубнит под нос!

— Что такое? — не выдержал Коля.

Ксения только рукой махнула, но лицо у неё было — давно Николай не видел у жены такого лица. Светилась вся!

Ладно. Захочет — расскажет. Николай погрузился в работу, потом чертежи придётся убирать. Настя если доберётся, порвёт и попортит, она вообще любит с бумагой возиться. В первый раз он так рассердился, до сих пор стыдно.

Из кухни доносились женины уговоры: «ещё ложечку, доченька, ещё ложечку. Кушай кашу, мама старалась». Настя невнятно мычала что-то в ответ, чавкала, довольно гудела. После обеда полагался тихий час, Настя явилась выразить папе свою любовь. «Люблю — люблю», — облизнула ему всю лысину, нескладная, несоразмерная деваха двадцати лет со светлым ёжиком на голове. Жена стригла её коротко, чтобы не наглоталась волос.

Угомонила.

Ксения пришла, села напротив. Точно, не в себе. Губы прыгают, лицо красное.

— Да что случилось-то? — испугался Николай. — Кто-то Настю обидел?

— Надо ту квартиру продавать, — сходу начала Ксения.

— Зачем? — опешил Николай.

От родителей, а оба умерли рано, не дожив и до семидесяти, ему осталась двушка в хорошем районе. Завод, на котором они трудились, поощрял передовиков такими квартирами. Иван Петрович и Софья Николаевна были из первого послевоенного призыва, работали на совесть. Буквально горели на работе, вот и сгорели... Давно нет их в живых, нет страны, которую они поднимали, нет химзавода, платившего за вредность метрами, а жилплощадь осталась. Коля её сдавал. Не слишком большие, а деньги.

— Машину продадим, — продолжила Ксения. — Телевизор, мы его всё равно не смотрим. Разменяемся с доплатой, куда нам три комнаты? Заодно и мебель лишнюю...

— Ты чего, Ксюха? — Коля отложил кохинор, который крутил в руках. — Какую мебель?

— А если со мной случится что? — подалась вперёд Ксения. — Не молодая уже. Кто будет за Настенькой ходить?

— О чём ты вообще?! — повысил голос Николай.

— Тише, ребёнка разбудишь!.. — шикнула Ксения.

— Ребёнка... — скривился Николай. — В чём дело, ты можешь сказать?

— Да! — звенящим шёпотом ответила жена. — Ребёнка!

И внезапно сникла, опустила плечи, тихо заплакала:

— Ребёночка... Извини, Коля, всю жизнь я тебе испортила... А Настька не виновата ни в чём, я одна виновата!..

Николай достал из холодильника банку с огурцами, отошёл к шкафу, звякнул ключом. Там хранилась початая бутылка. Сам он почти не пил, только если в гостях рюмочку, но водку дома держал. Для хозяйственных нужд.

— Пей, — протянул жене мерный стаканчик.

Ксения выпила, передёрнула плечами.

— Какая гадость...

Приняла вилку с наколотым солёным огурцом, кивнула благодарно.

— Я же и говорю, Коленька, сил мне не хватает с дочкой справляться. Она, ты же знаешь, какая бывает, если разозлится. Ребёнок же.

— Человека нанять хочешь? — догадался муж. — А квартиру зачем продавать? Ещё работу возьму, найдём деньги.

— Ты что? — возмутилась Ксения. — Разве можно её чужому человеку доверить?! Тут другое. Люди рассказывают...

Она перегнулась через стол и зашептала что-то Николаю в ухо. Словно боялась, что их подслушают...

Лиза сидела на широком подоконнике и глядела в окно. Наступила осень. Ветер срывал с деревьев жёлтые листья, бросал на дорожки. Водитель Лёша нарядился в спецовку, вооружился метлой и сгребал листья в кучу. «Шарк-шарк», — пение метлы проникало даже сквозь стеклопакет.

Уже осень, а она не сдвинулась с места. Она не только не нашла Виктора, но не знает даже, в каком направлении его искать. А ещё эти...

Иван Иваныч и Аркадий Владленович спорили.

— Ты нам очень помог с организацией и всё такое, — сказал Иван Иванович, играя желваками, — но сейчас... Не понимаю, почему мы должны терять деньги? Эти твои новые правила, странные скидки... Зачем предлагать клиенту цену в двадцать тысяч, когда он готов отдать сто тысяч?

— Репутация, Ваню, — ответил генерал. — Понимаю, для тебя это слово...

— Я знаю, что такое репутация, — дёрнул головой Иван Иванович.

— Тем более, — улыбнулся Аркадий Владленович. — Зачем тебе репутация мироеда и живодёра? И потом... двадцать тысяч долларов это не сто рублей, это, Ваню, деньги.

— Но в два раза меньше!

— Зато охват больше, — сказал Аркадий Владленович. — Странно, Ваню, я, генерал, должен объяснять тебе основы бизнеса.

— Я не торговец, — буркнул Иван Иванович.

— Ой, что ты говоришь? — удивился генерал. — Торговец ты, Ваню, торговец. Продаёшь услуги. Только услуги твои... ммм... несколько специфические.

— Ну, ладно, торговец. Уговорил, — сказал Иван Иванович. — Только я тут при чём? Целитель у нас Лиза, про меня не знает никто.

— Так-таки и не знает? — ехидно сощурился Аркадий Владленович. — Лиза с твоим охранником везде катается. Думаешь, этого никто не заметил?

— Серёжа шифруется вроде... — протянул Иван Иванович.

— Значит, скоро заметят, — ответил генерал. — Не бывает, чтобы не заметили. А где Серёжа, там и твои усы торчат.

— Нет у меня усов.

Так и перебрасывались словами. Иван Иванович понимал, что генерал прав, но не хотел соглашаться, а Аркадий Владленович не напирал. Всё равно, как он предложил, будет.

Наконец Лизе надоело. И так настроение не ахти, устала, а вы попробуйте пропускать через себя столько чужих болей, и не просто пропускать, а ещё стараться вытянуть, выправить...

Она спрыгнула с подоконника, подошла к столу, за которым сидели мужчины и упала в свободное кресло. Ноги взгромоздила на край стола. Эту манеру она подсмотрела в местных фильмах. Очень приятно, кстати, ноги отдыхают замечательно, только спина устаёт, если сиденье неудобное попало. Серёжа недавно свозил её в один из местных одёжных магазинов, и она закупила тряпок на все случаи жизни, в том числе разного фасона штанов. В штанах Лиза задирала ноги спокойно, не то, что раньше. Опытные, пожилые мужики, что Иван Иванович, что генерал, смущались как первокурсники магической Академии. Вспомни один из таких случаев, Лиза даже хрюкнула. У них были такие смешные лица! Что они у неё под юбкой не видали, чтобы так смущаться?

Спорщики прервались.

— Хотела что-то добавить, Лизавета? — поинтересовался Аркадий Владленович. — Вот, съешь персик лучше.

Лиза взяла фрукт, вгрызлась в сочный бок. Сок потёк по подбородку. Вкусный!

— Будет правильно, — сказала она, покончив с персиком и облизав пальцы, — если решать, кого лечить и за сколько, стану я. Моя работа, мне и решать.

— А вдруг решишь вообще даром? — спросил Иван Иванович.

— Значит, даром, — сказала Лиза.

— Лучше бы ты съела ещё персик, — пробормотал Иван Иванович. — Прогорим.

— Мы уж столько заработали, уж столько! — заговорила Лиза. — Мне мужа надо искать!

— Лизанька, — ласково сказал Аркадий Владленович, — нам для этого деньги и нужны. Справки надо наводить, детективов нанимать, и всё денег требует. А ещё кое-кому на лапу дать надо, чтобы дело быстрее пошло.

Он не врал. Вернее, генерал верил в то, что говорит. Конечно, были в ауре линии жадности и стяжательства, так ведь это нормально. Среди людей святых нет, каждый о себе думает.

— Даёте, — склонила Лиза голову на бок, — на лапу?

— Даю, — вздохнул генерал, — даю и боюсь.

— Кого же вы боитесь?

— Опасно сейчас деньги давать, — посетовал Аркадий Владленович, — особенно мне, генералу. Столько любителей занять моё место! Или просто сделать моей организации бяку. Знаешь, Лиза, давай об этом не будем? Скользкое это дело.

— Хорошо, — согласилась Лиза. — А давайте потом, как Виктора отыщем, я стану всех бесплатно лечить?

— Ох, — испугался генерал, и испуг его был не наигранным, это Лиза видела точно. — Сметут нас, Лиза. Пророком хочешь стать? Не любят сейчас пророков, не их это время.

— Почему сметут? Всем хорошо.

— Ты бы знала, Лиза, — сказал генерал, — какие деньги здесь крутятся! Миллиарды, сотни миллиардов. Все болеют, все лечатся. На лечении, на лекарствах сколотили огромные состояния и ещё заработать хотят. И всю жизнь зарабатывать, и чтобы детям осталось. Ты хочешь отобрать у них то, что они считают своим по праву? Боюсь, мы с Ваню после этого недолго проживём. Ты, может, и выживешь, про тебя здесь почти никто не знает. А нам... нам точно каюк.

— Слушай Аркадия, девочка, — подал голос Иван Иваныч. — Он умный, хоть и генерал.

Размениваться не пришлось. Представителям таинственной Лизаветы хватило денег от продажи квартиры.

— Можно в рассрочку, — сказали они даже. — Ненадолго, конечно, в пределах разумного. Это в ваших интересах.

— Всё сразу перечислю, до единой копейки, — плакала Ксения в трубку. — А сейчас что делать, благодетели?

— Живите, — ответил ей. — Двадцать лет ждали и ещё немного подождёте.

Ксения молилась и через день ходила в храм божий. Господь дал ей надежду, Господь послал ей Лизу! Только бы поскорее...

Жизнь продолжилась обычным порядком. Коля вкалывал, Ксения возилась с Настей. Стронулась с места продажа квартиры, об этом сообщил риэлтор. Осталось уладить кое-какие формальности.

Октябрь начался холодными, но хрустально-прозрачными днями. Однажды, когда Ксения с Настей гуляли в парке, к ним подошла молодая женщина в скромном платье. Голову и лицо женщины закрывал белый платок, наружу глядели только глаза. Огромные, как показалось Ксении, бездонные глаза.

Настенька возилась с мокрой листвой, пыталась петь. Женщина возложила узкую ладонь на её лоб, и Настя успокоилась, замерла, послушно села на скамейку. Ксения впала в

ступор, смотрела и не могла сказать и слова.

— Ты хорошо подумала? — спросила её женщина. — Жизнь твоя изменится.

— Да, — прошептала Ксения непослушными губами.

— У тебя тяжёлая жизнь, — сказала женщина, — но это привычная тяжесть. Твоя дочка много пропустила, её придётся заново учить жить. Кроме тебя, это делать некому.

— Да, я готова, — твёрдо ответила Ксения.

Женщина оглядела Ксению с головы до ног, улыбнулась и произнесла:

— Ты говоришь правду. Ты справишься.

Когда годовалому Лёнчику поставили страшный диагноз, их семья чуть не рухнула. Марина и Саша полночи ругались, выясняли, кто из них подарил сыну проклятую пятую хромосому. Перетряхивали родичей.

— У тебя дядя пьёт! — обвиняла Марина. — Всё от вашего пьянства.

— При чём тут дядя Олег, — хватался за голову Саша. — Это наследственное. Пей не пей, никакой разницы!

— Всегда есть разница. Говорила мне мама, семейка ваша выморочная, зря только мы с вами связались!

Очень хотелось взорваться в ответ, сообщить, что и сама она дура, и мамаша её дура, если такие вещи говорят. Саша чудом сдержался. После два дня ходили молча, не глядя друг на друга.

Потом успокоились и стали просто жить. Жизнь дана один раз, и надо прожить её так, чтобы умирать было не противно.

Иногда Марина думала, что неизвестно ещё, кому хуже, им с Сашей, или Лёнчику. Сын маленький, не понимает. Ему просто плохо. А им... Они знают, что это не плохо, а ужасно, что никогда не будет у Лёни ни нормального детства, ни вообще жизни, а будет одно мучение. И неизвестно, что лучше для сына: поддерживать эту иллюзию жизни — или умереть, пока неразумный. Тихо, во сне. Так, может быть, помочь?.. Марина ужаснулась, но мысль осталась. Она засела в её сознании как заноза. Марина ругала себя последними словами, но не могла выкинуть эту гнусь из головы. Призналась во всём Саше, — и была благодарна, когда тот отхлестал её по щекам:

— Ты что, с ума сошла?! Ты не ему помочь хочешь, ты себе хочешь проще сделать! Не смей даже думать об этом, не смей!

— Ты мой хороший! — залившись слезами, Марина прижалась к мужней груди. — Ты самый лучший, что бы я без тебя делала...

Этой ночью они любили друг друга особенно отчаянно, словно прощаясь с важной частью жизни. С беззаботностью? Нет, какая беззаботность с маленьким ребёнком. С молодостью? Возможно, беда сделала их более взрослыми, но, всё же, не до конца. С иллюзиями они прощались. Но и клялись друг другу в верности. В настоящей верности, не только в радости, но и в горе.

На сайт целительницы Лизы Марина набрела случайно. На форумах соратников по несчастью обсуждались разные вещи, зашла там речь и о колдунах. Люди сомневались, люди подобрались в основном образованные и продвинутые. Неверующие.

Марина кликнула на ссылку, удивилась убогому интерфейсу, ужаснулась ценам. Обругала бессовестную шарлатанку, которая зарабатывает на людской беде. Она собиралась уже закрыть вкладку, но передумала. Не такое у них положение, чтобы пренебрегать самыми

мизерными шансами. Открыла форму обратной связи, вписала в нужную графу диагноз — спинальная амиотрофия промежуточного типа, возраст Лёнечки и телефон для связи. Место для суммы оставила пустым. Нет у них таких денег, нет!

...Пропивали начальника отдела. Обычно Саша не участвовал в подобных мероприятиях. Народ был в курсе его дел и не настаивал, но сегодня Саша сам решил посидеть вместе со всеми. Ненадолго, но задержаться. Оттянуть неизбежное объяснение. Очень не хотелось видеть слёзы жены. На душе было гадко, но он уже всё для себя решил. Ну, будет Маринка всю жизнь считать его подлецом, а Лёнька ничего не узнает и не поймёт. Да и не живут долго с таким диагнозом. Потом Марина найдёт себе другого, куда она денется, она баба видная. Сама виновата, надо было мальчишку в роддоме оставлять.

Полустольник — серьёзная дата. Духу снять кафе или ресторан Фёдору Ильичу не хватило, какие по нашим временам рестораны, но поляну в конторе он накрыл от души. Мужикам — водку, для эстетов — коньяк, а дамам хорошее сухое вино. Из дам, правда, только делопроизводитель Людочка, зато каждый рад за ней поухаживать.

— Ильич!.. — старший технолог Мангузов завёл очередной тост. — Сколько тебя знаю... классный ты мужик...

Говорил Мангузов длинно, перескакивал с темы на тему, как будто решил в одном тосте рассказать всю историю отдела, института и роль в ней Фёдора Ильича. Получалось плохо, запутанно, старший технолог успел уже набраться, но лыко ещё вязал, и смог добраться до финала:

— ...В чём ты, дорогой Ильич, всячески способствовал! За тебя!

Сдвинули рюмки. Саша кинул в себя коньяк, торопливо зажевал оливкой. Которая это рюмка? Пятая? Шестая? В голове шумело. Хватит, пожалуй, иначе у он не сможет найти нужных слов.

Саша поднялся, выловил начальника, пожал руку:

— Пойду, Фёдор Ильич, ещё раз с юбилеем тебя!

— Спасибо, спасибо, Александр! Рад, что поприсутствовал. Ты как, сам доберёшься? А то такси закажем.

— Да я... — замялся Саша. На такси денег у него не было.

— Не бери в голову! — замахал руками Фёдор Ильич. — У меня на развоз гостей финансы специальные есть!

Пока ждали такси, Сашу уговорили выпить ещё рюмку. Окружающее смешалось, закрутилось калейдоскопом. Его вели вниз по лестнице, поддерживая под локоть. Это было смешно, Саша норовил повиснуть на чужой руке: удержит или нет? Раз, другой, третий... Потом возникла колонка на углу, ледяная струя, бьющая в затылок. Клаксон такси.

От холода в голове прояснилось. Фёдор Ильич уговаривал сердитого таксиста:

— Юбилей у меня, понимаешь? Выпил человек немножко...

— А если он мне салон заблюёт? Кто чистить будет?

— Заплачу! Вот, номер мой запиши!..

В машине Саша пришёл в себя. Ветер октября бил в лицо, сдувал хмель, помогал почувствовать себя почти человеком.

— Извините... — Саша завозился в кресле, стирая невольные слёзы.

— Пристегнись, — буркнул водитель. — Пятихатка лишняя?

— Чего?

— Штраф, говорю, хочешь заплатить?

Доехали быстро. Покрутились среди одинаковых хрущёвок, свернули к единственной в районе девятиэтажке, нырнули под арку.

— Мазерати, блин, — со смесью восхищения и злости произнёс водитель. — Кто у вас такой богатенький?

Возле их подъезда стоял чёрный автомобиль с хищным трезубцем на радиаторе. Тупомордый, но элегантный, оставляющий ощущение едва сдерживаемой мощи. Такой же трезубец смотрел с колпаков, похожих на раскинувшего лапы паука. Салон с трудом проглядывался сквозь насмерть затонированные стёкла. Плевал владелец на правила, никто ему не указ.

Не знаю, — пробормотал Саша. — У нас такие не водятся.

Он выбрался из машины. Мутило. Трещала голова. Хотелось лечь и отдохнуть. Ничего, четвёртый этаж всего...

Железная дверь распахнулась, из подъезда вышла молодая, очень стройная женщина с измученным взглядом, за нею бугай в кожанке. Бугай подозрительно посмотрел на Сашу, но быстро потерял к нему интерес. Видимо, посчитал безопасным. Тремя большими шагами он обогнал женщину и распахнул перед ней дверцу Мазерати. Женщина замерла на миг возле Саши, улыбнулась, покачала головой: — Глупый... — и быстрым движением провела пальцами по его лбу.

Саше показалось, что ему на плечи сбросили мешок с песком. Он не удержался, упал на колени. В отдалении раздался хлопок дверцы и урчание мотора. Это было как в тумане. В животе разгорелся пожар, кишки скрутило спазмом. Едкая желчь рванула вверх. Саша давился и мечтал, чтобы его вырвало. Блевотина застряла в горле. Хотелось умереть. Этот миг тянулся, тянулся...

— Сашенька, что с тобой?!

Он открыл глаза и встал на ноги. В голове прозвенели хрустальные колокольчики. Марина испуганно заглядывала в его лицо. Потом скривилась:

— Фу-у, да ты же пьян!

— Кажется, уже нет, — сказал Саша. Весь настрой, все злые мысли, что он лелеял последний месяц, вылетели из головы. — Что ты здесь делаешь? Лёнька, с кем остался Лёнька?

— Один, — радостно сказала Марина. — Он спит.

— Ты что?! Его же нельзя оставлять одного!

— Теперь можно.

Марина прижалась к его груди и заявила:

— Теперь всё будет хорошо. И... Саша... Когда выдыхаешь, отворачивайся?

— Устала. Такое впечатление, сейчас лужей растекусь...

Лиза распласталась в переднем кресле, обессилено вытянув ноги под приборную панель. Не хотелось ни двигаться, ни даже думать.

— Зачем тогда парня этого протрезвлять стала?

— Так... Ему было плохо. И стыдно. Как-то само вышло, — ответила Лиза. И повторила: — Устала.

— Ничего, — сказал Серёжа. — Вернёмся, сделаю тебе массаж рефлекторных зон. С проникновением.

Секс с Серёжей после сложного лечения вошёл у Лизы в привычку. Для себя она

называла это «сеансами релаксации». Сеансы помогали расслабиться, восстановить силы и неожиданно прибавляли сродства к местной магии. Это она обнаружила ещё в первый раз. Сродство росло, росли и магические энергии, которые Лиза могла зачерпнуть напрямую, без камня-аккумулятора. Только лисичка-Искатель раз за разом возвращалась виноватая и обескураженная. Силы для полноценного поиска не хватало.

Впрочем, чего таить греха, с Серёжей просто было очень хорошо. Только бы Виктор не потребовал ответа за измены, только бы выслушал сначала. Он умный человек, он должен понимать, что без магии она как без рук? Впрочем, когда это ещё будет! Серёжа оказался хорошим терапевтом, и она не собирается отказываться от его лечения.

— Можно прямо сейчас, — улыбнулся охранник. — Остановимся в парке? На заднем сиденье никто не увидит.

Лиза прислушалась к себе: хочет ли она сейчас?

— Нет, — сказала она. — Сейчас я хочу... Не знаю, чего я сейчас хочу.

— Отвезти тебя в кино? — Серёжа бросил взгляд на часы. — Мы ещё успеваем на последний сеанс.

— А поехали, — согласилась Лиза.

Здесьнее кино она смотрела, но по телевизору. В кинотеатре — совсем другое дело.

В «Северном сиянии» крутили «Гарри Поттера». Любой желающий мог посмотреть его даром, на диске или по телевидению, но большой экран — это большой экран. В зале собрались, в основном, фанаты, поэтому Лиза с Серёжей без труда нашли свободные места.

Скоро ей стало понятно, почему в этом мире не умели — или забыли за ненужностью — пользоваться магией. Аборигены знали, что такое магия, но совершенно не представляли, как правильно плести заклинания. Странные формулы, которые требовалось обязательно произносить вслух, амулеты и талисманы, да мало ли чего... Магия не превратилась тут в науку, оставшись на уровне шаманских камланий. Одни «волшебные палочки» чего стоили. Да любое более — менее сильное магическое действие испепелит такую палочку в одно мгновение! Или превратит в ледышку, тут от заклинания зависит.

У неё самой был талисман, но это совсем другое дело. Камень не имел к колдовству отношения, он просто служил субстратом для аккумулялирующего заклинания, не больше.

Картинка и звук впечатляли, но фильм пришлось бросить на середине. На Лизу напал дикий смех, она давилась, сдерживалась изо всех сил, но ничего не могла с собой поделать.

— Ой, спасибо, ой, удружил, — утирая слёзы, сказала Лиза.

Говорят, смех лечит. Лиза обнаружила, что она уже вполне ничего, уже не ощущает себя медузой, выброшенной штормом на камни.

— Что ещё можете предложить, кабальеро? — отсмеявшись, спросила Лиза.

— Мать, ты бодрa и весела? — удивился Серёжа. — Ты готова к подвигам?

— Да! — вздёрнула подбородок Лиза.

— Тогда в клуб, — постановил Серёжа. — Оторвёмся по полной.

Ответить Лиза не успела. Охранник бросил машину влево, развернулся через двойную сплошную линию и погнал назад, к центру города.

Двери клуба «Галактика» были закрыты, там сегодня тусовалась золотая молодежь. Справляли именины дочери одного из отцов города. Для надёжности возле таблички «Спецобслуживание» дежурил вышибала. Тяжёлая челюсть ходила слева направо, бритый затылок подрагивал в такт музыке в наушниках. Верзила притоптывал на месте, качался с пяток на носок. Хотелось внутрь, к девочкам и кайфу, но нельзя. Гурам, хозяин клуба, за

дежурство на улице платил двойной тариф. Хорошие деньги. И Гурам хороший человек, хоть и хачик.

На стоянку перед клубом зарулила иномарка. Вышибала смерил её взглядом. Ого, ну и богатеи завернул на огонёк! Впрочем, рядом с папашей Мальвинки — дочка бонзы носила имя Лида, но красила волосы в голубой цвет и манерничала, так что все звали её Мальвиной, — любой богач держит себя скромно, если он не дурак, конечно. Но человек, наверняка, уважаемый. Некрасиво будет завернуть его просто так.

Первым появился водитель, помог выбраться пассажирке — молодой, скромно одетой женщине. Подхватил её под руку и повёл в направлении входа. Вышибала задумался. Не нравился ему этот тип. На вид ничего особенного: косуха, джинсы, короткая причёска, обычное, ничем не примечательное лицо. Несмотря на молодость, вышибала успел повидать жизнь. Парень был опасен как ядовитая змея. Расслабленный, но готовый в момент взорваться. Кажется, при оружии. Значит, охранник. Встанешь у такого на пути — жди беды.

— Моя спутница хочет потанцевать, — вежливо сказал, останавливаясь перед вышибалой, охранник.

— У нас приватная вечеринка, уважаемый, — решил вышибала. — Там все свои, вашей спутнице будет скучно.

— Видишь, сюда нельзя, — женщина с вопросом посмотрела на парня. — Поедем ещё куда-нибудь?

— Мне нравится это место, — ответил охранник, — здесь хорошо готовят и музыка приятная.

— Но я не могу... — начал вышибала.

— Я помогу, — сказал охранник. — Ты сейчас нам откроешь, а потом позвонишь Гураму и скажешь, что пропустил гостя от Ивана Иваныча.

Вышибала без слов разблокировал замок. Он прекрасно знал, кто такой Иван Иваныч. С такими людьми лучше не ссориться. Вряд ли кто-то будет блефовать, ссылаясь на такое знакомство. Надо быть большим дураком. Водитель Мазерати дураком явно не был.

Дверь беззвучно захлопнулась, еле слышно щёлкнули запоры. Вышибала достал мобильник, набрал номер:

— Гурам, приехали двое, сказали, от Ивана Иваныча. Я пропустил.

Выслушал ответ и облегчённо прислонился к стене. Пронесло.

Внутри царил полутьма, только подиум в центре зала освещали цветные прожектора. Сверху крутился зеркальный шар, разноцветные пятна ползали по стенам, по потолку, по лицам людей.

Звучала незнакомая музыка. «Виу, Виу», — плакали скрипки и виолончели, «Пф-бум, Та-да-бум-пф...» — отбивали ритм басы. Чутьочку сладковато пахло горящим сеном. На танцполе извивались фигуры. Хорошо!..

— Только не колдуй, — шепнул сзади Серёжа.

— Да, конечно!

Лиза сбросила куртку на руки Серёже, прошла, приплясывая, на танцпол. С полминуты постояла, покачиваясь, привыкая к ритму. Сейчас она им покажет. Бывало, в Академии устраивали танцевальные вечера, она была первой, и в классике, и в модерне.

Время остановилось, тело с радостью вспомнило па. И Лиза зажгла! Кажется, ей освободили круг, кажется, начали хлопать. Потом рядом образовался пижон в чём-то блестящем и обтягивающем. Пижон умел. Он не только уверенно повторял её коленца, но и

расцветчивал акцентами, добавлял что-то своё, особенное.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В коротком перерыве пижон спросил:

— Классный дэнс, старуха! Как звать, почему не знаю?

— Тебе зачем, старик? — в тон ответила Лиза. — Я редко танцую. Лизой зовут.

— Всё равно здорово, — сказал пижон. — Я Макс, тут никто, как ты, не умеет. Курнуть хочешь?

— Не курю.

— Тогда зажуй конфетку, — Макс вытряхнул из коробочки зелёный леденец, — не пожалеешь!

Аура Макса светилась радостью и приязнью, ещё удивлением и немножко завистью. Он хотел только добра. Лиза взяла леденец и забросила в рот.

Хорошо! Все вокруг были друзьями, все радовались, и Лиза радовалась вместе с ними. Макс смотрел на неё, улыбаясь.

— Чего? — спросила Лиза. — Что смотришь?

— Ничего, — ответил Макс, — музыка.

Поставили новую композицию. На подиум вышел музыкант с золотой трубой, повёл сложную тему. Лиза прикрыла глаза. Сквозь ресницы пробивались жёлтые, зелёные, красные всполохи. Музыка звала, музыка приглашала за собой, музыка поднимала в высоту. Лизу подхватил медленный смерч, закрутил, потащил за собой. Золотая труба была везде, музыка звучала со всех сторон, музыка наполняла её всю...

— Лиза!

Лиза очнулась. Мелодия стихла. Сверкали блицы. Снизу и с боков, с галереи второго этажа. Из граней стеклянного шара, совсем рядом, рукой подать, смотрели на неё десятки лиц с огромными, расширенными зрачками. Её лиц.

— Ты обещала, Лиза!

На подиуме стоял Серёжа и, задрвав голову, смотрел на неё испуганно и зло.

Встреча четвёртая. Крысиные игры

Даже между собой никто из подчинённых не называл его крысой. Неожиданная при небольшом росте сутулость, редкая щётка белёсых усов под длинным, вечно сопливым носом, чёрные навывкате глаза. Генерал ФСБ Викентий Казимирович Кот был умён, зол и не прощал ошибок. Не нашлось женщины, рискнувшей связать с ним судьбу, поэтому Кот постоянно засиживался на службе допоздна. Красноватые от полопавшихся сосудов белки глаз делали сходство с грызуном ещё явственнее. Викентий Казимирович знал эту особенность своей внешности, и с мстительным удовольствием ждал, когда найдётся дурак, который посмеет...

Заступив на должность, Викентий Казимирович сам подбирал сотрудников, поэтому дураков и самоубийц в его структуре не водилось. Все чуяли нутром, что генерал простит многое, но не это. С другой стороны, за подчинённых он стоял горой, предпочитал разобраться с нарушителями внутри коллектива и не выносить сор наружу. В конце концов, начальству неинтересны дразги, начальству важны внешняя благопристойность и результат. Его Викентий Казимирович делать умел.

— По вашему приказанию.

— Заходи.

Полковник Носовой аккуратно прикрыл дверь и прошёл к столу.

— Подожди несколько минут, — сказал Кот.

Носовой кивнул, сел в гостевое кресло и по привычке огляделся.

Будучи лично весьма скромным человеком, генерал Кот очень щепетильно относился к обустройству рабочего пространства. Его кабинет мог служить образцом функциональности и удобства. Экран для просмотра видеоматериалов — во всю стену, с функциями паузы и повтора, с разнообразными интерфейсами и переходниками. Компьютер — малошумный и компактный, но ни в коем случае не ноутбук. По твёрдому убеждению хозяина кабинета, ноутбуки капризны и ненадёжны, тогда как надёжность и скрупулёзная работа с информацией — главное в защите безопасности. Ковёр на полу — толстый и безукоризненно чистый, хоть сейчас снимай обувь и разгуливай босиком; ходили слухи, что вечерами генерал так и делал. Мебель из натурального дерева, с закруглёнными углами. Гостевое кресло — кожаное, мягкое и покойное, мечта лентяя. Не знакомый с повадками генерала посетитель, усевшись в это кресло, поневоле расслаблялся, проникался доверием к сидящему напротив человеку. Чем Кот с удовольствием пользовался.

На вкус Носового, в кабинете было жарковато. Кондиционер исправно подавал свежий, но тёплый воздух.

— Чай сам себе нальёшь? — оторвав взгляд от изучаемого документа, поинтересовался

Кот. — Или предлагаешь мне за тобой ухаживать?

— Спасибо, не хочется, — ответил Носовой.

— Ну и зря, — сказал генерал. — А я попью горяченького. Мёрзну что-то.

Он захлопнул и спрятал папку в ящик стола, встал и отошёл к угловому столику, уставленному чашками, заварниками, баночками и коробочками. Зашумел чайник.

Носовой ждал. Приготовление чая было для Викентия Казимировича своего рода медитацией. Он закрывал одну тему и настраивался на другую. Начинать в это время доклад было глупейшим делом. Генерал не услышит, не обратит внимания, и тебе же потом попадёт

за неточности и неполноту.

Викентий Казимирович вернулся за стол, сжимая в ладонях большую чашку. Вкусно пахло мёдом.

— Приступай, — махнул рукой генерал.

— По вашему приказанию, — заговорил полковник, — нами взят в разработку объект «Лизавета». Краткая характеристика: целитель чрезвычайной силы. Впервые попал в поле нашего зрения в начале лета, рапорт оперативника капитана Коваленкова и отчет капитана медслужбы Валентины Супруновой прилагаются. Объект вёл приём на улице Вучетича...

— Там еще кафешка приметная есть? — перебил его Кот.

— Так точно, Викентий Казимирович, «Красная шапочка» называется, буквально окна в окна.

— Хорошо, дальше.

— Обыск на месте ничего не дал. Объект свернул свою деятельность раньше.

— Как интересно, — заметил Кот.

— Так точно, — согласился Носовой. — Разрешите продолжать?

— Непременно.

— Есть. Итак, объект свернул легальную практику, но продолжил лечить подпольно.

Причём берётся за самые сложные, запущенные случаи.

— Смело, — вскинул брови Викентий Казимирович. — Есть успехи?

— Сто процентов, — отрапортовал полковник. — По каждому из изученных случаев есть заключения специалистов, до и после лечения. В целях секретности, представленные им данные анонимны и безличны. Некоторые из экспертов, ознакомившись с материалами, заподозрили, что их разыгрывают.

— Что за эксперты?

— Уважаемые врачи с многолетней практикой. Все со степенями и публикациями в отраслевых журналах.

— Вот как... — генерал помолчал. — Как объект находит клиентов?

— Существует сайт в доменной зоне республики Вануату. Интерфейс скудный, по всей видимости, объект в рекламе не заинтересован. Фактически, это просто анкета, куда можно занести данные о возможном пациенте, о сумме, которую он готов потратить на лечение, и номер телефона для связи. Физически страничка расположена в Силиконовой долине, на одном из университетских серверов. Прошу, кстати, господин генерал, пробить владельцев по вашим каналам. Официально штатники на контакт не идут, напуганы понятно чем. Запрос остался без ответа.

— Пробить можно, конечно...

Генерал встал из-за стола, бесшумно прошёлся по ковру. Носовой против воли скосил взгляд на его ноги. Кот был обут в тёплые войлочные туфли.

— Пробить можно, — повторил генерал, — только, боюсь, это бесполезно. Как-то, понимаешь, само это сочетание, — домен Вануату и сервер из Силиконовой долины, — сомневаться заставляет. Дальше давай.

— Слушаюсь. Услуги объекта не бесплатные. Цены достигают десятков тысяч в валюте. Правда, в некоторых случаях объект лечит даром.

— Как это? — не понял Кот.

— Если у клиента нет денег.

— Так это у неё должна быть жуткая давка! — воскликнул генерал. — Всех бедных

обслужить.

— Никак нет, господин генерал, — доложил полковник. — Объект лечит бесплатно изредка, пациентов выбирает по непонятному критерию. Скорее всего, — Носовой развёл руками, — «Лиза» берёт, кого жальче.

— Прямо мать Тереза... — пробормотал Викентий Казимирович. — Кстати, полковник... как она их лечит? По интернету?

— Достоверно известно, что целительнице необходим физический контакт. Наложением рук лечит.

— Объяснитесь, полковник, — генерал подошёл напротив Носового и пристально посмотрел в его глаза. — Что вы ходите вокруг да около? Сервер, домен... Оказывается, есть свидетели! Вы опросили пациентов?

— Опросили, господин генерал, — Носовой вскочил с кресла, встал по стойке смирно. — Лечение происходит каждый раз в разных местах. В лесу, в поезде, в самолёте, во время театрального представления... Опросы пострадавших... эээ... простите, вылеченных, прилагаются. Несколько раз объект приезжал к пациенту на дом.

— Как выглядит?

— Молодая женщина, господин генерал, — доложил Носовой. — Никто из опрошенных не запомнил деталей, фоторобот создать не удалось.

— Удивительные вещи творятся в нашем городе, — цокнул языком Кот. — На чём она приезжала?

— Мазерати одной из последних моделей. Зарегистрирован на некоего Ашота Гляна, безработного, проживающего по адресу первая Лесопарковая, семнадцать. Бывшее общежитие Электролампового завода. Сейчас назначено к сносу, отключено от электричества и воды, пустует. Из местных никто про Ашота Гляна не знает.

— Ладно, — проворчал Кот. — Нет так много у нас Мазерати. Ещё что-нибудь есть?

— Так точно, — полковник Носовой позволил себе улыбку.

— Что-то морда у тебя хитрая, полковник, — прищурился Викентий Казимирович. — Напоследок козырь припрятал? Доставай, поделись с начальством.

— Есть! — Носовой улыбнулся ещё шире. — Бывший генерал ФСКН, после слияния служит в структуре МВД...

— Аркадий?!

— Так точно. Генерал Аркадий Владленович Чистов. Если верить последнему обследованию, страдает язвой желудка. Ему прописана строгая диета.

— Ну и что?

— Начал позволять себе острое и солёное. В конце мая его видели в ресторане. Более данных нет, сами понимаете, не мой уровень. Диагноз, однако, не снят. В ведомственной поликлинике числится язвенником.

— Ты хочешь сказать?..

— Так точно, Викентий Казимирович. Генерал Чистов — один из возможных пациентов «Лизы». Один из первых пациентов, господин генерал.

— Хорошо, полковник, — сказал Кот. — С Аркадием я разберусь сам. Ни к чему обижать хорошего человека наружкой. Мало ли, зарубцевалось, и не такое бывает. Папку свою давай, и свободен.

Полковник вышел, и генерал облегчённо выдохнул и юркнул в персональный клозет. А как же, негоже младшим чинам наблюдать генерала и начальника на горшке. Кот пустил

воду и трубно, с наслаждением высморкался. Уф, хорошо-то как! Кажется, ему тоже не мешает эта Лиза.

Потом он вернулся на рабочее место, положил перед собой чистый лист бумаги и любимый огрызок карандаша. Викентий Казимирович не был ретроградом, но при взгляде на бумагу ему лучше думалось. Монитор и клавиатура — как-то слишком... высокопарно, что ли? С претензий, что мысли окончательные и будут непременно отлиты в граните. Бумага уютнее, а мелкая моторика руки помогает сосредоточиться. Все остальные пусть работают, как им нравится, а ему удобнее так.

Провёл жирную линию по верху листа, написал: «Первоочередные меры по...» и задумался. Итак, всем клиентам звонили по указанному в анкете номеру и обговаривали условия.

Логика подсказывала — изъять телефоны и изучить все входящие звонки. Одинаковый у всех входящий номер — с большой вероятностью — окажутся номер объекта. Пробить номер по базам операторов, и объект найден! Если это, конечно, уже не сделал Носовой.

Генерал пролистал несколько страничек. Так... Свидетели, как один, показали, — номер не определялся. Разумеется, следовало ожидать. Значит, напрямь спецов, пусть покопаются в логах. Номера обязательно есть, анонимайзер просто блокирует передачу номера абоненту. И снова — пробить номера по базам...

Опыт тихо хихикнул. Звонили, скорее всего, с украденных трубок, спасибо писателям — детективщикам, нынче о таком финте не знает только ленивый, да и тот слышал, но поленился запоминать. Значит, пустое дело.

Можно поставить под наблюдение всех безнадежно больных с деньгами из тех, кто оставил анкету на сайте объекта. Это муторно и трудоёмко, но там есть шанс... Этим и займётся полковник Носовой со своим отделом.

Викентий Казимирович сунул исчёрканный лист, — и когда успел разрисовать? — в уничтожитель, положил перед собой новый и принялся заполнять его аккуратными строчками. Дописал, размашисто подписался: «К исполнению, Кот», и отправил в синюю папку. С утра секретарь оформит и спустит Носовому официальный приказ.

Кот откинулся на спинку кресла, сладко потянулся. Он полюбил эти минуты в конце дня, когда дела все переделаны, и можно просто отдохнуть. Ещё полгода назад Викентий Казимирович поспешил бы домой, купил бы Мордаунту рыбки или ещё чего вкусенького, и кошка устроился бы у него на плече или груди, и Викентий Казимирович смотрел бы телевизор, а кот урчал и смотрел ему в глаза своими зелёными глазищами. Но Мордаунт честно оттрубил свой срок, двадцать лет без малого, и мирно помер во сне.

Финита, как говорится, ля. Жили в огромной генеральской хате два кота, остался один, да и тот — Кот. И делать ему там решительно нечего.

Генерал вышел в интернет, загрузил портал городских новостей, бегло пробежался взглядом по заголовкам. Ничего особенного:

Драка в ресторане, повздорили из-за женщины, буяны задержаны и дают показания.

Наезд на пешехода, водитель скрылся, жизнь пострадавшего вне опасности.

Начинаются гастроли сыктывкарского театра оперы и балета, билеты продаются во всех театральные кассах.

Мэр открыл после капитального ремонта школу в посёлке Красном, радостные лица родителей и учителей.

Младшая дочь заместителя мэра Геннадия Савойского Лидия отметила двадцатилетие,

двести человек гостей, фоторепортаж из клуба «Галактика». Вереница обычных протокольных снимков: Мальвинка с букетом лилий; Мальвинка отрезает кусок торта; Мальвинка исполняет песню со сцены, на лицах музыкантов выражение скуки.

Стоп, а это что?!

Над танцполом, на высоте метров трёх повисла девушка. Удивлённые гости на галерее, задранные вверх лица танцоров. Девушка танцует на пустоте! С разных ракурсов, снизу, сбоку, спереди и сзади — одна и та же мизансцена... Глаза её закрыты, волосы развеваются, она вся в танце и ничего не замечает. Ещё один кадр, снятый с галереи. Девушка испуганно смотрит вниз, на молодого мужчину в чёрной куртке. Почему он в куртке? В «Галактика» тепло, гости одеты легко, даже слишком легко. Почему он в кожанке? Где-то он видел это человека. Викентий Казимирович прокрутил страницу к началу. Вот он. На снимке мужчина в куртке смотрит прямо в объектив. Чертовски знакомое лицо... Ладно, это после. Кот пробежал глазами сопровождающий репортаж текст. Ага! Рассказ одного из завсегдатаев, Максима Тернопольского: «Сразу показалась очень странной. Танцевала классно, никогда не видел таких движений. Нет, просто необычные, у нас так не принято. Представилась Лизой. Нет, раньше никогда не видел».

— Ну, здравствуй, чудотворица Лиза... — пробормотал генерал. — Эка ты опрометчиво поступила.

Викентий Казимирович слышал о спонтанных излечениях, были и задокументированные факты. Человек — зверушка сложная и не изученная до конца, что происходит в нём иногда — миллиону профессоров не объяснить. Организм словно сбрасывает оцепенение и побеждает болезнь одним ударом. В эту гипотезу легко укладывались феномены так называемых психотерапевтов типа Кашпиrowsкого. Если организм не может проснуться сам, его надо разбудить. Словом или даже невербально. После разговора с Носовым генерал решил, что Лиза из этих же, только очень умелая и удачливая. Но то, что запечатлели камеры телефонов, выходило за рамки обычного. Викентий Казимирович всегда считал, что чудеса проходят по иному ведомству, но вот поди ж ты!

Фотки, конечно, уже не изъять, нечего даже и пытаться. Когда это было? Сутки назад? Всё, проехали. Разошлись они по десяткам и сотням блогов. С сетью трудно бороться, но это и хорошо: кто сейчас верит чудесам в интернете? Люди привыкли к видеофокусам, надо только помочь им немного, заболтать новость и потопить в фейках и явном вранье.

Кот достал из синей папки исписанный лист, добавил несколько строк, подписал: «В информационный отдел. Кот». Пусть-ка хакеры и тролли отработают свои денежки.

Но это всё так, технические детали. Следовало принять принципиальное решение: что делать с чудотворицей? Человек, который может лечить, наверняка умеет и убивать. Такой человек меняет расклады, вносит фактор неопределённости. Его надо или привлечь на свою сторону — или нейтрализовать.

Уничтожить, пока не поздно, пока на него не вышли «западные партнёры». Знаем мы этих партнёров, спят и видят, как бы напакостить. Кот оскалился: президент, конечно, за словом в карман не лез, но тут он переплюнул самого себя. Куда там сортирам с котлетами!

Интересно, на кого она смотрела с таким испугом? Генерал нашёл нужный кадр, вырезал и укрупнил лицо парня в куртке. После набрал на селекторе архив.

— Дежурный по архиву Майор Филиппов, господин генерал!

— Вот что, майор, — сказал Кот. — Я скинул тебе в транзитный раздел одно лицо.

Постарайся выяснить, кто это. И поскорее.

Вот и хорошо, пусть поработает дежурный по архиву. А пока можно ещё чайку соорудить! Вечернего, с брусникой.

Ответ по внутренней почте поступил быстрее, чем генерал ожидал. Чай ещё не поспел, томился в керамическом чайничке. Кот открыл файл, пробежал глазами первые строчки и присвистнул:

— Даже так?

Парнем в кожанке оказался Сергей Демидов, по-тихому уволенный из рядов за мелкое двурушничество. Бывший наркополицейский, бывший лейтенант, бывший подчинённый генерала Аркадия Владленовича Чистова. Неудивительно, что Кот узнал его лицо, наверняка пересекались на торжественных мероприятиях, да мало ли где генерал может увидеть офицера из дружественной спецслужбы? В настоящее время Демидов подвизался охранником у одного из мафиозных боссов, известного как «Иван Иваныч». Кому, кстати, как не мафиозо, владеть Мазерати одной из последних моделей?

Иван Иваныч... С ним, да и с Лизой всё понятно. Лиза ли сама нашла себе покровителя мафиозо ли наткнулся на неё в своих заботах, неважно. Деньги и способности нашли друг друга, чтобы снова делать деньги. Делать деньги сладко, почти так же, как делать новых людей, если не слаще. А роль генерала Чистова предстояло выяснить. Хорошо, если Демидов поспособствовал ему в лечении по старому знакомству. Тогда к Аркадию Владленовичу никаких вопросов, просто повезло мужику. А если иначе? Как? Не стоит обижать наружкой хорошего человека, да? Ай да Аркаша!

Был у него где-то номер Чистова... Кот потянулся за телефоном, нашёл в адресной книге нужную строчку и несколько секунд задумчиво смотрел на экран. Пожалуй... нет.

Генерал отложил телефон и вызвал оперативного дежурного:

— Наряд на выезд, старшего ко мне на инструктаж!

Когда-то, ещё во времена СССР, за деревней Песчаное работал карьер. Круглосуточные гудели экскаваторы, тянулись в сторону Песчаного самосвалы и возвращались, натужно ревя моторами, с горой нагружёнными песком. Город строился, город пожирал бетон, и всё ему было мало.

Потом разработчики докопались до водоносных слоёв, и карьер пришлось закрыть. За прошедшие десятилетия на его месте образовалось озеро, которое стало местом паломничества горожан. Чистая, прогретая солнцем вода, никаких стоков, сосновый лес. В полукилометре шоссе и остановка автобуса. Что может быть лучше? Сюда выбирались поодиночке и целыми компаниями, особенно молодёжь. Приезжали с мангалами, и с утра до вечера над тихой водой поднимались терпкие дымы от сосновых шишек.

Пришли новые времена и люди. На бывшем колхозном поле вырос посёлок. За высокими заборами скрывались скромные и не очень особнячки, в тёплых гаражах спали под капотами табуны лошадей. Здешние обитатели не любили представителей власти, предпочитая решать проблемы в узком кругу. Здесь всегда было тихо, никто не пил и не буянил, и единственную улицу посёлка не оскверняли колёса полицейский машин.

...Пока добирались от Управления в Песчаное, майор Алексей Трепин утрелся и даже немного задремал. Страсть как не хотелось вылезать под дождь. Угораздило же генералов затеять разборки в такую собачью погоду! От заунывного стука капель по крыше Трепина потянуло на философию.

— Ты замечал, — сказал он бойцу за рулём, — что осенью и дождь какой-то ленивый? Капает и капает, не то, что весной, там строчит как из пулемёта. Тем более, летом!

— Эт вы правильно заметили, таарищ майор, — согласился боец. — А самый весёлый дождь в тропиках. Как бахнет!

— Ну да, ну да, — покивал Трепин.

Пискнула рация в кармане разгрузки — наряд, приехавший отдельно, занял исходные места вокруг чистовского коттеджа. Задача стояла простая: сопроводить генерала Чистова для беседы. Вежливо, но непреклонно. Трепин, конечно, не ожидал сопротивления или, не дай будда, стрельбы, но уставы и наставления писаны кровью. Не он придумал, не ему и нарушать. Мало ли что придёт в голову мужику с гормональным дисбалансом, особенно, если рыльце в пушку. В том, что у Чистова непорядок с гормонами, Трепин не сомневался. Шестой всего десяток мужику, жена на отдыхе, а любовницы нет. К чему бы так? Версию супружеской верности майор не рассматривал. Глупость это и небывальщина.

Пора. Майор вылез из машины и аккуратно, без хлопка, прикрыл дверцу. Лицо сразу стало липким от водяной взвеси, холодная струйка потекла между лопаток. Дождь, хоть и выглядел ленивым, лупил от души.

Особняк через решётку ворот казался покинутым. В окнах темно, только горел, качаясь под порывами ветра, кованый фонарь под козырьком крыльца, да светил зелёный фотодиод переговорного устройства. Трепин вдавил кнопку звонка над замком ворот, досчитал до десяти и позвонил снова. Досчитал до пятидесяти и повторил. Даже если генерал спал, сейчас он должен проснуться. Паузы между звонками были выбраны так, чтобы любой человек, как бы глубоко он не спал, почувствовал беспокойство.

Коробочка переговорника на миг ожила. Динамик издал невнятный шорох — и снова замолчал. В особняке кто-то был, и посетители его не обрадовали.

...Для военного, если он желает чего-то добиться в жизни, особенно важны чуйка и умение держать нос по ветру. Аркадий Владленович в полной мере обладал этим свойством, иначе никогда не дослужился до своих чинов. В службе, как и в жизни, многое решают предприимчивость и изворотливость.

Старый бандит Ваню не соврал, Лиза оказалась золотым дном, и Чистов ухватился за неё обеими руками. Лечить по-настоящему было куда выгоднее, чем просто подмять под себя местных шарлатанов, как предлагал мафиозо. Главное, не увлечься и вовремя соскочить с паровоза. Насколько Аркадий Владленович знал родную структуру, органы не могли не заинтересоваться чудесной целительницей. Исходя из разных соображений, не всегда даже меркантильных или дурных. Так уж они устроены, что не могут пройти мимо потенциально опасного явления. В том, что Лиза опасна, генерал не сомневался.

По уму, лавочку следовало прикрывать ещё месяц или полтора назад. Конечно, бродили бы слухи, но недолго. Любой слух требует подпитки, без неё он умирает. Денег они подняли изрядно, зачем дразнить гусей сверх меры? Но... жадность! Ваню предложил погодить, и Аркадий Владленович малодушно согласился.

Теперь события выходили из-под контроля. Аркадий Владленович чувствовал словно бы чужой взгляд в спину, и уже ничего не мог поделать, потому что глядели с таких высот, к которым сейчас, после поглощения ФСКН полицией, он не имел надёжного доступа. Начальник самостоятельного областного Управления и рядовой руководитель управления в структуре МВД — существенная разница, и плевать, что он генерал.

Вежливые люди в штатском опрашивали бывших лизиных пациентов. Об этом писали в

социальных сетях. Кто-то с возмущением и презрением к держимордам, а кто-то и со злорадством. Кот вышел на охоту, и Чистов занервничал.

Прямых указаний на него не существовало, он нигде не засветился, но утешал этот факт мало. Эфэсбешникам важна эффективность, они цепные псы на страже государства, а где затронуты высшие государственные интересы, закон отходит на вторые роли.

После «Галактики» счёт пошел на часы. Аркадий Владленович аврально, не слушая возражений, усладил жену в Турцию; сын давно уже жил отдельно, его вряд ли тронут. Сам Чистов принялся лихорадочно подтирать следы своей деятельности и выводить активы.

Когда у дома остановился внедорожник, генерал понял: это за ним. Из внедорожника вылезли трое, направились к воротам. Ещё не меньше отделения окружало особняк скрытно — инфракрасные камеры не обманешь. Грамотно перекрывали все пути отхода, — не сбежать.

Тем временем старший из приехавших нажал кнопку вызова. Постоял, глядя прямо в камеру, позвонил ещё раз. Знакомое лицо... Майор, всего лишь майор. Аркадий Владленович скрипнул зубами: какое унижение. Чем бы не кончилось дело, все будут знать: за Чистовым отправили простого майора! Рядовые станут показывать на него пальцем. Ну, уж нет, ребята, никакого вам сотрудничества!

Майор у ворот снова вдавил кнопку. Никакой фантазии, всё как в методичке!

— Чёрт! — прошипел генерал, с недоумением глядя на собственную руку. Зачем он ответил на вызов? Всё нервы...

Те, кто приехал его арестовывать, топтались у ворот. Несколько минут у него в запасе ещё есть. Аркадий Владленович нашёл в телефоне нужный номер. Век бы с ним не знаясь!

— Спишь, старый бандит? — сказал вместо приветствия. — Неважно. За мной приехали, Ваню. Имей в виду, скоро приедут и за тобой.

— Кто? — проскрипело в трубке.

— ФСБ-шники собственной персоной. Имей в виду, от них не отбояриться, и адвокат не поможет. Только если отстанут сами.

— У них на меня ничего нет, — сказал Иван Иваныч.

— Откуда ты знаешь? — удивился Чистов. — Они сами решают, что и на кого у них есть. В общем, так: я тебя предупредил. Дальше думай сам — и до встречи. Главное, чтобы не в камере.

Генерал сбросил звонок и спустился в подпол. Подпол при строительстве дома заказана жена — хранить соленья и картошку. Аркадий Владленович сначала удивлялся, зачем? Двадцать первый век на дворе, ту же картошку дешевле взять с рынка или купить в интернет-магазине с доставкой. Супруга упёрлась, и Чистов согласился, но внёс в проект небольшие изменения. Или принципиальные, как посмотреть...

Викентий Казимирович возвращался из столицы в хорошем настроении. Его не мог омрачить ни ливший вторые сутки дождь, ни голод. Кот так торопился, что не успел перекусить в главке. Останавливаться по дороге Викентий Казимирович запретил. Покупать съестное в придорожном ларьке опасно, а есть в Макдональдсе неприлично. Спасибо, водитель поделился бутербродом.

Начальство прислушалось к его доводам.

Сначала начальство попыталось отмахнуться:

— Какое колдовство в наше время, вы что, уважаемый, с глузду зыхали? Не пора ли вам

в отпуск?

Кот настаивал.

Начальство хмурило брови и хмыкало, потом задумалось.

— Решительно невозможно, — таким был результат его размышлений.

Кот показал фотографии и видео из «Галактики».

— Фейк. Доказано экспертами, — выразилось начальство и продемонстрировало навыки сёрфинга в сети. — Многочисленными экспертами. Например, вот, вот и вот.

— Пришлось поработать, — потупился Кот.

— То есть все разоблачения — ваша работа? — приподняло брови начальство.

— Так точно, — доложил Кот и с юмором рассказал, как генерал Чистов не хотел беседовать и прятался в погребе, и какими сведениями он поделился, будучи оттуда вынут.

— Какие у нас изобретательные наркотические генералы! — развеселилось начальство... и дало санкцию на силовую операцию.

— Давно пора призвать мафию к ответу, — постановило оно. — Только без танков и самолётов, хорошо? Пожалуйста.

Начальство тоже любило пошутить.

За десяток кварталов до Управления дорогу перегородила странная процессия. Пёстрая толпа, человек тридцать или сорок, важно шествовала по улице. Впереди шёл толстый поп с кадиллом, за ним две тётки тащили икону в половину человеческого роста. На иконе женщина в белом с золотом платке осеняла зрителя перстом. По верхнему полю вилась надпись на церковнославянском: «Святая мученица Елизавета Фёдоровна».

— Это что за манифестация? — удивился Кот.

— Крестный ход, господин генерал? — предположил водитель.

— Какой к чертям крестный ход?! — возмутился генерал. — Нет сегодня никаких праздников, значит, и крестных ходов нет. Не положено. Ну-ка, сержант, дуй к ним, выясни, кто такие и что делают?

Водитель отсутствовал довольно долго. Из окна машины было видно, как он подходит то к одному, то к другому человеку, крестится на икону и кланяется попу. Викентий Казимирович барабанил пальцами по подлокотнику, с трудом сдерживался, чтобы не выскочить, не разогнать всех к чёртовой матери. Жаль, нельзя. Не дело генералов самолично наводить порядок. Глупо и вредит авторитету.

— Ну? — потребовал Кот, едва водитель вернулся.

— Община почитателей Святой Елизаветы Фёдоровны, — доложил водитель, — зверски убитой большевиками. Господь наш внял молитвам и вернул её миру в год столетия мученической кончины. Святая Елизавета Фёдоровна врачует словом и делом, как и её святые венценосные родственники. Ну и так далее.

— Сектанты, значит, — сказал Кот. — А здесь зачем?

— По их словам, собираются пикетировать богомерзких чекистов, — сказал сержант.

— Зачем?!

— Ходят слухи, что мы хотим схватить Святую Елизавету и подвергнуть её мукам, господин генерал, — ответил водитель.

— Кхм...

По всему выходило, сектанты настроились на долгое бдение. Пришлось вызывать дежурный наряд. С их помощью машина смогла кое-как продраться через толпу. Чертовщина какая! Не хватало ещё задавить одного из этих идиотов!

В свой кабинет Викентий Казимирович явился злой и раздражённый. От хорошего настроения не осталось и следа, зато прибавилось головной боли. Откуда, интересно, сектанты узнали о будущей акции? Если он сам, начальник Управления генерал Кот, узнал об этом всего три часа назад?

— Девчонка! — бушевал Иван Иванович. — Какого чёрта тебя понесло в клуб?!

— Устала я, — отбивалась Лиза, — надо же и отдыхать.

— Ну так и отдыхала бы! Взлетать зачем?!

— Сама не знаю, — стушеввалась Лиза. — Нашло что-то.

— Может, надышалась? — предположил Серёжа. — Там марихуаной пахло.

— С тобой я отдельно разберусь! — рявкнул Иван Иванович. — Девка дура, не знает ничего, а ты-то?

— Ничего я не дура! — возмутилась Лиза.

— Летала? — язвительно поинтересовался мафиозо. — Значит, дура. Курила?

— Нет, — ответила Лиза. — Только... конфетой меня угостил один. По имени Макс. Леденцом.

— Понятно, — Иван Иванович схватился за голову. — Леденцы с марихуаной. Для тех, кто не любит курить. Руки оторвать тому Максу и съесть заставить! Жаль, поздно уже.

— Мало ли в сети напишут, босс? — спросил Серёжа. — Враки это всё, уже не верит никто, пишут, что подделка.

— Ты у нас кто? — ласково спросил Иван Иванович, но от этой ласки у Серёжи скрутило живот. Видел он Ивана Ивановича в гневе и знал, что бывает с провинившимися.

— Охранник, босс, — смиренно ответил Серёжа.

— Вот и охраняй, а рот разевать не смей! Умник!

Ауру Иван Ивановича туманил страх. Он кого-то сильно боялся. Очень сильно. Лиза не могла и предположить, что Иван Иванович умеет так трусить.

— А как-же Аркадий Владленович? — спросила она. — Он что предлагает?

— Он арестован, — буркнул мафиозо. — Скорее всего.

Лиза прислушалась к миру и к себе. Силы вернулись, и теперь уже не уйдут, уж об этом она позаботится. Мощь переполняла. Казалось, пожелай, и можно свернуть горы. Жаль только, это не поможет вернуться домой. Зато лисичка поиска, которую она запустила утром, впервые не вернулась в первые полчаса.

— Не бойтесь, Иван Иванович, — сказала Лиза. — Вы под моей защитой. И ты, Серёжа под моей защитой, — она повернулась к охраннику. — Отдыхай.

— Дура, — пробормотал Иван Иванович, вылез из кресла и ушёл.

Нервничает старик. Ничего, сначала она победит всех врагов, а потом займётся им. Он хороший человек, но преступник. Пора отучать Ивана Ивановича от дурных привычек.

Для майора Трепина настало интересное время.

Перевод в областное Управление он воспринял как синекуру, заслуженный отдых после долгой службы в горячих точках. Первые годы так и было. Приятная, расслабляющая рутина. Но рутина приедается, если, конечно, ты не собираешься пока на пенсию. Поэтому события последних дней Трепин воспринял как глоток свежего воздуха. Наконец дело, хватит терпеть мафию! Зажрались уже...

Кавалькада из трёх спецмашин мчалась по загородному шоссе. Светило низкое осеннее

солнце, длинные тени машин скользили по асфальту, по серебристой от инея траве вдоль обочины, по чёрным придорожным елям.

То, что едут брать босса мафии, знали все.

Неприятностей не ждали. Что может противопоставить обученным, профессиональным людям охрана мафиозного босса? Ничего. Для успеха достаточно точно исполнять приказания командиров — и поглядывать по сторонам. Разумная осторожность не помешает, а она давно въелась в плоть и кровь бойцов.

Спецназовцы сидели в салоне машины в два ряда, друг напротив друга. Пространство между ними занимало оружие и спецсредства. Пятачок у задних дверей, для скорости выгрузки, был свободен.

Трепин с переднего сиденья, стараясь не смеяться, слушал, как бойцы травят анекдоты.

— А вот ещё один, — начал светловолосый боец с нашивками ефрейтора:

«— Слыхали? Абраму дали десять лет.

— За что?

— За то, что бросил жену.

— Не гони! За это не сажают. Я сам бросил двух жён — и ничего.

— Это смотря с какого этажа бросать».

Салон грохнул хохотом. Майор позволил себе улыбку.

— Где ты, Вовка, их находишь? — просмеявшись, спросил рядовой напротив.

— Места надо знать, Колян. Или вот, слушайте.

Вовка принял сделал серьёзное лицо с видом телевизионного диктора продолжил:

«Английская компания Тармак изобрела асфальт, который впитывает воду. В качестве адекватного ответа в Сколково изобрели воду, которая впитывает асфальт».

— Вот блин... Впитывает?

— Ага!

— Чего англичане не изобрели асфальт, который водку производит? — спросил сержант, сидевший за водительским креслом. — Не так смешно, зато пользы в разы больше.

— Пьяница ты, Андрюха, — сказал знаток анекдотов.

— Не скажи, хорошая водка в нужное время, да под хороший закусон...

— Ладно, дальше слушайте, — сказал Вовка. — «Один мужик...»

— Что это... Там? — прервал его Коля.

— Что? Где?

Коля неуверенно показал пальцем.

На пустом пяточке сидела огромная чёрная собака. Взгляд кроваво-красных глаз скользил с одного бойца на другого, острые уши нервно шевелились. Углы рта нервно дрожали, снежно светились острые клыки. С языка зверя капала тягучая слюна. Попадая на металлический пол, она шипела и дымилась. «Ой, блин!» — кто-то из бойцов схватился за оружие. Собака заворчала и привстала, наклонив голову вперёд. Холкой она самую малость не доставала до потолка.

— Сейчас прыгнет... — прошептал Коля.

— Отставить оружие, — негромко скомандовал Трепин.

Собака рыкнула и снова села.

— Хорошая собачка, — осторожно сказал Трепин. — Что с тобой делать?

Собака прыгнула ушами, а потом зевнула. Салон наполнила тошнотворная вонь.

— Тормози... — тихо приказал водителю майор.

Фургончик съехал на обочину и остановился. Поодаль встали и две другие машины.

— Двери задние разблокируй, — так же негромко распорядился Трепин.

Щёлкнул замок. Собака оскалилась, засмеялась и ударила лапой в дверь. Створки разлетелись в сторону, собака выпрыгнула из фургона и неторопливо потрусила вперёд вдоль шоссе.

— Уфф... — Андрей с шумом выдохнул. — Что делать будем, командир?

Нервное напряжение спало, бойцы заговорили разом, перебивая друг друга.

— Отставить, балаболки! — Трепин оглядел бойцов с таким видом, будто в первый раз, не понимая, кто это и откуда взялись. — Глупый вопрос, сержант. Выполнять приказ, конечно! Его никто не отменял. Пять минут размяться и оправиться, а то, подозреваю, кого-то из вас чуть штаны не намочил. Да по очереди!

Майор достал рацию, произнёс несколько слов. Двери остальных машин тожеоткрылись, несколько человек спустились в кусты.

Шоссе было пустынно, за минуту, что они тут стояли, мимо пролетели всего две или три машины. Сержант Андрей выбрался из салона, встал напротив командира. Он задумчиво кривил губы, с подозрением поглядывая вокруг.

— Что думаешь, Андрей? — спросил его Трепин.

— Думаю, неспроста это, командир, — ответил сержант. — Откуда взялось это чудище?

— Да, вопрос... — согласился майор. — Постой-ка, а что это там, над дорогой?

Со стороны города в сером небе появились три точки. Они приближались, вырастали...

— Вертолёты? — предположил сержант.

— Если и вертолёты, то не наши, — сказал Трепин. — Не на войну собрались. Чёрт!.. — он запнулся, не веря глазам, потом закричал: — Нас атакуют, к обороне!

Издали сержант принял их за винты. Мерно взмахивая крыльями, к ним спускались три огромных орла.

Застучали автоматы. Налетавшие птицы вздрагивали, в стороны летели перья и кровавые ошметки, но, кажется, орлов это не беспокоило. Они рвались к машинам, уже видны были разъявленные клювы и мощные лапы, готовые хватать и раздирать.

— По машинам! — надсаживаясь, заорал майор.

Бойцы попрыгали в салон. Завизжали покрышки, даже сквозь закрытые двери запахло палёной резиной. Фургон с места прыгнул вперёд.

Они не успели набрать скорость. Банг! — молотом ударило сверху. Фургон подпрыгнул, водитель едва смог удержать его на дороге. Банг! Банг! Фургон раскачивался, бойцов бросало в салоне. Покрылся трещинами и лопнул триплекс лобового стекла, в кабину проник кривой, лаково-чёрный, острый как игла коготь.

— В лес сворачивай! — крикнул Трепин. — Под деревья!

— Есть... — отозвался водитель. — Через километр... съезд есть.

— Давай! — махнул рукой майор. Теперь всё зависело от мастерства водителя.

Фургон зигзагом нёсся вперёд. Позади так же вихлялись по дороге остальные автомобили. Над ними, выбирая момент, висели орлы.

Банг!

— Держитесь! — закричал водитель и резко вывернул руль вправо. Фургон встал на левые колёса, но не упал, помчался, громяхая и подпрыгивая, по разбитой грунтовке. Через миг над машиной сомкнулись прозрачные кроны осин.

— Дальше, дальше гони! — приказал майор. — В ельник! Там не достанут.

Стемнело. Скорость упала — не очень разгонишься на кривой ухабистой колее. Пробуксовывая на глиняных буграх, хрустя свежим ледком, воя и взрѣвая, фургоны погружались в лес. Орлы кружили над старым ельником, в разрывах крон мелькали то и дело их силуэты, но атаковать не рисковали. Колючих ветвей в несколько ярусов они боялись больше, чем автоматных пуль? Или теснота мешала маневрировать? Скоро они отстали, но остановиться Трепин разрешил только спустя несколько километров.

— Шабаш, — выдохнул он и первым вывалился из кабины.

Вокруг небольшой полянки, где они остановились, лежал еловый бор. Свет почти не проникал сквозь кроны и подлесок. Единственная тропа, которая привела их сюда, просматривалась метров на пятьдесят. Ничто крупное не подберётся незамеченным. Упавшие ели перегородили подходы слева и справа, ямы от их корней выглядели идеальными огневыми точками. Сзади за поляной начиналось низовое болото.

Захлопали дверцы фургонов. К майору подошли старшие остальных машин, капитаны Стасов и Никитин.

— Отличная позиция для обороны, парни, — сказал им майор.

— Это точно, — согласился Никитин.

— Но, майор, сколько нам здесь сидеть? — спросил Стасов. — И зачем? От кого обороняться?

— Гхм, — майор смутился. Ситуация сложилась дурацкая. Кого в центре собственной страны может опасаться обученный и вооружённый взвод спецназа?

— Орлов? Чертовщина какая-то... Что за орлы, откуда? Кто-нибудь раньше видел таких монстров?

Капитаны синхронно закрутили головами. Майор вздохнул и достал телефон — доложить.

— Сеть не определяется, — сказал он. — Телефон сломался. У кого-нибудь есть трубка?

Всего нашлось два десятка телефонов разных марок, подключённых к разным операторам. Сети не было ни на одном.

— Что это значит, господа офицеры? — обескуражено произнёс Трепин. — Тут полно вышек, сеть не могла пропасть! Не война же...

— Так точно, — пожал плечами Никитин. — И, майор, дороги тоже нет.

— Что?!

Тропа пропала. Вместо неё стеной стоял тропический широколиственный лес. С деревьев свисали лианы, одуряюще пахло орхидеями. Порхали яркие бабочки, кричали пёстрые птицы. Из-за ствола ближней пальмы на Трепина глянула любопытная обезьянья мордочка.

Майора бросило в пот.

— Командир!

Трепин обернулся. Позади, где начиналось болото, раскинулся широкий, рыжий от ракушечника песчаный пляж, а за ним — лазурный океан! Ленивая волна с шорохом набегала на берег, шевелила бурые плети водорослей. Пахло солью и йодом. Маленькие крабы разбегались из-под ног.

— Командир, море! — один из бойцов зашёл в полосу прибоя, зачерпнул горстью воду, позволил ей пролиться, лизнул ладонь. — Солёная...

Рядовой Юра Терещенко никогда не был на море. Маленький городок, в котором он провёл детство, вырос возле автогиганта, на берегу водохранилища. Там Юра и проводил всё свободное время. Летом плескался на тёплом мелководье, в холода рыбачил, да мало ли найдётся занятий для мальчишки рядом с большой водой? Море ему было не нужно и не интересно. Трястись двое суток в душном вагоне, и для чего? Чтобы увидеть ту же воду? Нет, увольте.

Потом пришлось выживать. Автогигант буксовал, родители с трудом сводили концы с концами. Отслужив в армии, Юра остался на сверхсрочную, а потом и вовсе завербовался в спецвойска. Приличная зарплата, паёк и обмундирование, надбавки за участие в боевых действиях, — теперь Юра уже сам мог помогать родным.

Но на море так и не побывал. В Таиланд, Египет или Турцию дорога ему была заказана из соображений секретности. В Крым или на Азовское море почему-то не хотелось, билет до Владивостока он тоже не мог себе позволить.

— Командир, море! — Юра лизнул пальцы. — Солёная.

Как неожиданно и странно сбылась его мечта. Именно так и должно выглядеть настоящее море. Островок посреди безбрежного океана, жгучее солнце, скрипучий песок под ногами, пальмы, прибой, — и много-много тёплой солёной воды до самого горизонта!

Юра поднялся, сбросил разгрузку, и замедленно, словно во сне, принялся раздеваться.

— Отставить, боец! — долетел до него крик майора.

— Командир, — улыбаясь, обернулся к нему Терещенко. — Жарко, командир. Пять минут и всё, а?

— Чёрт! — выругался Трепин. — И точно жарковато. Ладно, военный. Но только пять минут, ясно?

— Так точно, командир! — обрадовался Терещенко.

— Кто ещё хочет искупаться? — повысил голос майор. — По очереди, не больше пяти минут. И внимательнее, вдруг тут водятся акулы?

...Юра Терещенко вдохнул воздуха и распластался на волне вниз лицом. Вода приятно щекотала живот и ноги, облизывала натруженные ботинками пальцы на ногах. По песчаному дну скользили в такт волне расплывчатые солнечные зайчики. Проявилась и снова закопалась в песок плоская рыбина вроде камбалы. Юра перевернулся животом вверх, с шумом выдохнул воздух. Хорошо! У него есть ещё две минуты для блаженства...

Внезапно потемнело. Случайное облако закрыло солнце. Засвистел ветер.

— Все из воды! — закричал с берега майор. — Шторм приближается!

Юра поплыл к берегу. Ноги коснулись дна — и завязли в нём. Вода стала ледяной. Юра дёрнулся раз, другой, — и встал по колено в вонючем болоте. Пронизывающий ветер швырнул ему в лицо горсть жёлтых листьев. Было очень холодно.

Встреча пятая. Сильнее магии

— Приведите хоть одну причину, чтобы я поверил вашим бредням, — генерал Кот, до того меривший шагами кабинет, остановился перед Трепиным, потряс мятой стопкой бумаг и рывкнул: — Майор!

— Но, характер повреждений, господин генерал-лейтенант, — сказал Трепин. — Они продырявили мне всю крышу! В рапорте всё есть!..

— Молчать!.. — задавлено прошипел генерал. — На ваших машинах нет ни одного — слышите? — ни одного из описанных вами повреждений. Крыша цела, в лобовом стекле ни трещинки, сзади у выхода — ни единой прожжённой дыры, как вы тут расписали. Ну? Отвечайте, майор! Я жду.

— Половина моих людей в лазарете, у двоих — пневмония, — сказал Трепин. — Не могли же они одновременно сойти с ума и полезть купаться в болото!

— Если они идиоты, — сказал генерал, — то запросто.

— Извините, господин генерал-лейтенант, — Трепин решительно вздёрнул подбородок. Плевать, что чёртовой крысе придётся привстать на носки, чтобы посмотреть в его глаза, — это ваша команда, вы сами отдали этих людей под моё начало.

— Хочешь сказать, майор, что это я идиот? — совершенно спокойно спросил Кот.

— Никак нет!

— Никак нет... — повторил генерал. — Никак нет.

Он бесшумно прошёлся вперёд, назад и снова вперёд. Трепин, как и многие до него, не удержался: не было на ногах у генерала никаких войлочных чуней, обычные форменные ботинки. Затем генерал снова вернулся к столу, за спину майора. Звякнуло стекло, зашумел чайник. Майор стоял, боясь шелохнуться. Что он задумал?

— Хватит тянуться, майор, — сказал из-за спины генерал. — Считай, что ты меня уел. Иди к столу. Целый генерал-лейтенант чаю тебе налил.

На деревянных ногах Трепин прошёл к чайному столику, сел в кресло и принял чашку. Чтобы не чувствовать себя дураком, сделал глоток... Дьявол, вкусный чай! Где он достаёт?

— Привозят, — словно услышав его мысли, сказал Кот. — По спецзаказу, прямым из Китая. Иногда, майор, очень удобно быть генералом.

Трепин едва не поперхнулся. Затылку стало горячо. Краснеет он, что ли?

— Не ты первый удивляешься, — сказал генерал. — Ладно.

Он отставил чашку и встал. Трепин попытался вскочить, но как это сделать с чашкой горячего чая в руках? Он целую секунду простоял, согнувшись в странной позе, то ли встав, то ли оставшись сидеть, не в силах решить эту дилемму, пока не услышал:

— Сиди-сиди. Считай, я с тобой советуюсь. Мне легче думается на ходу.

Трепин упал в кресло, но чай не пролил. Генерал усмехнулся.

— Моя вина, майор, — начал он, — надо было сразу сказать... Ну, лучше поздно, чем никогда.

Майор Трепин сделал ещё глоток. Будь что будет, дальше Находки не сошлют.

— Понимаешь, майор, — говорил тем временем генерал-лейтенант, — задача твоя осложняется тем, что обычному боссу мафии служит ммм... гипнотизёр совершенно невероятной силы. Точнее, гипнотизёрша. Ясно?

— Так точно, — сказал Трепин. — То есть, господин генерал-лейтенант...

— Спрашивай.

— То есть всё, что с нами было, это... гипноз?

— Так точно, майор, — улыбнулся Кот.

— Но, господин генерал-лейтенант, — не поверил Трепин, — как это возможно? За пятьдесят километров загипнотизировать целый взвод?

— Внимательнее слушай, майор, — поджал губы генерал. — Совершенно невероятной силы. И я решил... — он помолчал, качаясь с пятки на носок. — Я решил, что второй захват проведёшь тоже ты. Да. По крайней мере, тебе и твоим людям не надо объяснять, с чем придётся столкнуться. Вам понятно, майор?

— Так точно! — вскочил Трепин. Хорошо, чашки в руках уже не было.

Радославу эксперты из Главного Управления рекомендовали как самую знающую и добросовестную — если такое определение вообще подходит к магам — колдунью. К ней генерал Кот отправился лично. Незачем плодить посвящённых. Как сказал однажды папаша Мюллер в переложении Юлиана Семёнова: «Что знают трое, то знает свинья».

С первого взгляда Радослава походила, скорее, на вокзальную гадалку. Цветастая юбка до пола, пышная кофта, чёрные как смоль волосы, монисто нагруды. Оно первым бросилось в глаза Викентию Казимировичу. После мониста он ожидал увидеть типичную цыганку, и даже чёрная бородавка на носу представилась. Какая колдунья без бородавки?

— Вы ко мне, молодой человек? У вас назначено?

Нет, у неё оказалось простое, типично славянское лицо женщины, юность которой миновала, но и до старости шагать и шагать.

— Нет, девушка, — ответил Кот, решительно отодвигая хозяйку в сторону и проходя в квартиру. — Мне не назначают, я сам назначаю.

Он предъявил раскрытое удостоверение.

— Что, и разрешение войти не спрашиваешь? — без тени испуга спросила Радослава.

— Спрашиваю иногда, — сказал генерал. — Войти разрешите?

— Вошёл уже, — фыркнула Радослава. — Выкладывай, давай, чего хочешь.

— Вы так себя ведёте... — с удивлением сказал Кот. — Что, совсем, ни капли не опасаетесь? Я генерал ФСБ, как-никак.

— Отопасалась уже, — сказала колдунья. — К делу, генерал. Или сначала чаем напоить, в бане попарить?

— Нет уж, — сказал Викентий Казимирович. — Не надо в бане. Чаю и поговорить. Ести где присесть?

— Как это двусмысленно звучит, — отметила Радослава. — Пошли в залу, генерал.

Залой оказалась обычная малогабаритная комната. Стол, три мягких стула, закрытый салфеткой плоский телевизор, кушетка в углу. О том, что здесь обитает колдунья, говорила только потрёпанная колода карт на столе, да и то необязательно. Ни магического шара, ни чёрных свечей, вообще ничего, что можно было бы соотнести с магией. Только если книжный шкаф, забитый томами разного вида и размера, как старыми, с золотым тиснением и ятями, изданными явно до исторического материализма, так и новыми, с глянцевыми корешками или вообще в мягкой обложке.

— Что головой крутишь, генерал? — спросила хозяйка. — Антураж не устраивает?

— Да чёрт с ним, с антуражем! Чаем угостишь или просто так сказала? — тоже перешёл на «ты» Кот.

— Чего же не угостить? Если у тебя время есть.

Чай генералу понравился. Редко такой встретишь в наше время пакетиков из туалетной бумаги и химических отдушек. После чаепития он неожиданно проникся к колдунье доверием и резко изменил план разговора, решил обойтись без преамбулы и специфических профессиональных приёмов.

— Дело у меня простое, — сказал он. — Мне нужно знать, как обезопаситься от магии.

Радослава посмотрела на него с изумлением. Неожиданный вопрос задал ей генерал, не тот, на который она, наверное, рассчитывала.

Заминка длилась недолго.

— Шапочку из фольги надеть, — ответила Радослава.

— Что?!

— Ты же взрослый человек, генерал, в серьёзной конторе служишь, — сказала колдунья. — Какая в наше время магия? Ловкость рук, немножко психологии, уверенность в голосе — вот и всё!

— А если представить, что она действительно существует? Гипотетически? — сказал Кот. — Что рядом живёт маг, и ему подвластны некие силы? И что надо от этих сил защититься?

Колдунья задумалась. Ушла из лица нарочитая грубость и выглянула такая девчоночья мягкость, что у Викентия Казимировича ёкнуло в груди. Сейчас Радослава стала неуловимо похожа на его умершую несколько лет назад мать. Прищуром глаз? Намёком на улыбку в чуть приподнятых уголках рта?..

— ...Что?

— Заснул, что ли, генерал? — повысила голос Радослава. — Что он умеет твой маг, спрашиваю? Какие силы ему подвластны? Если он горы мыслью двигает или звёзды гасит, тут, сам понимаешь, только шапочка из фольги. Или завернуться в простыню и на кладбище...

...Уже уходя, в дверях, Кот спросил:

— Если мне будет нужна новая консультация? Дай телефон, Радослава? Сама понимаешь, ездить мне не всегда удобно.

— Псевдоним это, — ответила колдунья. — Наталья меня зовут. А телефона нет. Некому мне звонить.

— А клиенты как тебя находят? — удивился генерал.

— Так же, как и ты, Кот, — сказала колдунья.

Подполковник Морковин никогда не пил спиртного, даже не пробовал. Даже отмечая дни рождения, он не притрагивался к рюмке. Сослуживцы и знакомые, зная его отношение к алкоголю, давно не искали поводов напоить бравого вертолётчика. В конце концов, у всех есть недостатки. Кто-то не пьёт, а кто-то, напротив, квасит по-чёрному, словно пытаюсь доказать: да, готов выпить море и ничем не хуже Ксанфа! Некоторые даже в Храм Божий заходят и ставят свечки, — не упрекать же их за это? У нас свободная страна и любой вправе придумать себе блажь.

Зато Морковин рос по службе, как другим и не снилось. Подполковник в тридцать два — это надо уметь. Плюс почти гарантированное место в Академии...

Был и грешок у гвардии подполковника. Маленький, почти незаметный, но грех: пристрастие к компьютерным играм. Командование этот факт знало, но относилось к нему

благосклонно. Комполка Сиротин играми не увлекался, не до того, но видел, как люди рубятся в авиасимуляторы. Пусть «летает» подполковник. Лишняя тренировка не повредит.

Поэтому, когда Сиротину позвонил комдив и очень настойчиво попросил поспособствовать «человечку из ФСБ» и найти ему лучшего пилота, комполка не раздумывал. Морковин, кто же ещё? Сделает всё в лучше и быстрее прочих. Сиротин не привык прятать от «смежников» лучшие кадры; от такой бережливости больше вреда. Одно дело делаем.

Ровно в восемь утра подполковник Морковин прибыл в полковую канцелярию. Дверь в кабинет комполка была гостеприимно распахнута.

— Разрешите?

— Давай-давай, проходи!

Полковник Сиротин поднялся со своего кресла. Также встал и гость — невысокий человек в гражданке с жёстким и одновременно чуточку растерянным выражением лица. На стуле рядом с ним лежал портфель, — тоже вполне мирного вида.

— Подполковник Морковин и, эээ... — начал Сиротин.

— Майор, — подсказал гость.

— Майор Трепин из ФСБ, — улыбнулся Сиротин. — Садитесь, товарищи офицеры. И так, мы слушаем вас, майор.

— Спасибо, господин полковник.

Трепин достал из портфеля карту-двухсотку, разложил на столе.

— Вот здесь, — он обвёл место маркером, — в деревне Извозье расположена дача одного из преступных авторитетов. Задача проста: нужно забросить нашу группу захвата как можно ближе к этой даче. Дача расположена в излучине реки, так что промахнуться трудно. Это надо сделать с первой попытки.

— Почему? — насторожился Сиротин. — У них есть ПЗРК?

— Насколько нам известно, нет.

— Тогда почему такие сложности, майор? — спросил Сиротин. — Почему не отправить ваших людей по земле?

— Ещё одна группа отправится на автотранспорте, — ответил Трепин. — Другие, не исключено, вообще пешком. Нужны максимальная внезапность и рассредоточенность.

— Не понимаю, — сказал полковник, — что за Аль Капоне у нас завёлся. Это же целая диверсионная операция!

— До Аль Капоне этот персонаж не дотягивает, — сказал майор, — но некоторые обстоятельства...

— Какие? — потребовал Сиротин. — Я должен знать, куда посылаю своего пилота.

— Конечно, — согласился Трепин. — Читайте.

На свет из портфеля явились две одинаковые, схваченные резинкой, папки.

«Совершенно секретно. Отпечатано в четырёх экземплярах, — прочитал Морковин на титульном листе. — Отчёт о мероприятиях по исполнению...»

— Однако, — сказал полковник, возвращая папку Трепину. — Вы сами-то верите в это?

— Уже почти нет, — ответил майор.

— Уже почти? — переспросил Морковин. — Что это значит?

— Я командовал той группой, — сказал Трепин. — Понимаете? Кому мне верить, себе или здравому смыслу?

...Обговорив с Сиротиным детали, перед тем, как распрощаться, Морковин с Трепиным

зашли в курилку возле штаба. Трепин подымить, Морковин — за компанию.

— Приказано, значит, считать, — задумчиво сказал Морковин, — что гипнотизёр потрудился. Очень мощный... Но сам-то ты, — близкий возраст тому причиной или спонтанно возникшая симпатия, но Морковин с Трепиным очень быстро перешли «на ты», — что думаешь по этому поводу?

Трепин поднял и чуть покачал пальцем, — в том смысле, что просит паузу, — и медленно потянул в себя табачный дым; огненная полоска на кончике сигареты ощутимо поползла к фильтру. Потом майор так же медленно выпустил воздух из ноздрей. Морковин его не торопил, вопрос был непростой.

— Ты в бога, случаем, не веришь? — заговорил, наконец, Трепин.

— При чём тут это, Алексей? — удивился Морковин.

— Я просто думаю, Денис, — сказал Трепин, — не сходить ли в храм, свечку поставить?

— По поводу?

— По тому поводу, что мы все живы остались, — ответил майор. — Она ведь запросто нас поубивать могла!

— Она?

— Да, — кивнул Трепин, — женщина. В документах есть, ты пропустил просто. Так вот, я видел когти этих птичек! И клюв видел, вблизи. Такая человекаперекусит и не заметит. Или голову оторвёт. Думаешь, он бы потом воскрес? Голова бы на место приросла? Нет, не верю я в такой гипноз. Это только у Булгакова такое бывает, так он писатель, у него дьявол по Москве ходил.

— Все равно, — сказал Морковин. — Верю, не верю, это так, слова. А факты у тебя есть?

— Есть, — ответил Трепин. — Регистратор всё записывал. Его изъяли сразу, как только мы приехали, но я успел на флэшку переписать. Не гипноз это, Денис. Самое настоящее колдовство.

— Тебе попадёт, — сказал вертолётчик.

— А ты никому не расскажешь, — пожал плечами Трепин. — Нам ведь лететь вместе, ты должен быть готов к чему угодно.

Машину капитан Никитин выпросил у тестя. Двадцать лет стояла в сарае старая девятка, и вот надо же, пригодилась! Впрочем, надо отдать Виктору Ивановичу должное, автомобиль для своего возраста сохранился очень неплохо. Всего работы — пропылесосить салон да масло поменять. В мастерской Управления предлагали поставить новый движок, но Кот запретил. Психологи сказали: пассажиры будут знать, что машина ненастоящая, обманка, значит, и колдунья почувствует. Всё должно быть натурально: хитроумные грибники, обнаружив, что неделю стоит не по сезону тёплая погода, рванули в лес за опятами. Версия для жён, понятно, на самом деле мужички решили оторваться на природе. Посидеть, выпить бутылочку, другую, а что грибов не привезли, так не сезон, милая, сами в шоке! Если же и в самом деле народились опята, так и вовсе хорошо, оправдываться не придётся.

Вёл капитан. По сценарию ему выпал трезвый жребий: рулить и туда, и обратно, поэтому Никитин изображал досаду. Бубнил что-то под нос, недовольно крутил головой, хмурился. Бойцы, по тому же сценарию, леса не дождались. Разложили на коленях

бутерброды и прочую быструю закуску и откупорили ёмкость, и сейчас как бы пребывали в том промежуточном состоянии, когда уже весело, но ещё не мутно.

— Всё-о отболит, — тянул один.

— И мудрый замполит!.. — подхватывали остальные.

Никитин как бы нехотя усмехался, глядя в зеркало на это безобразие.

За десять километров от Гришкино их тормознул ДПС-ник.

— Пыр-пыр-пыр отдельной пыр-пыр прапщик Головастенъков! — невнятно представился он в опущенное окно. — Документики попрошу.

Получив бумаги, он принялся неторопливо их рассматривать, зачем-то понюхал доверенность и, как показалось Никитину, даже лизнул.

— Что случилось, командир? — спросил капитан. — Ловите кого?

— А? Что? — недоумённо посмотрел на него прапорщик. — Нет, не ловим. Багажник откройте, пожалуйста.

Бойцы в салоне напряглись. В багажнике, под корзинами, мангалом и прочими необходимыми мелочами, находился баул с оружием и спецоборудованием. И что прикажете с прапором делать, если он всё это, на свою беду, обнаружит? Операцию, по причине крайней секретности, согласовали с МВД только в самых общих чертах. Светить корочки не хотелось категорически.

Примерно об этом думал капитан Никитин, поднимая заднюю дверь девятки.

— Та-ак, — покачал головой прапорщик. — Поздновато, вроде, за грибами, господа хорошие?

— Потеплело, командир, — начал объяснять Никитин. — Ну а вдруг? Потом, сам понимаешь...

Тут до прапорщика донеслись запахи из салона, а именно дух колбасы, копчёной рыбы и водки, которой предварительно сбрызнули сиденья и коврики. Головастенъков сразу потерял интерес к багажу: если в машине запрещённый груз, квасить станет только идиот.

— Выпиваете за рулём, гражданин?

— Никогда, командир! — Никитин сделал самое честное выражение лица.

— А дыхнуть?

— Сколько угодно!

Прапорщик некоторое время буравил его взглядом, решая, не подвергнуть ли водителя экспертизе? Опыт и лень победили. Ну, никак не походил этот человек на пьяного.

— Проезжайте, — ДПС-ник козырнул и вернул Никитину документы. — Удачной дороги.

Скоро показалось село Гришкино, от него до Извозья уже рукой подать, меньше часа езды. Именно после Гришкино в прошлый раз начались чудеса.

— Веселиться не забываем, — тихо напомнил капитан.

Спидометр отсчитывал километры. Бойцы шутили и пели, стараясь не повторяться...

Река Чернушка получила имя за цвет вод. Вытекая из болот, она рыскала среди полей и перелесков, и к Извозью набирала статей. Чернушка была не из тех, которые курица вброд перейдёт, изобиловала водой и рыбой. Близ берега ходили синелобые голавли, в затонах стояли лещи, а в омутах и ямах прятались сомы и налимы.

В Извозье река поворачивала. Усадьба мафиозо стояла на излучине, на холме. Дом окружала высокая кирпичная стена. Главные ворота выходили к дороге, с тыла стена

спускалась к Чернушке, охватывала большой кусок берега и врезалась метра на два в реку. Со стороны воды вместо стены стояла мощная стальная решётка. Защита не намного хуже, но и течению никаких помех. Кроме того, в решётке были устроена калитка или даже воротца — для катера.

Группа капитана Тиранова, в которую кроме него самого входили сержанты Шикин и Рахметшин, а также прапорщик Гогоберидзе, стартовала заранее, и к назначенному времени вышла к Чернушке в десяти километрах выше по течению. Здесь река захлёстывала заливной луг, смывала с него разный мусор. Рядом с урезом воды остановились. После дождей Чернушка вздулась, и не скажешь, что ноябрь.

— Пятнадцать минут на отдых, — очень тихо распорядился Тиранов и первый сбросил с плеч рюкзак. Бойцы рассаживались, протягивали натруженные ноги. За ночь им пришлось протащить поклажу сорок с лишним километров; даже для тренированного человека это трудно.

Сидели, дышали, впитывали последнее осеннее тепло. Наконец Тиранов посмотрел на хронометр, скомандовал:

— Всё, подъём. Успеем ещё наотдыхаться.

Бойцы встрепенулись, принялись подниматься на ноги. Из рюкзаков появились утеплённые гидрокостюмы, оружие и комплекты термобелья. Оттуда же достали неопределённого вида тряпьё. Все переоделись, поверх белья надели тонкие маскировочные комбинезоны, потом гидрокостюмы, на ноги — короткие, неуклюжие на вид ласты. Рядом, нависая над водой, росла старая ива. Рюкзаки и старую одежду спрятали под её корнями. Закрепили на теле оружие в непроницаемых чехлах. Последними в ход пошли маски с длинными дыхательными трубками, выкрашенными в грязно-бурый цвет. Вся подготовка заняла от силы пять минут.

— Отряд чучелов к бою готов, — пошутил Гогоберидзе.

— Тогда с богом, парни, — сказал Тиранов и первым шагнул в чёрную воду. Шаг, другой, третий, потом вода скрыла его с головой. Холод обжёг незащищённую полоску кожи вокруг маски. Тиранов поджал ноги и повис в торфяной мути. Экипировку подбирали так, чтобы придать телу нулевую плавучесть. Прикреплённые к голове и плечам тряпки разошлись в стороны. Сторонний наблюдатель, бросив взгляд на поверхность воды, скажет, что река тащит за собой клочья травы и какой-то мусор.

Скоро ничто на лугу не напоминало об их визите.

«Текучая вода смывает чары», — так сказала Радослава. Генерал Кот надеялся, что «Лизавета» их не заметит, и Тиранов с командой смогут подобраться поближе. Они станут последним козырем, который решит исход схватки.

Раньше на въезде в город дымили трубы химкомбината. Предприятие выпускало химические волокна, искусственную кожу, упаковочную плёнку, ещё десятки наименований, в том числе и для космоса. Потом рынок заполнили дешёвые китайские изделия, и комбинат не выдержал конкуренции. Некие предприимчивые люди приватизировали его за смешные деньги. Уволили рабочих и следующие несколько лет перебивались продажей станков и оборудования, а опустевшие цеха сдавали в аренду фирмам и фирмочкам. Потом сгинули и они, и теперь огромная территория, спрятавшаяся за бетонным забором, пустовала. Ветшало здание заводоуправления, ветры гоняли мусор по унылым цехам, хлопали окнами с мутными, потрескавшимися стёклами.

...С вечера комендантский взвод Управления очистил комбинат от бомжей и оцепил по периметру. Подполковник Морковин посадил свой Ка-60 на заранее выбранную площадку, где его уже ждали майор Трепин и ударное отделение спецназа во главе с капитаном Стасовым.

— Повторяем задачу, — после взаимных приветствий сказал Трепин.

— Подойти как можно ближе, высадить десант, — Морковин показал на бойцов Стасова, — далее обеспечивать наблюдение и координацию.

— Отлично, — кивнул Трепин. — Грузимся, капитан!

Первый, второй, третий... Один за другим спецназовцы исчезали внутри вертолёт. Последний в грузовой отсек забрался Стасов. Трепин занял место второго пилота.

— Поехали, Денис, — махнул он рукой.

Загудел, завизжал, раскручиваясь, редуктор. Вертолёт оторвался от земли, сделал круг над комбинатом и лёг на курс. Напрямую до Извозья лёту было не более четверти часа, но Морковин решил заходить на цель со стороны солнца. Так безопаснее. Маг ожидал их в конце пути, гипнотизёр или дух со «Стрелой-2», но, чтобы атаковать, их «Касатку» надо сначала увидеть и оценить скорость и расстояние. Самое удобное в этом случае решение — упасть на противника с высоты, когда солнечный свет слепит ему глаза.

Именно поэтому подполковник по дуге повёл машину на юго-восток, постепенно забираясь выше и выше, пока не поднялся над облаками.

— Что?! — закричал Терпин, увидев, что подполковник пытается что-то ему втолковать.

Тот показал рукой на тангенту ларингофона. Трепин, извиняясь, махнул рукой и улыбнулся: прости, забыл, и включил приём.

— Вышли на курс, — раздался в шлемофоне голос Морковина. — Через сорок минут будем в нужной точке.

— Спасибо, — ответил Трепин.

Развернувшись на кресле, он посмотрел в грузовой отсек. Бойцы сидели на своих местах и добросовестно шевелили губами — пели. Чтобы не привлекать «Лизавету» мыслями о будущей атаке, генерал Кот приказал всем петь, если не вслух, то про себя. Поющему человеку обычно не до посторонних мыслей. Капитан Стасов, который сидел ближе всех к кабине, изобразил пальцами знак «V», Виктория, Победа. Всё в норме, не бойсь, командир. Теперь оставалось только ждать.

«Пазик» для общины арендовал брат Феликс.

В других обстоятельствах он купил бы «Икарус» или другую приличную и более современную машину, но сейчас речь шла не об удобстве братьев и сестёр, а о сохранении тайны.

Богомерзкие чекисты опять замыслили что-то против их Лизы! Эту весть принёс брат Максим, один из первых, кого коснулась Благодать. Поначалу он хотел бросить гадкую службу, но брат Феликс, как человек опытный и знающий власть предержавших, отсоветовал.

— Служи, — сказал тогда он. — Будешь нашими глазами и ушами в стане врага.

Сестра Вера, которую все молчаливо признали главой их маленького сообщества, брата Феликса поддержала.

— Не тот грешен, кто служит, — сказала она, — а тот, кто верит Злу. Ты веришь добру, служба врагу тебя не испортит. Служи, пригодится.

Вот и пригодилось. Узнав о злоумышленных чекистов, община сорвалась с места как один человек. Только сестра Марина, после споров и слёз, согласилась остаться с сыном. Больше никому, Сашу отправили в командировку, а брать ребёнка с собой опасно. Чекисты хоть и похожи на людей, ходят на двух ногах, имеют два глаза и даже знают речь, но совести и человеческого понятия нет в их душах. Брат Максим — счастливое исключение.

Так и ехали. Брат Феликс за рулём, остальные в салоне. И брат Матвей, и сестра Ксения с братом Николаем, между ними Настенька, и сестра Елена. Пол-автобуса людей, сопричастных Святой Лизе, даже если она их и не помнит. Впереди всех — сестра Вера с иконой Святой Елизаветы Фёдоровны в руках. И пусть внутри попахивает соляжкой, пусть пыль на сиденьях и грязь на полу, не было времени привести автобус в порядок, зато все свои.

— Как сейчас помню, — начала рассказ сестра Ксения. — Встала она рядом со мной, посмотрела на меня и говорит: «Тебе будет трудно, готова ли ты?». А в глазах её — бездна!

Все знали её рассказ чуть не наизусть, впрочем, как и истории остальных братьев и сестёр. Но почему не повторить, если это правда до последнего слова?

До Извозья добрались быстро, без помех. Однажды только их затормозил какой-то ДПС-ник, но, увидев икону, пропустил без разговоров, даже документы смотреть не стал. «Вот она, сила святого лика!» — гордо заявила сестра Вера.

— Ты точно уверен? — спросил Феликс у Максима, останавливаясь на асфальтовом пятачке перед воротами в высокой кирпичной стене. — Это здесь?

— Сто процентов, — ответил Максим. — У меня дружок в спецназе есть... — он смущённо пожал плечами. — Ну, как дружок... Теперь, наверное, просто знакомый. Он и рассказал.

Община потянулась из автобуса. Сестра Вера с иконой наперевес решительно направилась к будке охранника.

— Открывай! — кулаком забарабанила в дверь. — Куда Святую Лизу спрятали? Через минуту из будки выглянул удивлённый охранник:

— Ты чего, тётка? Частная собственность, вали отсюда. Все валите отсюда!

— Какая бандитская рожа, — прошептала сестра Ксения на ухо брату Феликсу.

— Бандитская и есть, — ответил тот. — Я знаю это место. Самое бандитское гнездо.

— А как же... — удивилась Ксения.

— Всякое бывает, — сказал Феликс. — Бывает, и бандиты, сами не желая, служат доброму делу. Сейчас всё узнаем.

Он подошёл к охраннику, аккуратно отодвинул в сторону сестру Веру и произнёс:

— Позови кого-нибудь из начальников, уважаемый.

— Зачем это?

— Есть информация, что сегодня вас атакуют войска ФСБ.

— Что ты несёшь!.. — начал, было, охранник, но осёкся и скрылся в будке.

— Вот и всё, — сказал Феликс. — Теперь ждём. Тут хоть и бандиты, но не дураки.

Ждать пришлось недолго. Скоро дверь снова открылась, в сопровождении охранника появился другой человек. Молодой, лет тридцати с небольшим, атлетически сложенный мужчина в чёрной кожаной куртке.

— Сергей, вот эти люди... — заговорил охранник.

Сергей оглядел общину, задерживая взгляд на каждом поочерёдно.

— Я вас знаю, — сказал Феликс. — Вы один из санитаров...

— Хорошо, — сказал Сергей. — Я тоже вас помню. Зачем вы приехали?

— Я уже сказал, вам всем, но, главное, Лизе...

— Святой Елизавете Фёдоровне! — встряла сестра Вера.

— ... угрожает опасность, — закончил брат Феликс. — Нам надо её...

— Откуда вы знаете об атаке? — перебил его Сергей.

— Брат Максим наши глаза и уши! — с вызовом сказала сестра Вера. — Он служит в обители Зла!

— Хорошо, — сказал Сергей, — я передам...

— Не надо передавать.

Из-за плеча Сергея шагнула и стала перед ними сама Лиза.

Община как один человек упала на колени. Крестилась сестра Вера, глотала слёзы радости сестра Ксения, даже Феликс почувствовал, как застучало сердце, и встал в горле холодный комок.

— Спасибо за предупреждение, родные, — сказала Лиза. — Простите, не могу пригласить вас внутрь, там будет опаснее. Сейчас собирайтесь и уезжайте.

Она простёрла руки. Ладони её осветились неземным светом. После чего повернулась и ушла. словно солнце померкло в ясный день, словно тучи упали на бедную землю...

— Что, поехали? — очнулся брат Феликс. — Своё дело мы сделали.

— Нет! — сестра Вера подняла икону над головой. — Лиза святая, но я отсюда не уйду! Грудью встану! Хоть как-то помешаю антихристам, хоть как-то помогу Лизе!

— Верно, — сказал брат Феликс. — Поможем нашей Лизе, как она помогла нам.

Иван Иваныч перехватил Лизу у входа на веранду.

— Надо бежать, — сказал он. — С ФСБ шутки плохи. Один раз отбились, второй раз не выйдем.

— Бегите, Иван Иваныч, — безмятежно ответила та. — Если вы думаете, что вас не найдут, то бегите, а я останусь. Со мной вас никто не тронет, — она впервые посмотрела на мафиозо свысока, ласково, как мать смотрит на нерадивого сына. — Я защитила всех в прошлый раз, я сделаю это и сейчас.

— Ты дура, Лиза, — безнадежно сказал Иван Иваныч. — Нельзя бороться с государством. Оно раздавит и не заметит. Юродивых каких-то привела...

— Бегите, Иван Иваныч, — повторила Лиза. — Но лучше, если вы останетесь здесь. Со мной вам ничего не грозит.

Она развернулась и вышла на веранду. За ней, как тень, последовал Серёжа. Иван Иваныч покачал головой. Как с ней спорить? Зачем он вообще связался с этой девчонкой? Такая была простая жизнь: налаженное дело, уважение окружающих, нейтралитет с органами. Они и рады были бы его взять, но, увы, ничего-то у них на него не было! А сейчас?

Иван Иваныч вернулся в свой кабинет, упал в кресло перед камином, налил в стакан коньяка и сделал первый глоток. Впереди не было ничего хорошего, и он впервые не знал, что делать.

...На веранде Лиза встала лицом к солнцу, раскинув руки, и закрыла глаза. Дул ноябрьский ветер, но Лиза не чувствовала холода. Весь мир пропал, сжался в огненное пятно — след солнца на обратной стороне век. Лиза пошевелила пальцами, прошептала правильные слова — и её сознание птицей рвануло ввысь, обозревая окрестности.

Вокруг были люди. Огнём полыхала аура Серёжи, были в этом огне и похоть, и

животная страсть, и жажда обладания, но были также стремление защитить и даже любовь. Извини, Серёжа, ты хороший мальчик, но наши встречи больше не имеют смысла.

Багровыми угольями тлела аура Ивана Иваныча. Старик очень злился на неё, но всё забивали страх и неуверенность. Бедный, всё будет хорошо!

Ауры остальных людей в усадьбе переполняло беспокойство. Слух о будущей атаке разбежался по душам как лесной пал засушливым летом. Страх и неуверенность накрыли дом. Почти все опасались за свою судьбу, только Зульфия боялась не за себя, а за Ивана Иваныча. Водитель Лёша сидел в гараже и печалился о будущей разлуке с любимыми машинами. Станный человек.

Потом Лиза посмотрела дальше.

Совсем рядом, у ворот усадьбы, горел яростный костёр из чувств и волю тех, кто предупредил о нападении. Лизе стало неудобно: кажется, эти люди решили поклоняться ей как божеству. Потом, когда всё кончится, она им всё объяснит. Жаль, они не послушали её, значит, придётся за ними присматривать. Ничего, сил хватит.

Жители Извозья занимались домашними делами и ничего не знали о предстоящем. Лепестки их аур не несли ничего необычного. Это было хорошо, значит, враг ещё в пути.

К Извозью приближались лоскутки света. Некоторые были знакомы по прошлому разу, когда она завела группу захвата в болото. Значит, Община не соврала, значит, атака, в самом деле, будет.

Лиза послала сознание вперёд.

По дороге полз автомобиль. Люди в нём притворялись, что пьют, поют и веселятся. Это глупо, любой маг легко отличит пьяного от лицедея. Что же, пусть едут дальше. Они пока не опасны.

Далеко в стороне, на грани восприятия, жужжал железный шмель. Ещё одни знакомые летели к ней навстречу — и тоже пели. Зачем они поют? Если бы кто-то сейчас глянул на Лизу со стороны, например, Серёжа, он бы увидел бесстрастную маску на её лице. Астральный двойник Лизы, наоборот, смеялся над глупыми людьми. Кто-то их убедил, что пение и притворство рассеют её внимание, собьют её со следа. Бедные, они ничего не понимают в магии!

Итак, всего два отряда. Один с воздуха, другой с земли. Неужели они ещё не поняли, на кого подняли руку?!

Бойцы шутили и пели, стараясь не повторяться. Спидометр отсчитывал километры. Подсохший асфальт дороги, километровые столбы, облетевшие осины и берёзы по сторонам, чёрные свечи елей в глубине леса. Ничего не менялось. Однообразие усыпляло. Никитин свободной рукой потёр глаза: не хватало прикемарить и угробить ребят!

— Скоро, командир? Вроде, уже приехать должны, — спросил сзади один из бойцов.

— Отставить разговоры мимо легенды, — оборвал его Никитин, но на спидометр посмотрел.

Одометр слишком примитивный прибор, чтобы обманываться и обманывать. Врать он может в единственном случае — если сломан, до Гришкино, однако, он показывал верные цифры. Значит, всё правильно и сейчас. Получалось, они пропустили поворот и проехали лишние тридцать километров.

Никитин остановил машину и обернулся к бойцам:

— Парни, я, точно, лопухнулся. Сейчас обратно поедem. Внимательно смотрите на

правую сторону. Рядом с Извозьем вышка сотовая стоит, как увидите, сразу говорите. После неё нужный поворот.

Теперь Никитин торопился. Хотя они и выехали заранее, но запас по времени таял с каждым километром. Шелестел под шинами асфальт, гудел за окнами ветер. Бойцы молчали.

Через пятнадцать минут капитан подал знак: «Особое внимание!». Решётчатые фермы вышки сотовой связи вот-вот должны были появиться над деревьями. Никитин гнал машину и боялся моргнуть, вдруг снова пропустит поворот? Позора не оберёшься!

Пять минут прошли в тишине. Если верить навигатору, он опять оставил Извозье в трёх километрах за спиной. Вышка так и не показалась на глаза, словно заколдованная... Заколдованная! Капитан снова бросил машину к обочине и замер, положив руки на руль. Колдунья снова водит их как лешак, наводит морок, иллюзию. Может ли она изменить всё вокруг? Если да, то она бог, с богом бороться бессмысленно, но будь она богом, не пряталась бы в бандитском гнезде! А ведь бойцы в тот раз плавали в болоте по-настоящему! Только думали, что это океан. Иллюзия, видимость... Он повернулся к бойцу, сидевшему рядом с ним:

— Марчук, слушай внимательно! Твоя задача — следить за навигатором. Только за навигатором, про окна совсем забудь! За сто метров до поворота доложишь. Ясно? За десять метров ещё раз маякнёшь.

— Так точно, командир.

— Всё, рванули.

Наверное, чёртова Лизка потешается, наблюдая, какие они выписывают кренделя! Туда-сюда, как ёжики в тумане. Ничего, подруга, нас не проведёшь! Капитан ожесточённо вдавил педаль газа. Взвизгнули покрышки, сквозняк затянул через щель в неплотно закрытой дверце запах горячей резины. Извини, Виктор Иванович, служба.

— Стоп!

Никитин сбросил газ и покатился вперёд на самом малом.

— Десять, командир, — доложил Марчук.

Капитан остановил машину и выбрался на обочину.

...Те, кто проезжал тем днём мимо этого места, могли застать странную картину: несколько спортивного вида парней сомнамбулами, как слепые, бродили возле поворота на Извозье. Ступали медленно, то и дело останавливаясь, замирая, как цапли, на одной ноге, словно не ровный асфальт был под их сапогами, а изъеденный весенним теплом лёд. Шарили руками в пустоте и вообще дурили. Впрочем, мало ли чудаков вокруг? Может, это были сумасшедшие лицедеи, решившие репетировать на проезжей части? Тогда пусть скажут спасибо, что никто из них не попал под колёса!

...Оглушительно заскрипели тормоза. В мокром осиннике протаяло окошко, оттуда вывалился грязный, парящий навозом и дизельным выхлопом самосвал, и встал в метре от Никитина.

— Куда прёшь, урод! — заорал, высунувшись из окошка, синелицый детина в телогрейке. — Чтоб тебя!..

Добавив ещё несколько фраз, совершенно непечатных и даже не смешных, детина газанул и выехал на шоссе. Капитан очнулся:

— Края дороги засекай, края!

Бойцы не растерялись, уже через минуту встали парами, обозначив обочины съезда к

Извозью. Хотя, это уже не пригодилось: в воздухе над кюветом висел ясно видимый тормозной след.

Никитин прыгнул за руль и медленно повёл машину по этому следу. Хлопнули дверцы, это бойцы заняли свои места. След упирался в деревья и растворялся среди них. Было чертовски странно. Машина плыла на высоте метра над жухлой травой и не собиралась падать. Стволы деревьев надвинулись вплотную. Никитин напрягся, ожидая удара, но ничего не произошло. Две или три секунды осины висели у него перед глазами, потом развеялись туманом. Впереди он увидел дорогу, справа возвышалась сотовая вышка, которую они так безуспешно искали, а метрах в трёхстах, за полем, начиналась деревня.

Отличная асфальтированная дорога, по которой они двигались, заканчивалась возле обнесённого кирпичной стеной особняка, продолжаясь далее обычной разбитой грунтовкой.

— Не порадел бандюган односельчанам... — произнёс с ехидством Марчук.

— Тем проще, — сказал капитан. — А это что за делегация?

Старенький «Пазик», родной брат городских маршруток, перегородил ворота, наглухо заблокировав выезд. Перед ним полукругом стояла небольшая толпа.

— Кажется, это баррикада, — сказал Марчук.

— Да, — согласился Никитин. — Если они испортили движок, то теперь только трактором.

— Или танком, — подсказали сзади.

— Не надо танков, — сказал капитан. — Нас просили обойтись без них.

Не так просто провести полтора часа в ноябрьской реке, пусть и в гидрокостюме. Если бы не прямой приказ генерала, Тиранов костерил бы проклятую «Лизавету» последними словами. Ныли зубы, и даже не скажешь, от чего больше: ледяной воды или чёртового «Любэ», песни которых капитан твердил про себя всю дорогу.

Парням ещё хуже, Тиранов время от времени всплывал, какая-никакая, а разминка. Наконец, показался ориентир — нижняя половина сотовой вышки, верх он видел уже давно. Капитан отстучал условленную серию ударов на сталиявтоматного магазина. Ток-ток-ток, — дождался ответа сквозь сип собственного дыхания в ушах. Теперь к поверхности поднялись все. До цели остались считанные десятки метров, глупо будет проскочить мимо. Пловцу в полной боевой экипировке ни за что не справиться с течением, не на берег же лезть...

Вот и стена. Тиранов мысленно присвистнул. Умеет жить мафия... Ничего, собьём гонор-то, не таких обламывали!

Впереди резала воду высокая решётка, набранная из мощных кованых прутков. Капитан ухватился за ребристое железо, перехватывая руками, позволил реке протащить себя ещё несколько метров. Оглянулся: все тут. Как будто плети грязной травы налипли на прутья — так со стороны должно выглядеть их прибытие.

Звонко лопнула дужка замка. Гогоберидзе на манер Терминатора приподнял над водой большой палец: путь свободен, входите, гости дорогие! Один за другим пловцы проникали внутрь сквозь приоткрытую калитку, Тиранов, который двигался последним, закрыл её и прихватил хомутом. Если что, от резкого рывка он лопнет, а пока пусть всё выглядит так, будто замок на месте.

— Вот, с-суки!.. — прошептал, выплёвывая загубник, Шикин. — Богато живут.

За решёткой хватило места для маленького, скрытого от посторонних глаз, причала. Отряд затаился под бортом стоящего у причала катера. Тиранов нащупал на поясе

передатчик, вдавил тугую кнопку. В эфир выстрелил короткий кодированный импульс: отряд на исходной.

— Теперь недолго, парни, — хрипло сказал капитан. — Потерпите, потом согреемся.

...От противного гудка Викентий Казимирович чуть не пролил чай. Так же гудел сейчас браслет на руке майора Трепина, но вряд ли тот его слышал. Единственный звук, который можно достоверно услышать в кабине «Касатки», — это визг редуктора над головой. Все остальные — только с некоторой долей везения. Такая вот занимательная теория вероятности...

Кот отставил чашку, разбудил компьютер. В правом углу экрана крутилось изображение телефонной трубки — Трепин ждал ответа.

— Да! — ответил генерал.

Сквозь помехи прорвался голос майора:

— Рампа, здесь Одетта. Пуанты и Пачка на исходных, готов начинать балет!

— Здесь Рампа, — сказал генерал. — Начинайте, Одетта. Успеха!

— Принял, отбой!

Майор из эфира пропал. Генерал развернул окно на весь экран, взглянул на мир сквозь камеру, укрепленную над пилотским креслом. Тень вертолёт паучком бежала по облакам. В разрывах облаков виднелась земля — серо-зелёная озимь, рыжее жнивье, бурые картофельные поля. Поблёскивала на солнце река, ниткой протянулось шоссе.

Потом паучок вырос, скакал тарантулом, размахивал над головой мощными лапами — лопастями. Если верить зрению, лопасти вращались медленно и в обратную сторону. Как они могли поднять машину в воздух? Кот улыбнулся. Его всегда занимал стробоскопический эффект, который возникал при быстром вращении лопастей, пропеллеров, спиц, — чего угодно. Мозг, не успевая обрабатывать информацию, успокаивает себя иллюзиями. А что обманывает кино- или видеокамеру? Почему обратное движение лопастей мы видим что вживую, что в записи? Наверное, этому есть учёное объяснение...

Додумать эту мысль генерал не успел. «Касатка» нырнула в облака, окуталась ненадолго белым саваном, потом выскочила наружу. Внизу по земле ползли тени облаков, сглатывали солнечные блики на воде.

Извозье Викентий Казимирович узнал сразу. Сверху деревня была похожа на план, на объёмную схему, на макет, любимую игрушку штабных стратегов. Дорога, излом реки, огромная усадьба мафиозо, зубчатая стена вокруг, ворота, рядом с ними коробочка автобуса и люди-муравьишки. Двухэтажный дом с пристройками и верандой, а на веранде... расправлял перепончатые крылья изумрудный дракон.

Кот закашлялся. Вот как это выглядит...

Дракон присел, напружинив лапы, потом прыгнул навстречу вертолёту!

Генерал уронил чашку. С жалобным звоном дорогой китайский фарфор распался на две половинки, запятив стол и бумаги. Кот не заметил и не увидел... Мир на экране лёг на бок. Мелькнуло полотнище крыла, чешуйчатый драконий бок, лапа с кривыми лаково-чёрными когтями.

...Когда перед глазами возникла оскаленная драконья морда, в сознании Морковина что-то переключилось. Внешний мир пропал, задание, карты и показания приборов, — всё выцвело, стало плоским, как на экране монитора. Сейчас он сидел в чрезвычайно реалистичном вертолётном симуляторе, в который некий шутник загрузил несуразное программное обеспечение — фэнтезийную игрушку! Ка-60 против дракона. Слабо, Денис?

Разворот, вираж... Струя зелёного огня пронесётся мимо, едва не задев остекление кабины. Уклонение, вираж. Слева направо пронесётся перед глазами изящное тело; небо и земля меняются местами! Реальный лётчик внутри Дениса молился, чтобы пассажиры не были лихачами, надеялся, что они успели пристегнуться, потому что бочка на грузопассажирском вертолёте — штука ещё та.

Батяня, пилотажный инструктор из училища, смотри он сейчас снизу, схватился бы за голову или полез за валидолом. Повоевавший с духами и моджахедами разных видов и мастей, он говорил, что вертолёт может всё. Любой трюк, любую фигуру высшего пилотажа, но каждая требует тщательной подготовки и расчёта и не выполняется «с кондачка». То, что вытворял в небе Морковин, было возможно... только теоретически.

Дракон атаковал — и промахивался, бросался — и пролетал мимо. Хриплый клёкот разъярённой твари проник сквозь дюраль фюзеляжа и перебил визг редуктора. Дракон извернулся и схватил-таки «Касатку» за хвост, торжествующе взревел — и отпрянул, трясая головой. Край крыла, попавший под главный винт, оказался изрублен в клочья!

— Не нравится, с-сука! — заорал Морковин. — Угостить бы тебя ракетой, жаль, нету!..

Зря кричал, отвлёкся. Дракон плюнул огнём — и попал. В кабине запахло горелой изоляцией, по стеклу речным руслом пробежала трещина. Ещё один удар сотряс фюзеляж; на этот раз попали снизу.

— Мы так не договаривались! — Морковин бросил машину в сторону, нарвался ещё на один огненный шар: в левый бок корпуса словно саданули кувалдой! Движок чихнул, натужно загрохотал. Кабина наполнилась дымом.

— Убьёмся... — сообщил подполковник в пространство и переключил что-то на панели. Двигатель смолк, наступила звенящая тишина. Морковин сорвал с головы шлемофон, судорожно выдохнул, вытер рукавом взмокший лоб.

— Всё, падаем? — неестественно спокойно спросил Трепин.

— Нет, — ответил Морковин. — Пока нет... Приготовьтесь. Посадка будет жёсткой.

...Здрав головы, люди внизу с удивлением следили за пируэтами, которые выделывала в небе винтокрылая машина.

— Что он творит?! — сквозь зубы ругнулся один из бойцов.

— Отставить разговорчики! — прорычал Никитин. — Проверили экипировку и вперёд, пока они отвлеклись!

«Касатка» внезапно остановилась в воздухе, будто наткнулась на невидимое препятствие, потом окуталась дымом и закрутилась вокруг собственной оси, быстро снижаясь, почти падая на вспаханное поле.

...Генерал Кот закрыл глаза. Его мутило. Неужели всё? Целое отделение спецназа, и вот так, не сделав ни единого выстрела? В уши врывается свист ветра из динамиков и хриплое дыхание пилота. Камера работала и добросовестно транслировала близящуюся катастрофу.

Удар, треск!

Викентий Казимирович заставил себя посмотреть на экран. Там были кривые борозды и косой кусочек неба.

— Сели, Рампа! — закричал из колонок Трепин. — На авторотации сели!

Кот выдохнул.

— Все живы?

— Так точно! Ушиблись маленько только.

— Продолжайте операцию, Одетта, — приказал генерал. Выключил трансляцию с

вертолёта и откинулся в кресле. Руки его дрожали.

...

Выпятив нижнюю челюсть, куда там Ивану Драго, с раскрытым удостоверением в руке Никитин прошествовал к будке охранника. Двое бойцов сопровождали его справа и слева, Марчук с последним бойцом прикрывали тыл.

— С дороги, дайте пройти!

Главное, больше наглости. Только бы прорваться за забор, там их никто не посмеет остановить, боевики «Ивана Иваныча» себе не враги. Одно дело — разборки с такими же бандюками, совсем другое — поднять руку на представителей власти. А вот те, кто прибыл на автобусе... Капитан видел ориентировки, тренированным взглядом опознал нескольких человек. Почитатели «Святой Елизаветы Фёдоровны», как и большинство им подобных, были вспыльчивы и истеричны. Женщины с иконами — это ладно, но среди сектантов Никитин заметил нескольких крепкого сложения мужчин. Дилетанты, но ухо следует держать остро.

Толпа ошарашенно расступилась. Никитин остановился, решительно заколотил кулаком в двери караулки:

— Требую немедленно пропустить нас внутрь!

Скрипнуло, открываясь, окошко, оттуда выглянула белёсая рожа.

— ФСБ! — с нажимом сказал капитан, подсовывая корочки к самому носу охранника.

— А... Я доложу... — стушевался охранник и попятился.

— Немедленно! — прорычал Никитин.

— А ну, покажь!

Из-за спины капитана вынырнула рука и цапнула удостоверение.

— Что это значит? — Никитин развернулся.

На плечах бойцов висело по несколько человек, Марчук отмахивался от двух тёток, бросая на капитана умоляющие взгляды: «Командир, дай команду, разметаем вмиг!»

Третья тётка, одной рукой прижимая к груди икону, второй держала на отлёте его книжечку и шевелила губами.

— Немедленно верните документы! — потребовал капитан. — Это нападение на представителя власти!

Лицо тётки перекосила злобная гримаса.

— Это чекисты! — закричала она, отбрасывая капитанское удостоверение и поднимая икону над головой. — Бей их, братья!

— Назад! — закричал Никитин, сорвал с плеча автомат и сделал очередь над толпой.

— Ах, ты, мразь! — взорвалась тётка. — В народ пулять! Получай!

Тяжёлая доска полетела в голову капитана. Он отмахнулся, но удары посыпались со всех сторон. Потом в голове взорвалась бомба и наступила темнота.

...Лиза стёрла пот со лба. Сила её оказалась не беспредельна. Нападавшие палили из ружей, это отвлекало, и пришлось поставить Текучий Полог. Заклинание простое, но требует постоянной подпитки. От этого мороки выходили блёклые, ненастоящие, а когда в иллюзию не веришь, её всё равно что нет.

Пуля с визгом ударила в стену рядом с Лизой, высекла сноп искр. Опять расслабилась, вот Полог и прорвался! Настырные вояки попались. Мало, что ссадила с летучей машины, мало, что чуть не угробились, так нет, лезут всё равно! Приспособились, бьют в одну точку, Так ведь и попасть могут. Что ей тогда делать?

Ещё одна пуля свистнула над головой. Лиза испугалась: если ей попадут в голову, никакое лечение не поможет. За что они так, что она им сделала?

Третья пуля впиалась в доски веранды, отлетевшая щепка оцарапала лоб. По переносице потекла тёплая струйка. Не-ет, мы так не договаривались!.. Лиза скатала в ладонях огненный шарик, швырнула в наступавших, целясь над головами. Для начала — пугануть. Военные мгновенно залегли. Вражеский огонь был их привычным спутником, они знали, что с ним делать. Ну, пусть их.

Лиза снова считала округу. Враги, которых она путала на шоссе, всё-таки доехали и теперь — Лиза не сдержала нервного смеха — лежали, побитые и связанные собственными ремнями, в общинном автобусе. Они были злы и растеряны. Растеряны, конечно, больше. Ай, да Община! Это ей урок, к почитателям надо относиться серьёзно. Хорошо, она их не прогнала.

Вояки на поле лежали смиренно, она послала в их сторону ещё один огненный шар — для надёжности. В остальном... — стоп, а это что?!

К дому крались чужие люди. Четыре огонька, излучавших настороженность и решительность. Аур гостей Лиза не узнала, они ей пока не встречались, но цели их считывались легко, и эти цели не сулили ей ничего хорошего. Проклятые магистры, откуда они взялись здесь, как она могла их пропустить?

С небес сошёл Морозный Бриз, и фигурки замерли. Ауры вяло трепетали, сейчас им не до атаки...

Спереди подуло холодным ветром. Прилетевшие на вертолёте двигались короткими перебежками, стреляя на ходу. Снова засвистели пули. Лиза присела и, почти не целясь, послала в стрелявших несколько огней. Это её отвлекло, Морозный Бриз сразу ослаб, и диверсанты позади дома зашевелились.

Грохнуло!

Один из огненных шаров попал в гордость Ивана Иваныча, столетний осокорь, росший неподалёку от стены. Дерево вспыхнуло и развалилось на две части. К небу поднялся столб пара от его напоённой влагой гнилой сердцевины.

Лиза дивилась на неожиданное представление всего мгновение, но враги успели сделать несколько шагов вперёд. Они расходились широким фронтом, охватывая усадьбу с двух сторон. Позади зашевелились диверсанты, потому что Морозный Бриз окончательно сдох.

Лиза едва успевала. Слишком много целей, она сыщик, а не боевой маг! Лиза крутилась юлой, рассыпая шары, посылая молнии, и, конечно, большей частью мазала. Огненные шары попадали в стену, в деревья, выбивали из реки фонтаны пара, но не доставляли врагам особых неудобств.

Кажется, надо решаться...

...Иван Иваныч сидел в кабинете и с тоской слушал, как снаружи ухает, грохочет и взрывается. Чёртова Лизка, попутал нечистый с нею связаться! Болела душа. Его дом, его положение, всё горело огнём. Что не разрушит проклятая колдунья, то заберут ФСБ-шники, уж они после всех этих фейерверков церемониться не станут! Он должен бороться, что-то делать, но что?..

Иван Иваныч отставил коньяк, набулькал полстакана водки, выпил залпом, кинул в рот оливку. Жидкий огонь пробежал по пищеводу, разлился в животе. Занемели на минуту плечи, закружилась голова. Хорошо. Извини, Лизавета.

Иван Иванович взял телефон, нашёл нужный номер. Вызов! После восьмого гудка, когда Иван Иванович почти перестал надеяться, в трубке раздался злой голос:

— Кто здесь?

— Отзовите вояк, генерал, — произнёс Иван Иванович. — Я отдам вам Лизу.

— Откуда у тебя этот номер, Толгат?! — прорычал Кот. — Как ты вообще посмел мне звонить?

— Нашёл, — ответил Иван Иванович и упрямо повторил: — Я отдам вам Лизу, пока она не стала убивать.

Генерал задумался.

— Что взамен? — спросил он после паузы.

— Вы про меня забудете, — ответил мафиозо. — Как будто я тут ни при делах.

— Не много ли хочешь, бандит?

— Я отдам вам Лизу, — в третий раз сказал Иван Иванович.

— Хорошо, — согласился генерал. — Когда?

— Прямо сейчас. Ждите звонка.

...Неожиданно всё стихло. Наступавшие перестали стрелять и начали медленно отходить назад. Получилось. Она победила! Лиза устало присела на ступеньку. Холодный ветер шевелил волосы, забирался под куртку. Простой человеческий ветер. Как хорошо...

Открылась дверь, на веранду вышел Иван Иванович. Его аура светилась злостью и страхом. Лиза вздохнула: его можно понять, дел она натворила изрядных.

— Не сердитесь, Иван Иванович, — устало сказала она. — Я обещала вас защитить — и сделала это.

— Я не сержусь, — зачем-то соврал Иван Иванович.

— Хорошо, — Лиза отвернулась.

В спине, чуть выше лопатки, возникла тянущая боль, будто оса укусила.

— Что... — хотела сказать Лиза, но в ушах застучало, мир рассыпался осколками и пропал.

— Наталья Георгиевна?

Молодой человек в дверях не делал попыток войти.

— Да, а что вам надо?

— Вам посылка, — молодой человек протянул планшетку с приклепленным листом бумаги. — Поставьте дату, время и распишитесь, вот здесь.

— Что это, от кого?

— Я просто курьер, — улыбнулся молодой человек и вручил ей небольшую плоскую коробку в золотой фольге.

— Но я не жду... — начала Наталья, но посыльный уже ушёл.

Наталья пожалала плечами и закрыла дверь. Не бомба же это, кому нужно её взрывать?

В коробке оказался мобильный телефон с огромным плоским экраном и без единой кнопки. Произвела аппарат какая-то незнакомая фирма, её название просвечивало сверху сквозь экран. Наталья забыла его, не дочитав до конца. Смартфон. Наталья положила его на стол и задумалась. И что это значит?

Телефон разразился противной третью, прямо как старый советский аппарат. На экране улыбался Кот. Надпись под фотографией предлагала для ответа провести слева направо.

Получилось не сразу, но Наталья всё-таки услышала генеральский голос.

— Рад, что посылка дошла, — сказал Викентий Казимирович.

— Зачем это, генерал?

— Для консультаций, Наталья, — ответил Кот. — Ты мне уже помогла, и, надеюсь, будешь помогать и потом.

— Я не стукач, — сказала Наталья.

— Генералы не вербуют сексотов, — рассмеялся Кот. — Только консультации по специальности.

— Чушь какая, — сказала Наталья. — Я даже не умею им пользоваться!

— Это нетрудно, — сказал генерал. — Я научу.

— Но когда?

— Да хоть сегодня, — ответил Кот. — Как ты относишься к итальянскому ресторану с хорошей кухней и приятной медленной музыкой?

— Я... не знаю, — смутилась Наталья.

— Вот и отлично! — сказал генерал. — Я буду в семь...

Встреча шестая. Заботливый Марат

Нет ничего досадней, когда чешется, а почесать не можешь. Или руки заняты, или обстоятельства не позволяют. Как, например, потереться о дверной косяк на приёме в высших сферах. В лучшем случае примут за деревенщину.

Сейчас колено зудело так, что Лиза была готова практически на всё, лишь унять противный зуд! Рвать зубами, колоть иголками, резать ножами, да только... Нет, надо держаться, он не услышит от неё и стога!

Чтобы не видеть ненавистное отражение в зеркале на потолке, Лиза крепко зажмурилась. Нечего там смотреть!

Зеркало на потолке сделали специально, она в этом уверилась за долгие часы наблюдений. Чтобы знала и проникалась, кто она есть: голая, распятая на стальной плите, как лягушка на столе вивисектора. Беспомощная, как та же лягушка, даже беспомощнее. Лягушка, по крайней мере, могла умереть со временем, а Лизе её мучители не собирались доставлять такого удовольствия.

И ничего нельзя сделать. Ни сплести заклинания, ни даже прочитать магической формулы! Руки и ноги схвачены жёсткими колодками, пальцы на руках и ногах держат крепкие зажимы, а во рту — брусок-расширитель с отверстием посередине, чтобы дышать. Через эту же дырку Лизу кормили и поили. Как гуся.

О-о-о!.. Как же чешется! Где этот проклятый Марат?!

Мягко чавкнула дверь.

— А вот и я! — радостно сказал Марат. — Соскучилась, зайка?

Мысли он, что ли, читает?

— Ы-ыы!.. — замычала Лиза.

Как она ненавидела себя в эти минуты! За слабость, за то, что полностью, до печёнок зависит от Марата, за то, что попалась, за то, что позволила себе поверить. И кому? Ивану Иванычу! Бандиту! А он её продал.

— Болит что-то? — встрепенулся Марат, наклоняясь над Лизой. — Вот непоседа, ни на минуту нельзя тебя одну оставить!

Лиза яростно, насколько позволял подголовник, замотала головой.

— Чешется? — оскалился Марат. — Здесь?.. Здесь?

Скорее же, что ты догадаться не можешь, сопля чернявая, щуплая, узкоплечая, так бы соплёй-то и перешибла!

— Ы! — выдохнула Лиза.

— Ниже? Ещё ниже?

— Ы-Ы-Ы!!

Проклятье, как же хорошо... Как она его ненавидит!

— Ты можешь гордиться мною, солнышко, — сообщил Марат, оставляя её колено. — Когда ты у нас появилась, мне дали всего лишь два дня на подготовку, и я справился.

Он отошёл в сторону, теперь Лиза его не видела, только слышала чуточку манерный, слащавый голосок. Да мужик ли он?

Марат звякал стеклом, шуршал бумагой и говорил, говорил:

— Хорошо, у меня проект был, я как знал. Оставалось размеры под тебя подогнать, ты, лапочка, девица субтильная, тонкая, не то, что мужики, под которых я это всё изобретал, но

мастерская у нас хорошая, и мастера опытные, так что всё сделали. Ну, пришлось ночку без сна провести, зато люлька у тебя — загляденье!

— Сейчас, котёночек, я тебя купать буду, — продолжал Марат. — Так что, если хочешь писать или какать, давай уж сразу, чтобы потом грязь не разводить. У нас с тобой скоро большой человек в гостях будет, не случилось бы конфуза, да, солнышко? Вот и молодец!

Зашумел мотор, плита встала почти вертикально, и Лиза повисла на локтях и запястьях.

— Сейчас, милая, сейчас...

Марат переключил что-то вниз, Лиза ощутила пятками ребристый металл и с облегчением опёрлась на ноги.

— Будешь чистая, шелковистая, — приговаривал Марат и поливал её из шланга тёплой водой. Затем намылил и начал тщательно мыть — везде.

Вот же гад заботливый, думала Лиза, ощущая на себе сильные и аккуратные руки. Вот же сволочь добросовестная, ведь он мнит себя нужным, честным работником, он, наверное, даже любит её — как объект, препорученный его заботам. Да чтоб ты сдох.

Марат тщательно промыл её волосы, стараясь не попасть ни в глаза, ни в рот, потом высушил их феном.

— Ну, вот, — сказал он, оглядывая результаты трудов праведных. — Теперь мы готовы, зайка!

Снова заурчал мотор, плита приняла исходное положение, и Лиза снова увидела своё отражение на потолке. Вот ведь что делают шампунь и вода. После купания даже настроение улучшилось. Она красивая, ведь правда? Даже с разбросанными руками и ногами. А этот Марат, эта тварь! Кажется, рассматривая её, он даже не возбудился и не увидел в ней женщину. Как санитар в морге. И даже губу от обиды не укусить — с такой-то дрянью во рту!

Плевал Марат на её страдания. Фальшиво насвистывая под нос какую-то мелодию, он возился позади Лизы. Притащил и свалил чуть не ей на живот связку проводов. Лиза поёжилась: провода были холодные и возбуждали неприятные предчувствия. На конце одного из проводов болтался полированный медный цилиндрок. Потом Марат намазал лизины щиколотки и запястья спиртом или чем-то похожим, и защёлкнул на них прорезиненные манжеты, к каждой из которых присоединил клемму одного из проводов. Такой же вонючей дрянью он густо смазал цилиндрок — и сунул его Лизе между ног, внутрь.

— Ы!

— Извини, золотая, — пожал плечами Марат. — Придёт большой начальник, ты помнишь? Будь хорошей девочкой, веди себя прилично. Кляп я вынимать не буду, уж извини, видел я твои художества. Так что перед нами встаёт проблема коммуникации, понимаешь? Я — или наш гость, зайка, — станем задавать тебе вопросы, а ты будешь отвечать правду и только правду. Надо сказать «Да», — мигнёшь один раз. Чтобы сказать «Нет», — мигнёшь два раза. Если соврёшь, будет больно, вот так:

И сразу Лизу пронзила острая боль! Она родилась в промежности, поднялась выше и лопнула, словно в животе взорвалась стеклянная граната.

— Ыа!.. Ы-ы-ы-ы!..

— Неприятно, знаю, — печально сказал Марат. — Но ты должна понимать, бриллиантовая, какое будет наказание. Надеюсь, мне не придётся нажимать кнопку. Мы мирно поговорим и разойдёмся, довольные друг другом, — он улыбнулся. — То есть, это

наш гость уйдёт, а мы останемся. Я немножко проветрю, ты не против? — внезапно, без перехода спросил он.

Заботливый Марат явно издевался. Конечно, она против! Вдруг её увидят из окна, когда она в таком виде? К Марату она уже как-то привыкла, куда ей деваться-то, но прочие?

— Вижу, ты согласна, — оскалился Марат и ушёл ей за спину.

Потянуло свежестью, и тут Лиза поняла, насколько тяжёлым, спёртым воздухом она дышала все эти дни. Она пила свежий воздух носом, смаковала каждую молекулу, касавшуюся обонятельных рецепторов, но не могла отделаться от мыслей об окне. Вдруг оно выходит на людный проспект? Вдруг каждый прохожий может подойти и полюбоваться на её незащитную тушку? Заботливый Марат, пришло ей в голову, наверняка берёт за просмотр деньги. Зачем он так часто выходит наружу? Стоит, наверное, у шторки, получает мзду и шторку отодвигает: смотрите, люди добрые, вот голенькая Лиза.

Чушь. Чушь, чушь и ещё пятьдесят раз чушь. Не для того её захватывали, не для того прилетали на вертолёте, чтобы продемонстрировать как в анатомическом театре.

Всё это Лиза понимала. Умом. Но, как водится, залезет дурная мысль в голову, ничем её оттуда не выбьешь. Особенно в её положении, когда она не может даже оглянуться!

Сквозняк усилился, у Лизы по коже побежали крупные мурашки. Это могло значить только одно: дверь открыта. Большой человек, о котором предупреждал Марат, явился.

— Что это значит, лейтенант? — раздался незнакомый голос.

— Я н-не понял, господин генерал-лейтенант, — пролепетал Марат. — Что именно?..

— Почему она в таком виде? Накрыть немедленно!

— Есть!

Раздался грохот, Марат так торопился выполнить приказ, что сбил по пути какую-то мебель.

Через минуту Лиза была укрыта простышкой в цветочек. Какой удивительный гость...

Тем временем генерал-лейтенант подошёл и наклонился над Лизой. Вот он какой, Большой человек... Пока генерал, поджав губы, рассматривал Лизу, она, в свою очередь изучала его.

Ничего особенного. Невысокий, седоватый, под острым носом щётка усов. Натуральный крысюк!

— Она сможет отвечать на вопросы? — посетитель оглянулся к Марату.

— Так точно, господин генерал-лейтенант! — доложил лизин попечитель. — Но... только на простые вопросы. Да или нет. Я бы не рисковал...

— Что?!

— Разрешить ей эээ... говорить, господин генерал-лейтенант, — ответил Марат, вытянувшись в струнку. — Опасно, господин генерал-лейтенант!

— Опасно... — протянул генерал. — Да уж, после всего этого...

Странные метаморфозы происходили с его аурой. Если сперва в ней преобладали решительность и любопытство, то теперь гость был явно раздражён, зол и растерян одновременно. Проще говоря, разочарован.

— Хорошо, лейтенант, — сказал он, — продолжайте заниматься по плану.

Развернулся и стремительно вышел. Щёлкнул замок дверей.

— Занимайтесь по плану, — вполголоса передразнил генерала Марат. — Есть у нас план, золотая?

— Никогда здесь не была, — сказала Наталья. — Очень уютно. Правда, я и вообще-то в ресторанах мало бывала. Не то, что ты, Кот.

— Ерунда, Наташа, — Кот передал ей меню. — Некогда мне было по ресторанам ходить. Некогда и не с кем. Выбирай пока.

Здесь Викентий Казимирович немного покривил душой. Рестораны — важная часть службы оперативника. В ресторане клиент неосознанно расслабляется и благодушествует. Сама обстановка располагает к доверительности и откровенным разговорам. Будь ты хоть какой хитрец, а магия интерьера подействует и на тебя. Генерал это знал, и визави его знали, но он пользовался лучше.

Приятно пахло сельским домом. Облицовка стен, лестницы, колонны, потолочные перекрытия, столы и этажерки с цветами, стойка бара, — всё было сделано из светлого некрашеного дерева. С потолка свисали сплетённые из лозы светильники, к стенам крепились такие же кашпо и бра. Пол выстилал двухцветный — золотисто-салатный — паркет, дополняли ансамбль мягкие кресла в тон паркета.

— Как вошла, думала, тут лавки будут, — сказала, откидываясь назад, Наталья.

— Это было бы слишком, — ответил генерал. — Но лавки тут есть, широкие сосновые лавки. В подвале пивной бар от ресторана. Можем переместиться туда, но там ничего кроме пива. Ну и закуски, рыбка, сухарики всякие, сама понимаешь.

— Нет уж, генерал, — сказала Наталья. — Давай тут. Пива я могу и дома попить.

— Я тоже так думаю, — согласился Кот. — Выбрала?

— Да.

— Девушка! — Викентий Казимирович поднял руку.

Официантка приняла заказ и оставила их одних.

Их стол стоял на возвышении, под галереей. Её поддерживали полированные, уложенные крест-накрест балки из сосны. Между балками располагались полки с цветами, вазами и глиняными фигурками фантастических зверей. Всё вместе создавало иллюзию уединения.

— Хорошо играют, — сказала Наталья.

Напротив, на подиуме, скрипичный квартет в сопровождении арфы наигрывал негромкую элегическую мелодию.

— Да, — согласился генерал.

В полумраке женщина казалась моложе, чем на самом деле. Или, рассудил Викентий Казимирович, при ярком свете она казалась старше, чем была. Так даже правильнее, ведь самые важные слова говорятся именно при таком освещении.

— Что тебя гложет, Викентий? — внезапно спросила Наталья. — Что ты хочешь спросить на этот раз?

— Может быть, я просто соскучился, — ответил Кот.

— Не верю, — помотала Наталья головой. — Ты слишком генерал.

— Зря не веришь, — сказал генерал. — Что, если генерал, то уже и не человек?

— Человек, — произнесла Наталья. — Но очень занятой, очень загруженный и озабоченный человек.

— То есть ты не считаешь, как некоторые, — спросил Кот, — что в генералы пробираются сплошь карьеристы и бездельники?

— Почему я должна так считать? — удивилась Наталья. — У меня, между прочим, отец полковник. Был. Ты что, не знал?

— Откуда?

— И ты не читал моё, как там у вас называется... досье?

Викентий Казимирович смутился.

— Читал, — признался он. — Но забыл. Или не обратил внимания. И вообще, мне куда интереснее ты, чем досье!

— Как мило, — ответила Наталья.

Принесли закуски и горячее. Викентий Казимирович разлил вино.

— Ты зловредный искуситель, — сказала Наталья. — Я растолстею.

— От спагетти с грибами?!

— Ты не представляешь, генерал, как мы, женщины, быстро набираем вес!

Она ловко намотала спагетти на вилку, протянула Коту бокал:

— Дзынь!

— Дзынь, — улыбнулся Кот, протягивая свой.

Они соприкоснулись бокалами. Возник и умер тонкий, печальный звон.

Генерал сделал глоток. Хорошее вино. Надо иногда выбираться в приличное место, иначе зачем жить? Вообще, он возмутительно мало обращает внимание на комфорт. Служба, будь она неладна, заботы об Отечестве.

— Ты его поймал, — сказала внезапно Наталья.

— Кого?!

— Не притворяйся, генерал. Ты его поймал, мага своего. И теперь ты хочешь узнать, что с ним делать.

— Ничего от тебя не скроешь, — пробормотал Кот. — Ты точно колдунья. Вот, полюбуйся, съёмки велись с разных камер, но тут ни капли спецэффектов или компьютерной обработки. Репортаж как он есть.

Он запустил на смартфоне ролик. Плевался огнём дракон, летело кирпичное крошево, когда файерболы врезались в стены, чадил старый тополь. Перед бегущими бойцами разверзались призрачные пропасти, выростали леса или вздымались горы, — и всё это на обычном картофельном поле! Река, которая не вставала иногда всю зиму, покрывалась толстым слоем льда, и этот лёд так же стремительно пропадал, быстрее, чем в печи.

И маленькая, раскинувшая в стороны руки, фигурка на веранде каменного особняка.

Наталья молча вернула гаджет генералу.

— Что посоветуешь? — посмотрел на неё Кот.

— Да уж, — сказала Наталья, — свалился ты на мою голову со своей магичкой.

— Магичкой?

— Это женщина, — ответила Наталья. — Думал, я не замечу? И вообще, я тебе тут не советчик, сам заварил кашу — сам и расхлёбывай.

— Чисто теоретически... — начал Кот.

— Только не надо про теорию! — фыркнула Наталья. — Теоретически можно было в прошлый раз рассуждать. А теперь... Вертолёт-то она подбила по-настоящему, даже не она сама, а фантом! По уму, её надо с извинениями отпустить и молиться, чтобы не злопамятная была.

— Ага, — хмуро сказал генерал. — Отпустить...

Цугцванг. Как не сделаешь, всё плохо, особенно после всего, что учинил с объектом «Лизавета» старательный идиотик Марат. Генерал поморщился: глупо свои ошибки сваливать на других!.. Не продумал, не проконтролировал, спихнул решение на

подчинённых. Вот и получай вместо человека, который может слушать и слышать, злобную оскорблённую фурию. Правда, как говаривал, — если верить писателю Анатолию Рыбакову, — товарищ Сталин, нет человека — нет проблем. Так что...

— Ты о чём это задумался, генерал? — спросила Наталья. — Знаю я вас, вояк, гадость какую-то замышляешь!

— Почему? — вскинул брови Викентий Казимирович.

— Морда у тебя специфическая стала, — сказала Наталья. — Злая. Повидала я такие морды. Так что, если надумаешь её убить, то имей в виду...

— Обижаешь, начальник, — пробормотал Кот.

— Имей в виду, — повторила Наталья. — Телефон свой заберёшь, и никаких консультаций! Прокляну навсегда. Мне, конечно, до этой девочки далеко, но всё равно. Уяснил, генерал?

— Ну тебя, — смущённо сказал Кот. — Развела пропаганду. Не собирался я никого убивать.

— Нет? — ехидно поинтересовалась Наталья.

— Нет, — сказал Викентий Казимирович. — Но у меня, извини, работа такая. Обязан рассмотреть все варианты.

— Вот тебе ещё один, — сообщила Наталья язвительно. — Эта девица такими силами ворочает... Ты её, предположим, убьёшь, а оно как рванёт! Думал об этом?

— Что за тема для разговора? — Кот в раздражении отбросил салфетку. — Убьёшь, рванёт? Почему ты не веришь, что я просто хотел с тобой повидаться? Соскучился, понимаешь?

— Верю я тебе, верю, — сказала Наталья. — Давай вино пить.

— И танцевать? — с удивившей его самой робостью спросил Кот.

— И танцевать, — улыбнулась Наталья.

Теперь, когда они «занимались по плану», ненавистный Марат часто и надолго уходил. Лиза без конца пялилась в зеркальный потолок и мечтала о казнях, которым она, освободившись, подвергнет своего заботливого тюремщика. Свобода была близка, достаточно вернуть власть над пальцами хотя бы одной руки, но и недостижима. Марат два раза в сутки, утром и вечером, проверял, не разболтались ли зажимы, подтягивал винты на колодках, и вообще, тщательно следил за своей конструкцией. Он тоже понимал, чем ему грозило любое сплетённой Лизой заклинание.

...Дверь за лейтенантом с шипением закрылась, Лиза снова осталась одна. Да, она ненавидела Марата, её бесило его слащавое многословие! Все эти зайчики, солнышки и цветочки, которыми Марат её титуловал, но его присутствие хоть как-то развлекало. Любому пленнику требуется разнообразие, отсутствие впечатлений угнетает пуще несвободы.

Ах, если бы она умела, подобно мудрецам древности, повелевать стихиям силой мысли! И она сама, и все остальные студенты Академии магии зачитывались «Житиями Великого магистра Деметрида» и подобной литературой, особенно на первом курсе. Однако, мифы или вралы, или сильно преувеличивали их способности, не иначе, чтобы разбудить амбиции нерадивых студиязусов. Движение или членораздельная речь, пусть даже шёпот, без этого никак. Увы, по своей воле Лиза могла лишь открывать и закрывать глаза, или двигать языком во рту.

Языком. Двигать!

Лиза зажмурилась, представила себе грифельную доску и попыталась нарисовать языком символ «Алеф». Это получилось с первого раза! От радости и предвкушения у Лизы зачесались кончики пальцев: «Алеф» был первым символом, которому учили будущих магов, им начиналось множество заклинаний. Он значил: начало, начать, взять силу, опереться на силу и так далее, во множестве вариаций. Плоть магии это сила, «Алеф» адресовал её источник, ведь чтобы распорядиться силой, её надо сначала откуда-то получить...

Ну, берегись, Маратик.

Что бы такое соорудить? Нужно нечто простое, но действенное — освободить правую руку хотя бы до локтя. Железная Чума? Никакой чумы, конечно, это заклинание не насылало, но железо рассыпалось ржой. То есть, всё очень просто. Прёт, например, на тебя латный рыцарь, этакая громыхающая гора на замученном коне. В руках — двуручник, за спиной — моргенштерн фунтов на двенадцать. Прёт с целью вогнать в землю по маковку. Плетём Желёзную Чуму, и через мгновение рыцарю уже не до тебя. Во-первых, он голый, поддоспешник так пропитывается эманациями металла, что Чума успешно сжирает и его. Во-вторых, рыцарь безостановочно чихает и кашляет: сотня фунтов сухой ржавчины — это... Мало не покажется.

Зато коню хорошо.

Да, рыцарей сейчас нет, но ведь это только пример, не так ли?

Лиза представила голого мужика, сидящего в куче рыжей грязи. У него было такое глупое выражение лица, что она не выдержала и рассмеялась, вернее, попыталась рассмеяться. Наружу вырвалось противное утробное хрюканье; а вы попробуйте засмеяться, если во рту железный кляп.

Ну, да, железный или из какого иного металла, если учесть кисловатый привкус во рту. Это не так важно, Чуме всё равно, какой металл поедать, если это, конечно, не золото или платина. Вряд ли заботливый Марат сунул ей в рот кляп из золота.

Не наглотаться бы ржавчины, когда заклинание сработает!..

Следующий час Лиза безуспешно пыталась исполнить Железную Чуму. Оказалось, языку далеко до пальцев, тем более в точности, кроме того, его трудно оставить в неподвижности. Сбивало даже дыхание, в этом Лиза убедилась уже через минуту. Дальше — больше. Стоило задержать дыхание, и Лиза не могла сосредоточиться. Мешала мысль о том, что скоро захочется вдохнуть, и что ей делать, если к этому моменту заклинание не будет сплетено до конца? Железная Чума — заклинание средней сложности, двенадцать символов и переходы между ними. Четыре минуты, если тратить на каждый символ столько же времени, как и на «Алеф», и почти ничего на переходы. Не дышать четыре минуты... Сможет ли она?

Лиза решила проверить, отважно задержала дыхание — и сдалась на второй минуте. Поначалу всё шло отлично, но скоро в ушах застучал пульс, а желание вдохнуть стало непреодолимым. Лёгкие жгло, грудь сотрясали спазмы, где уж тут следить за языком!

Отдышавшись, Лиза поняла: всё сложнее, чем она думала. Значит, она должна научиться контролировать дыхание, как это делают ныряльщики. Однажды, уже здесь, она видела по телевизору передачу, там спортсмен пытался побить рекорд — двадцать минут под водой. При камерах, в специальном бассейне с прозрачными стенками, чтобы никто не заподозрил в обмане. Лиза помнила, как она следила, как волновалась за этого человека, особенно когда пошёл второй десяток минут. Вдруг он потерял сознание, вдруг он уже умер,

а никто не знает? Но нырятьщик шевелил рукой, показывал большой палец: всё, мол, в порядке. Лиза успокаивалась — на минуту, потом всё начиналось сначала. Причём, она могла в этом поклясться, во всём действе не было ни капли магии. Уж она бы почуяла, даже и по телевизору!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Рекорд состоялся — двадцать две минуты. Столько ей не нужно, вполне хватит пяти или семи. Он научился, сможет и она.

Не откладывая дела в долгий ящик, Лиза начала тренировки — и сразу позавидовала рекордсмену. Под водой можно стиснуть зубы и терпеть, а как терпеть, если закрыть рот нет никакой возможности? Вот он, воздух, под языком, сладко щекочет нёбо, словно сам по себе лезет в горло? И не заметишь, как вдохнёшь.

Ничего, она сможет. Главное, трудиться.

Раз за разом Лиза останавливала вдох — и считала: двадцать два, двадцать два, двадцать два, после каждого десятка делала мысленную зарубку. Главное, уговаривала себя, успокоиться, главное — не нервничать! Ну и что, что организм вопит от страха, ты-то знаешь, что ему ничего не грозит, что можно вдохнуть в любой момент. Осталось убедить пугливые лёгкие и сердце...

— ...Что здесь происходит, кисонька?! Ты чего красная такая?

Марат в растерянности прошёлся вокруг, заглянул Лизе в глаза, даже потрогал лоб холодной ладонью.

— Ты что с собой сделала?

Лиза беззвучно, только для себя, смеялась. Ничего он не увидит и не поймёт. Два часа прошли не зря, она смогла не дышать почти две минуты, и это уже в первый день.

— Вроде, всё в порядке... — пробурчал Марат. — Ладно, бельчонок, хватит бездельничать. Говорить с тобой наш генерал почему-то не пожелал, значит, будем просто изучать. Как думаешь, — он с ехидной улыбкой посмотрел на Лизу, словно надеялся на ответ, — где я отсутствовал так долго? Ни за что не догадаешься! Теоретики разработали специальную процедуру, двести листов, веришь, солнышко? — он потряс пухлой папкой. — Всё, чтобы тебя, лапочка, не вскрывать. Можешь гордиться, как тебя ценят и берегут. А я, значит, буду главный исполнитель. Надеюсь, скучно не будет, зайнька!

Он говорил и говорил, сыпал зайньками, солнышками, рыбаньками и золотцами. Мазал там и сям вонючим и холодным, клеил контакты и говорил, говорил, говорил...

Повторяется, со злорадством отметила Лиза, наблюдая в зеркале, как становится похожа на дикобраза или даже фантастического киборга. Кажется, на её тушке не осталось места, где не появилась бы какая-нибудь иголка, нашлапка из марли, кружок с антенной или ещё что-нибудь научное. Провода вились как змеи, аголова стала похожа на готовый облететь одуванчик.

— Красавица!.. — выдохнул, наконец, Марат. — Знаешь, я, наверное, не буду на ночь это всё с тебя снимать. Долго это и муторно. Ты ведь потерпишь, солнышко? Ну, ладно, приступим!

Редкая гадость — быть подопытным кроликом, даже когда в руках исследователя нет скальпеля; не владеть собственным телом, понимать, что им распоряжается кто-то другой... Марат шуршал бумагой, бубнил под нос странные фразы, в которых Лиза не понимала ни слова, изредка щёлкал невидимыми тублерами, и тело послушно отвечало. Напрягались мышцы, ломило руки и ноги, кожа покрывалась ознобными пупырышками — только для

того, чтобы через секунду стало почти нестерпимо горячо. Один раз Лизу накрыл долгий оргазм, а когда она отдышалась, то внутренности скрутило болью!

— Вот что я скажу тебе, милая, — заявил, оторвавшись от бумаг, её мучитель. — Если верить приборам, ты ничем не отличаешься от обычных женщин. Ну, то есть вообще ничем! Конечно, — он хихикнул, — это только первые опыты, может быть, всё изменится, ну да ничего, у нас с тобой много времени. Начальники вошли в положение и велели работать вдумчиво и последовательно, поэтому я лично никуда не тороплюсь. А ты, зайчонок? — он подождал. — Молчишь? Значит, согласна.

— Ы! — не выдержала Лиза. Какое, к демонам, согласие, о чём он болтает?!

— Не надо так нервничать, — ласково сказал Марат. — Я же вижу, ты жаждешь послужить науке. Значит, послужишь. А я тебе, лапулечка, помогу.

К ночи, когда Марат ушёл, Лиза вымоталась совершенно. Казалось, стоит закрыть глаза, и она провалится в сон, но не тут-то было. Клей или чем там Марат мазал места крепления электродов, окончательно высох, стянул кожу, и Лизу донимала чесотка. Вдобавок, откуда-то прилетел комар, и теперь с писком нарезал вокруг Лизы круги.

Когда же он, наконец, усядется и насосётся? Может быть, тогда кровосос утихомирится, и она сможет уснуть? Но, то ли комариха была сыта, то ли сезон кровопусканий не наступил, в любом случае, гадкое насекомое не собиралось облегчать лизины страдания. Вот... писк... стих, но потому лишь, что тварь уселась Лизе на кончик носа!

Весь мир сжался для Лизы до маленькой точки, до того клочка кожи, где обосновался летун. Что же ты ждёшь, гадина? Кусай уже! Комариха не торопилась, Лиза чувствовала трепетанье её невесомых крылышек, давление тонюсеньких лапок. Скосив глаза, Лиза пыталась, насколько это было возможно при дежурном свете, рассмотреть насекомое, но не увидела, а, скорее, угадала только смутную тень.

Наконец комариха погрузила хоботок в лизин нос. Будто укололи кривой, шершавой булавкой. Нос немедленно и страшно зачесался! Первым побуждением было сдуть противную букашку, но не вышло. Дуй — не дуй, а воздух через кляп шёл только в одном направлении — прямо. Комариха на дрожь кормушки не обратила внимания.

— Ы-ы-ы... — загудела в отчаянии Лиза. — Ы! Ы! Ыыы...

Было невыносимо жалко свою несчастную молодость и хотелось умереть.

— Вы позволите?

Несмотря на чистое произношение, это был, конечно, иностранец. Лежала на нём несмываемая печать чуждости, ненашестьи. Что-то в глазах, в развороте плеч, в манере подать себя. Или его выдавала как раз правильность речи; когда человек говорит на родном языке, он допускает множество неточностей и ошибок, глотает слоги и окончания слов, где-то путает ударения, иногда «съедает» промежутки между словами, и это не считая даже местных говоров и говорков. Он владелец языка, он уверен, что его поймут правильно. Иностранец, если он не вырос в России, всегда подспудно опасается, что попадёт впросак, поэтому говорит чисто, даже нарочито чисто, усреднено, слишком литературно.

А, чёрт с ним!

Аркадий Владленович кивнул в сторону свободного стула: — Прошу.

Иностранец, не чинясь, отряхнул сиденье от крошек, сел и поднял вверх руку:

— Официант!

Подбежал накрахмаленный мальчик с застывшей улыбкой и тоской в глазах.

— Повторить, — заказал иностранец, показывая на Чистова. — Два, э-э-э... — он вопросительно посмотрел на Аркадия Владленовича, тот пожал плечами: почему бы и нет? — Нет, три раза.

Официант убежал. Иностранец откинулся на стуле, достал плоскую сигаретную пачку, закурил тонкую чёрную сигарету.

— Умеете вы делать хорошие сигареты, — сказал Аркадий Владленович. — Очень вкусно пахнет, даже самому захотелось.

— Вы? — переспросил иностранец. — Кто это — вы?

— Европейцы, — ответил Чистов. — Думаю, вы голландец или, что вероятнее, бельгиец.

— Почему вы так решили?

— Это видно.

— Да? Я из Люксембурга, — ответил иностранец. — Меня зовут Мишель Арно. А вас?..

— Зачем этот вопрос, Мишель? Вы знаете, как меня зовут.

Аркадий Владленович сделал глоток пива, кинул в рот орешек, подержал на языке, пока не растворится соль. Он любил эти минуты — самое начало застолья, когда чувствуешь вкус, когда в голове ещё не шумит алкоголь, и можно просто наслаждаться покоем.

— И снова. Почему вы так решили? — удивился Арно.

— Я же не у входа сижу, — пожал плечами Аркадий Владленович. — В зале полно незанятых мест, а вы прошли сразу ко мне. Не просто же так?

— Действительно. Вас не обманешь, Аркадий Владленович. Кстати, — Арно выпустил кольцо дыма, — сигареты я купил здесь. Даже не в Москве. Можете убедиться.

Он протянул Аркадию Владленовичу вскрытую пачку.

— Зачем? — спросил Чистов. — Мало ли, где вы их купили. Важно, где произведено. Лучше вот что мне скажите, — он отхлебнул ещё пива, — вы не боитесь?

— Чего я должен бояться?

— Ну, как же, — усмехнулся Аркадий Владленович, — курение вредит здоровью. В просвещённых европах должны это знать.

Арно поперхнулся.

— Зачем портить мне настроение? — прокашлявшись, сказал он. — Не боюсь. Как говорят у вас, одна живём.

— А что начальство? Не заругает? — развеселился Чистов.

— Нет, — сказал Арно. — Начальство не заругает, начальство само дымит как два паровоза. Что вы так на меня смотрите?

— Вот вам и ответ на вопрос, почему видно, что вы оттуда, — сказал Чистов. — Человек вашего возраста, если он наш, обязательно добавил бы: «туго перетянутых». А если бы он сказал «дымит как тридцать восемь попугаев», то добавил бы «и ещё одно попугайское крылышко».

— Какое крылышко? — переспросил Арно.

— Попугайское, — повторил Чистов. — Но крылышко можно не считать.

— Я всё равно не понял, — сказал Арно. — Что это значит?

— Долго объяснять, — махнул рукой Чистов. — Что вам от меня надо, Мишель Арно?

— Не торопитесь, господин Чистов, — Арно принял у официанта три кружки пива и тарелку с орехами и рыбкой. — Не надо сразу о делах, дайте вкусить, — он сделал долгий глоток. — Да, вот оно, в самом деле, коренное отличие цивилизации российской от

цивилизации европейской, и ничего тут не поделать. Рождество скоро, мороз на дворе, а у вас подают холодное пиво! А надо бы подогреть, добавить специй...

— Тогда это будет не пиво, а глинтвейн, — сказал Аркадий Владленович.

— Ничего подобного, — ответил Арно. — Глинтвейн делают из вина, а это будет просто подогретое пиво. Чтобы не замёрзнуть.

— Ещё у нас мороженое зимой на улице едят, — сказал Чистов. — Варвары, что с нас взять.

— Пьяные медведи с балалайками у вас по улицам не ходят? — строго спросил Арно.

— Бывает, — кивнул Аркадий Владленович. — Но редко.

— Ладно, — сказал Арно. — Приступим, если вы не против.

— Вай нот?

— Что? А, да. Я, — продолжил Арно, — журналист. Вы не против журналистов?

— Ни в коем случае. Особенно сейчас.

— А почему особенно сейчас? — спросил Арно.

— Я в отставке.

— Вот как? Это даже лучше. Кроме того, я, в некотором роде, правозащитник, — сказал Арно, доставая планшет. — Меня интересует судьба вот этой женщины.

На экране Аркадий Владленович увидел Лизу. Кадр оказался некачественным, любительским, он был сделан в плохо освещённом помещении, но Чистов слишком часто видел Лизу вблизи, чтобы перепутать.

Мишель Арно мелкими глотками пил пиво и не торопился. Конечно, никакой он не журналист, а натуральный шпион. В других обстоятельствах Аркадий Владленович не стал бы с Арно говорить, но сейчас Чистов был слишком зол, чтобы думать о чести мундира. Зол и обижен, причём не за себя, а за Лизу.

Аркадий Владленович отпил из бокала, взял с тарелки кусочек вяленой сомятины. Во рту полыхнуло, изготовители не пожалели ни соли, ни перца. Пивовары и те, кто строгают закуски, не иначе, в сговоре. Пожар в горле хочется скорее запить, а выпитое — заесть, и все довольны. Кроме домашнего бюджета, конечно.

Спасибо Лизе, он может снова наслаждаться пищей. Теперь, когда она в беде, отказать ей в помощи будет не по-людски. Вряд ли «у партнёров» ей будет хуже, чем здесь.

— Хорошо, — сказал Чистов. — Я расскажу, что знаю. Но сначала один вопрос: откуда вы знаете о Лизе?

— Сеть велика, — ненатурально удивился Арно.

— Не надо, Мишель, — сморщился Аркадий Владленович. — Не знаю, где вы служите на самом деле, в ЦРУ, МИ-6 или Моссад. Мало того, мне это неинтересно. Всё, что касается Лизы, — это служебная информация. Я не имею права ею с вами делиться, даже будучи в отставке. Это вы понимаете?

— Да, — согласился Арно.

— Вы толкаете меня на преступление, так?

— Получается, так.

— Тогда вы должны понимать, что я хочу максимально себя обезопасить, — сказал Чистов. — Не надейтесь, что я скажу вам всё, что знаю. Что именно я расскажу, зависит от того, что и от кого знаете вы. Согласны?

— Да, в логике вам не откажешь, — согласился Арно. — Впрочем, иного я и не ожидал. Но попробовать стоило?

— Наверное, — не стал спорить Аркадий Владленович. — Начинайте, Мишель.

— Хорошо, — ответил Арно. — В середине декабря в наш корпункт в Вадуце пришёл некий Хольц...

— Зачем вы вообще выпустили этого Хольца из страны? — хмуро спросило начальство.

— У него израильский паспорт, — ответил Кот. — И потом, Сергей Иванович, у нас на него ничего нет.

— Как это нет? — приподнял левую бровь Сергей Иванович. — Вот, чёрным по-русски написано, — он кликнул мышкой, — состоит в так называемой «Общине почитателей Святой Елизаветы Фёдоровны». Он экстремист!

Викентий Казимирович с удивлением понял, что краснеет. Вроде не мальчик, и повидал многое, но вот же, уела его чёртова община! Дурные сектанты, безоружные, с одними иконами в руках, скрутили элитных спецназовцев. Можно представить, как себя клянёт Никитин. Отступить перед бабами! Позорище...

— Кхм... — Кот откашлялся. — Даже не административка. Привёз, стоял, смотрел. наших бойцов не тронул и пальцем. Община экстремистской организацией не признана, пока не признана, но вот. Не знаю, чего они тянут...

— Бойцов... — с отвращением повторил Сергей Иванович. — Признана — не признана. Согласитесь уж, Кот, просто забыли, не уследили, из головы вылетело. Разве нет?

— Виноват, господин генерал-полковник.

— Да, виноваты! — возвысил голос генерал-полковник. — Виноваты и будете наказаны. В своё время.

Кот незаметно выдохнул. Сергей Иванович скор на расправу, но оргвыводы не воследовали сразу, а значит, он и не увидел особенной его, Кота, вины.

Сергей Иванович, вышел из-за стола, подошёл к окну. Ночью выпал снег, на время укрыл мегаполис белым одеялом. Нетронутым, по крайней мере, пока, по случаю выходного дня. Скоро людские толпы и табуны машин превратят снег в грязь, и Москва примет обычный неприветливый вид, но сейчас картина за стеклом радовала глаз.

— Только магов и колдунов нам не хватало, — проворчал генерал-полковник. — Оставили бы вы её тогда в покое, — и ничего не произошло бы. Лечила бы помаленьку, чем плохо?

— Я и тогда говорил, и сейчас утверждаю, — встал и вытянулся Викентий Казимирович, — кто лечит, тот и калечит. Ей объяснили бы, что для блага страны надо устранить этого, и этого, и этого человечка, потому что тянут общество...

— Сядьте! — приказал Сергей Иванович. — Ишь, строевой какой образовался. Знаю я все эти резоны. Был бы несогласен, не дал добро на захват. Так что ответственность это и моя тоже. Но, — он сел и вынул из стола пухлую папку, — наши драгоценные «партнёры» каковы? Как с цепи сорвались! И «Нью-Йорк Таймс», и «Вашингтон Пост», и множество других изданий, калибром поменьше, все пишут о нашей Лизе. Вот, извольте наблюдать, — генерал-полковник развернул монитор к Викентию Казимировичу, — истории болезней, анализы до и после её лечения, плачущие родственники и знакомые! Публика визжит и рыдает, блогеры в сети подняли вой...

— Это скоординированная кампания, Сергей Иванович, — твёрдо сказал Кот. — Нас, нашу страну хотя очернить.

— Разумеется, — генерал-полковник отбросил папку в сторону, — а когда бывало

иначе? Но дело не в этом. Воют — пусть их воют, мы привыкли. Досаднее всего, что вопрос вышел на дипломатический уровень. Вы сами понимаете, какие сейчас времена, нас клюют со всех сторон, и лишние заботы нам не нужны. Ситуацию надо разруливать.

— Сколько у меня времени? — спросил Викентий Казимирович.

— Мало, — ответил Сергей Иванович. — Его практически нет. Вчера было заседание Совета Безопасности. Этот вопрос поднял сам президент, он требует незамедлительного решения. Незамедлительного, понимаете? Через две недели его визит в Британию, первый за несколько лет. К этому времени ситуация должна успокоиться.

— Простите, Сергей Иванович, а если...

Идея, всплывшая внезапно в сознании Кота, показалась ему настолько безумной, что вполне могла сработать.

— Выкладывайте!

— Так точно. Но сначала вопрос: чего именно хотят наши «партнёры»? Что они предлагают — кроме обличений?

— Исторгнуть из застенков, — ответил генерал-полковник. — В идеале — позволить воссоединиться с цивилизованным миром. Уехать, эмигрировать.

— Я предлагаю её отпустить, — сказал Викентий Казимирович. — Пусть уезжает в цивилизованный мир.

— Объясните, — потребовал Сергей Иванович.

— Всё очень просто, — с улыбкой сказал Кот. — Сейчас у нас большие проблемы. Мы держим Лизу в неподвижности, не даём ей говорить. Всячески унижаем, если посмотреть с её стороны. Разумеется, она мечтает о мести. Стоит ей освободиться, начнётся чёрт знает что, мои эксперты не могут даже представить, что она натворит сгоряча!

— И? — подался вперёд Сергей Иванович.

— Накачать её снотворным и передать западным эмиссарам — из рук в руки. Пусть наши проблемы станут их проблемами.

— Подождите, — генерал-полковник в сомнении потёр лоб. — Кто ей помешает отомстить, оказавшись на Западе? Безо всяких помех, не торопясь, выбрав казни египетские?

— Просто я подумал, — задумчиво заговорил Кот, — а кому она будет мстить? Только местному мафиозо, который ей предал, и моему лаборанту.

— А вы?

— Меня она видела один раз и мельком, — сказал Викентий Казимирович. — Кроме того, я её, скорее, защитил, чем обидел. Мне кажется.

— Интересно. Что-то ещё?

— Так точно, Сергей Иванович! Готовим трескучую легенду, что-то вроде того, что органы, наконец, разобрались, что к чему, покарали виновных, а её освободили. Конечно, тут надо поработать психологам и нейропрограммистам, чтобы подать, как нужно. Показательно наказать виновных. Скажем, понизить в звании того же капитана Никитина, мне объявить строгий выговор с занесением. В общем, побольше шума, господин генерал-полковник! А Лиза, да, — Викентий Казимирович позволил себе улыбнуться, — очнётся с желанием мстить. Помните сказку про джинна, который три тысячи ждал освободителя? Сначала он хотел его озолотить, потом оставить в живых, а потом...

— То есть, — сказал Сергей Иванович, — вы предлагает подкинуть «партнёрам» джинна в кувшине?

— Именно так, господин генерал-полковник, — твёрдо сказал Кот. — Именно так.

Лиза разлепила глаза. Что, уже утро? Дни слились с ночами в серые монотонные сумерки. Всё тело ныло, кожа зудела, мышцы сводило от неподвижности.

— Проснулась, ласточка? — Марат объявился, словно мелкий демон из коробочки. — Что-то ты закисло совсем. Ничего, я тебя сейчас взбодрю! У нас, маленькая, гимнастика по плану. А потом тебя ждёт сюрприз! Любишь сюрпризы, лапонька?

— Ы-ы... — простонала Лиза. Будут тебе сюрпризы, скотина, только руку отстегни, такое устрою!

Неизвестно, как Марат относился к сюрпризам, но осторожности он не потерял ни разу. Зажужжало, и над плитой появилась металлическая штанга, с которой свисал кабель в металлической оплётке. Оканчивался кабель пучком щупалец-электродов.

— Уж потерпи, котёночек.

Электроды легли на левую руку. Лиза задрожала. До чего противная процедура! Ток, пропущенный через электроды, сводил мышцы судорогой. Слабой, не слишком больной, но достаточной, чтобы держать их в тонусе.

Марат не торопился. За левой рукой пришёл черёд правой, затем он прошёлся по ногам — снизу доверху, от икр до ягодиц. Чтобы добраться до спины, он поставил плиту стоймя. До чего добросовестная тварь!

— Для твоей же пользы, милочка, — уговаривал Марат Лизу и продолжал экзекуцию. — Ты же мне потом спасибо скажешь, вот, мол, какой Марат хороший человек, зарядкой со мной занимался. Да, солнышко?

Лиза молчала. Всё было очень плохо и даже хуже. За месяц она достигла всего трёх минут. С такими результатами и думать нечего о свободе. Правда, теперь она могла изобразить языком целых три символа подряд. Лиза знала единственное заклинание из трёх символов — Совиный Глаз.

— Ладно, хорошая моя, — сказал Марат, убирая пыточный электрокабель. — Отдыхай пока.

Щёлкнул выключатель, тьма прыгнула со всех сторон. Чавкнула входная дверь. Ушёл. Зачем он разбудил её? Зачем он, вообще, приходил? Ведь не ради гимнастики?

Лиза задержала дыхание и принялась рисовать языком. Терпения хватило впритык. Раз, два-а и три — темнота выцвела, посерела. Лиза увидела в потолке саму себя, выпучившую глаза. Натуральная лягушка. Проклятые магистры, видел бы её Виктор.

В ровной серости лаборатории возникло яркое пятнышко. Бабочка? Нет, смешно тормозя миниатюрными крылышками, Лизе на грудь спикировала призрачная птичка. Это был — Лиза не сразу поверила глазам — коршун! Искатель Виктора!

Вик, наконец ты меня нашёл! Лиза заплакала от счастья и бессилия. Искатель прошёлся по её правой груди, покрутил головой, беззвучно крикнул что-то торжествующее и с тихим хлопком исчез. Недолго теперь...

Снова щёлкнул выключатель. От нестерпимого света Лиза зажмурилась и пожалела всех своих товаров-сов. Бедненькие, как же вам плохо днём!

— Извини, красотулечка, — озабоченно сказал Марат, откладывая в сторону небольшой пластиковый пакет, который прижимал к груди. — Обстоятельство изменились.

— Ы? — не выдержала Лиза, но в предплечье кольнуло. Перед глазами опять всё завертелось и пропало.

— ...Чёртовы начальники, — пробормотал Марат, наблюдая, как расслабляется лицо

подопечной. — Всё у них не слава богу.

Быстро, один за другим, Марат раскрыл все зажимы и хомуты, после чего одел и обул спящую девушку.

— Надеюсь, мы больше не встретимся.

Марат ласково погладил Лизу по щеке, отошёл к дверям, открыл их и распорядился: — Забирайте! Да поаккуратнее там, не дрова!

Встреча седьмая. Зверь с востока

Варшава показалась Збыславу Копляку слишком холодной и слякотной. Будь он сам себе хозяин, отдыхал бы не только на Рождество и Новый год, но и весь январь с февралём в придачу и даже кусочек марта. Да, для начала января стояла отличная погода, но разве можно сравнить её с тайским солнцем и океаном? Требовалось немного подождать, пропитаться родным воздухом, а пока... помогут бойлер и хорошая порция пива.

По дороге из аэропорта Збыслав заскочил в супермаркет, взял упаковку «Тыски» и большую пачку чипсов. За время работы в России он привык к тарани, и купил бы её, но разве найдёшь в Варшаве настоящую, правильную тараньку? Евросоюз, будь он неладен, стандарты качества, длина огурцов и всё такое. Придётся давиться чипсами.

Дома Збыслав оставил баул в холле, скинул туфли, которые надоели ему за перелёт безумно, и босиком — замечательное изобретение полы с подогревом, не зря их так любят русские! — прошлёпал в залу. Упал в кресло перед ТиВи, ноги водрузил на журнальный столик. Пробежался по каналам, выбрал какой-то голливудский боевик, из тех, которые можно смотреть с любого места, открыл первую бутылку «Тыски» и...

Заквакал мобильник в кармане рубашки.

Звонил главный редактор. Честно выждав семь гудков — вдруг в кровопивце пане Сокольском проснётся совесть? — Збыслав мазнул пальцем по экрану:

— Рад вас слышать, пан главный редактор.

— Ты не можешь себе представить, насколько рад я! — пророкотал в трубке голос главного.

— Я ведь пока в отпуске, пан Сокольски, — попытался усюветить главного Збыслав.

— Знаю, пан Копляк, — сокрущённо сказал Сокольски. — Но, поверь, тема уж больно горячая, и лучше тебя никто с ней не справится.

Ему бы в оперные артисты идти, думал Збыслав, слушая начальственные раскаты. Ишь, как голосом-то играет! Некоторым и лицом так не сыграть.

— Босс, я потребую надбавку за внеурочный труд, — обречённо сказал он.

— Обязательно! — обрадовался Сокольски. — А я потребую процент от твоей пулитцеровской премии. Если ты поторопишься и сделаешь хороший репортаж, то обязательно её получишь. Мне связаться с твоим юристом?

— Заинтриговали, босс, — сказал Збыслав. — Вряд ли янки дадут премию иностранцу, но ладно. Что у вас такого случилось, что мне нельзя даже выпить пива?

— Это другое дело, — деловым тоном, без ёрничества и шуток, ответил Сокольски. — Ты в курсе шумихи по поводу русской знахарки?

— Я отдыхал в Таиланде, а не на Луне, — сказал Збыслав. — Там тоже есть интернет. Имеется в виду знаменитая Лиза, которую схватили, — добавил он пафоса, — злобные чекисты и томят в застенках КГБ?

— Она самая, — подтвердил главный редактор. — Так вот, русские убоялись общественного мнения и освободили её. Мало того, она уже приехала в Польшу, а через два часа ожидается её пресс-конференция для свободной прессы. Я выбил для нас, для тебя, Збышек, место. Единственное на всю Польшу. Не посрами мои седины!

Пан Сокольски был чёрен, как ворон, фраза про седины была обыкновенным кокетством, но, надо признать, эффектным — мало кто после шестидесяти мог похвастать

такой шевелюрой.

— Да, — признал Збыслав, — это может быть убойный материал. Но почему они её выпустили, тем более так быстро?

— Ты имеешь шанс задать ей этот вопрос, — сказал босс. — Ну, что? Едешь?

— Да, босс, убедили, босс, — отрапортовал Збыслав. — Где будет проходить это эпохальное мероприятие?

— Варшавская цитадель, — ответил Сокольски. — Сначала загляни ко мне, за аккредитацией. Тебе, насколько я помню, как раз по пути.

...Какого пёсего сына, размышлял Копляк, выворачивая на Гданьскую набережную, они решили устроить пресс-конференцию именно здесь? Он бросил взгляд на Жолиборский холм, где за голыми деревьями вставали стены Цитадели. В столице полно мест, современных, светлых и, главное, удобных. Берёт ли там интернет? Збыслав давно не был в Цитадели, может быть, даже с детства. Ну и ладно, освежит память о временах царизма. Слава Иисусу, сейчас можно действовать без оглядки на медведя. Оказалось даже, на него можно прикрикнуть, и медведь встанет на задние лапы и спляшет.

Збыслав сбросил скорость. Где-то тут должен быть поворот... Растяпа, он забыл взять из сервиса навигатор, хотя, если подумать, зачем он в Варшаве природному варшавянину?

Загрохотала подвеска, словно машина наехала на открытый люк, затем ещё и ещё раз. Збыслав ударил по тормозам, одновременно сдавая вправо. Автомобили сзади и по сторонам непрерывно сигналили. Кто-то тоже тормозил, другие, наоборот, старались прибавить газу. Збыслав выскочил из салона. Земля под ногами дрожала и ходила ходуном, как будто он стоял на огромном тайко, в которой лупила что есть мочи рота невидимых барабанщиков.

Потемнело как в грозу. Копляк посмотрел на Цитадель и замер: над нею, поднимая в воздух прошлогодние листья и лежалый снег, закручивался титанический вихрь.

Болела голова, а во рту было мерзко, как после отвальной пирушки в Академии. Ректор заблокировал тогда противоположную магию, как он поступал на всех выпускных вечерах. По официальной версии, чтобы дипломированные маги не привыкали пить без последствий. По мнению вчерашних студентов — из присущей ему зловредности и зависти к их молодости. Точно так же Лиза чувствовала себя, когда пробудилась после укола старого бандита Ивана Иваныча. Изгнанные магистры, неужели нельзя найти иного средства, чтобы её усыпить? Не такого злого, более бережного, что ли? Зачем они её усыпляли, если она и так в их полной власти? Какую ещё гадость они задумали в этот раз?!

— Как вы себя чувствуете, сударыня?

Лиза открыла глаза. Нынче всё было иначе. Ни зеркала на потолке, ни противного больничного запаха, но, самое главное, вместо Марата рядом стоял совсем другой человек. Седой старичок в белом халате и белой же шапочке смотрел на Лизу сквозь очки в тонкой серебряной оправе.

— Вы меня слышите, милочка?

Какой странный акцент... Что? Милочка?! Так он ничем не лучше Марата! Лиза задыхнулась от ненависти.

— Я вам не милочка и не зайчика!.. — прошипела она в лицо старичку ...и вдруг поняла, что свободна.

Свободна!

Лиза села прямо. От резкого движения потемнело в глазах, но это было уже неважно.

Они ошиблись. Они думали, она всё забудет? Она увидит новое помещение, новых людей вокруг, и станет белой и пушистой?!

Она огляделась. Обычная большая комната, уставленная обычной офисной мебелью. Люди, трое, кроме старичка, смотрели на неё с опасливым любопытством, ауры их светились злорадным торжеством. Рано радуетесь!

Лиза втянула ноздрями воздух. Он пах давним страданием, войной и толстыми стенами. Они хотят остановить её уложенными в несколько рядов кирпичами? Сейчас она покажет, как глубоко они ошиблись!..

Она сложила ладони вместе и вытянула руки перед собой, а потом немного развела их в стороны. Между ладонями загорелся клубок бледного пламени.

— Что вы делаете, сударыня? — старичок с удивительной для его возраста сноровкой отскочил в сторону. Один из мужчин, военный или охранник, если судить по грязно-оливковой униформе, потянулся к кобуре.

— Наслаждаюсь жизнью, — любезно ответила Лиза.

С клубка сорвалась зелёная искра и ударила охранника в грудь. Он застыл, окутался на мгновение призрачным сиянием и упал.

— Не хочу, чтобы в меня стреляли, — столь же вежливо сообщила Лиза. — Я уже пробовала, мне не понравилось.

Головная боль вступила с утроенной силой. Лиза стиснула зубы. Вот что бывает, если долго лишён возможности колдовать: начинаешь забывать, что в силах излечиться в один миг! Лиза шепнула простенькое заклинание, и голова прояснилась. Лиза развернула левую руку ладонью вверх, пламенный клубок повис над ней на высоте двух пальцев. Правую руку Лиза протянула в сторону — и взяла из воздуха бокал с ледяным апельсиновым соком.

— П-п-приятного аппетита, — стуча зубами, проговорил старичок.

Лиза улыбнулась. Смелый! Это ему не поможет. Никто в ста парсеках вокруг не посмеет называть её милочкой или солнышком.

— Вы не понимаете, мадемуазель!..

Лиза обернулась. В комнате был ещё один человек, его она не заметила сразу. Высокий, широкоплечий, губы его кривила слегка снисходительная улыбка.

— Ваши проблемы, — сказала Лиза. — Значит, плохо объяснили.

Хватит! Пора прекращать этот балаган. Лиза тряхнула кистями.

Сила, которую она копила во время обмена бессмысленными репликами, рванула наружу.

...Вихрь над Цитаделью покрылся сеткой молний. Они двоились и троились, меандрировали, били одна за другой в землю, и всё это в тишине. Гудели клаксоны, свистел ветер, переругивались между собой водители, улица была полна обычными звуками, но ни разу не гроыхнуло, словно и не гроза...

А гроза ли это?

— Матерь божья!..

Водители один за другим бросали разборки, задирали головы, смотрели.

Кажется, удивительный торнадо стянул к себе все варшавские облака. Небо над остальным городом, в какую сторону не посмотри, сияло голубизной, и только над цитаделью теснились чёрные тучи. Они накрыли вихрь шляпкой чудовищного гриба, росли, клубились и медленно закручивались.

— Смотрите, смотрите! — закричал кто-то позади Збыслава. — В другую сторону!

Тучи, наплевав на законы природы, бежали вокруг вихря, но в противоход ему. Граница, где воздушные потоки встречались, бурлила и светилась багрово-красным, как остывающий сварной шов.

Заныло в затылке, навалилась слабость. Чтобы не упасть, Збыслав привалился к машине. С ним так бывало иногда при переменах погоды. Давление, по утверждению знакомого эскулапа.

Гриб над Цитаделью рос, тьма сгущалась, туманила сознание липкая дурнота. Поднимался из желудка едкий пузырь. Скоро он лопнет и тогда...

Громыхнуло! Нарыв, который зрел над Жолиборским холмом, лопнул. Молнии обрели голос. Грохот больно ударил по барабанным перепонкам, зато отступила дурнота. Ослепительные стрелы срывались с изнанки гриба и колотили, колотили непрерывно в красные кирпичные стены, в брусчатку, в дорогу, в фермы Гданьского моста. От мощного разряда окутались неземным светом и взорвались Врата Обречённых, наполнили воздух осколками.

Оглушение постепенно проходило, Збыслав очнулся. Выдрал застрявший в двери его «Мерседеса» кривой камень, отбросил — и зашипел от боли. Горячо-то как! Сделал два шага, зачерпнул снега обожжённой ладонью. Вернулся к машине, завёл и помчался прочь — прямо по заснеженному газону, и плевать на полицию! В голове сидела одна мысль — пробитую дверь откажут ремонтировать по страховке, придётся искать деньги, а откуда они у него после отпуска?

Вокруг творился форменный ад. Горели автомобили, метались люди. Впереди на дорогу рухнуло расколотое молнией дерево, и Збыслав едва успел вывернуть руль, чтобы не врезаться в почерневший, дымящийся ствол.

Теперь молнии резали пространство слева и справа, как при бомбёжке. Одна из молний ударила в висленский лёд; к небесам поднялся столб пара и ледяного крошева. Мерседес бросало из стороны в сторону. Наконец Збыслав перескочил бордюры и вырулил на дорогу.

Скоро локальный Армагеддон остался позади. Збыслав сбросил скорость, и в этот миг его догнал финальный аккорд: центральные перекрытия Гданьского моста с шумом обрушились в Вислу, и река глянула на столицу щербатой ухмылкой мостовых опор.

Из Управления позвонили, когда Викентий Казимирович ещё спал.

— Срочная почта из главупра, — доложил оперативный дежурный.

Кот сел на кровати, с завистью посмотрел на спящую Наталью. Почему он не пошёл в маги или, хотя бы, в художники? Был бы сам хозяин своего времени, и мог бы спать целыми сутками, правда, тогда он умер от скуки.

Наскоро перекусил позавчерашней гречкой. Наталья кошеварила нечасто и просто, но от души и обильно. Генерала это устраивало, холостяцкая жизнь приучила ценить малое.

Гречневая каша с детства была его любимым блюдом. Он готов был есть её с маслом, с молоком, с мясной или овощной подливой, с мясом или курицей. С рыбой или огурцами, с хлебом или вообще без ничего. В душе посмеиваясь над самим собой, Кот признавал, что согласен трескать даже сухую крупу — если уж совсем ничего другого не будет.

Служебная машина ждала под окнами. Через семь минут, — город в честь выходного дня и зимы как вымер, — Викентий Казимирович уже открывал двери Управления.

Возле дверей его кабинета мялся невыспавшийся начсвязи с толстой папкой в руках.

— Здравжла, — буркнул начсвязи, завидев генерала.

— И тебе того же, — ответил Кот, пожимая подчинённому руку. — Давай, что там?

Начсвязи вынул из папки сложенный вдвое рулон бумаги, дождался росписи в журнале и, ещё раз козырнув, удалился.

Викентий Казимирович бегло просмотрел сопроводилровку. Статья некоего Збыслава Копляка, опубликованная вчера в одной из варшавских газет. Фотокопия оригинала и отдельно перевод на русский язык. Ничего ДСП, кроме приписки Сергея Ивановича — «Коту: Прочитать и сделать выводы».

Первым делом Викентий Казимирович заварил себе шу пуэр. Поскольку статья опубликована в общедоступной газете, не случится ничего страшного, если он потеряет немного времени. Зато голова будет ясная, кроме того, Кот любил пуэр, чай приводил его в хорошее расположение духа. Как известно, начальственные поручения лучше всего исполнять без раздражения и агрессии. Всем лучше будет.

Итак, что приготовили нам братья-славяне?

«Медведь встаёт на дыбы, или Зверь с востока».

Викентия Казимировича передёрнуло. Уж если у статьи такое название, то чего ожидать от содержимого?

Впрочем, начал пан Копляк с дифирамбов. Поделился восторгом по поводу Великих — Достоевского, Толстого, Чехова, Мусоргского, Глинки. Восхитился достижениями русской культуры, в особенности культуры в изгнании. Рассказал, какие хорошие, даже замечательные люди живут в России, как тепло его принимали в годы работы в московском корпункте, сколько у него осталось друзей, и прочее, прочее, прочее...

После политкорректной обязательной программы журналист перешёл к делу, а именно обличению антинародного режима. Здесь он тоже не придумал ничего своего, обошёлся стандартными страшилками про падение экономики, ужасную экологию и коррумпированную медицину, про наворованные высшими чинами миллиарды, про отмывание денег на «стройках века» и зажим оппозиции.

Кот отложил распечатку. Странно, чем статья могла заинтересовать Сергея Ивановича, человека очень умного и искушённого? Подобных опусов Викентий Казимирович читал не один десяток. Отличались авторы, набор великих имён, но идея всегда была одна: в очередной раз российскому народу не повезло с руководством. И как резюме — неплохо бы продвинуть наверх других людей. Более либеральных и демократических. При этом, — как мечта, не всегда осознаваемая и вербализованная, но всегда заветная, — более покладистых.

Ладно, отставить лирику. Приказы начальства не обсуждаются, но принимаются к первоочередному неукоснительному исполнению.

«Всё бы ничего, — писал далее пан Копляк, — если бы Россия, как тридцать и сорок лет назад, отгородилась от Свободной Европы железным занавесом и признала своё важное, но небольшое место в современном мироустройстве. Имманентно присущий европейцу гуманизм плачет от жалости, но должны ли мы вмешиваться в чужую жизнь? Народ имеет право самостоятельно выбрать вождя, а уж куда этот вождь их приведёт... не наша ответственность».

Викентий Казимирович в восхищении покрутил головой. Какое простодушное лицемерие!

«К сожалению, — продолжал пан Копляк, — нынешняя Россия встала на путь экспансионизма. Примеров тому множество, а последний — воистину вопиющ!

Седьмого января варшавяне были взбудоражены невероятным зрелищем...»

Вот оно! Кот откинулся в кресле. Седьмого января джинн выбрался из кувшина и, как он и рассчитывал, навёл шороху. Из прогноза выпадало только место. Зачем европейцы дожидались пробуждения Лизы практически в центре Варшавы? Неосторожно. С другой стороны, откуда им было знать?..

«...невероятным зрелищем. Не вижу смысла описывать его в подробностях. Во-первых, не заметить того, что происходило, мог только слепой. Во-вторых, в сети размещено множество фотографий, видеороликов и рассказов очевидцев, и к ним вряд ли возможно что-то прибавить. Важнее суть, к ней мы и переходим.

Многие знают историю чудесной русской целительницы Лизы, арестованной без суда и следствия российской госбезопасностью. Все мы были возмущены этим бесчеловечным актом, подобные которому давно уже стали визитной карточкой российской власти. Все, наверное, помнят всемирное движение за освобождение мужественной женщины из мрачных застенков, тем более, это случилось совсем недавно. Волна возмущения была столь высока, что репрессивная машина российского государства не выдержала. Целительницу освободили.

Это внешняя канва, то, как воспринимались события добропорядочными европейцами, не привыкшими к коварству и хитроумности наследников КГБ».

Викентий Казимирович отхлебнул чаю. Затейливо излагает пан, он даже зачитался, и вот результат — остыло. И что теперь с ним делать, выливать? Пить холодный шу пуэр — грех. Добавлять в заваренный чай кипяток — тоже грех, но уже не столь смертельный.

Долив чашку, Кот вернулся к чтению.

«На самом деле, — перешёл к срыванию покровов пан Збыслав, — всё совсем иначе.

Нам известны разные виды российской агрессии. Например, военная, энергетическая или культурная, к которой относятся, в частности, продвижение книг, фильмов или песен на русском языке или российского производства. Совсем недавно мы стали свидетелями российской кибернетической агрессии, последствия которой ещё не преодолены.

Я утверждаю и берусь доказать, что россияне ввели в действие новейшее и удивительнейшее оружие экспансионизма, а именно — агрессию магическую!»

От неожиданности Викентий Казимирович поперхнулся. Поляк оказался не так прост, как это показалось вначале. Одним глотком допив пуэр, Кот впился взглядом в распечатку.

«Лиза — целительница, у которой не было неудач. Вы, уважаемые читатели, можете в это поверить? Любой врач может ошибиться в диагнозе или пропустить какую-нибудь мелочь. Мы люди, а людям свойственно ошибаться. Лиза не ошиблась ни разу. Вы ещё не заподозрили неладного?

Местом для пресс-конференции Лизы выбрали Варшавскую цитадель. Кто принимал это решение? С кем советовался? Нет ответа, зато есть результат. Произошёл чудовищный, необъяснимый наукой катаклизм, который не только уничтожил святой для каждого поляка символ стойкости и сопротивления завоевателям, но и полностью дезорганизовал работу штаба сухопутных войск Войска Польского. К счастью, обошлось без жертв.

Это боевая магия, у меня нет иного объяснения. Под видом «целительницы Лизы» россияне отправили нам магическую бомбу, которую и подорвали в удобный момент, и какая разница, что эта бомба имела вид красивой молодой женщины?

Почему Россия? Это очевидно. Недавние события выгодны только России. Медведь снова встанет на дыбы, тянется оскаленной пастью к нашим ценностям и идеалам. Ныне в его лапах магия, и хотелось бы задать вопросу правительству и Президенту, что они...»

Кот отложил статью в сторону. Дальше неинтересно, дальше обычные заклинания про сдерживание и противодействие, которыми переполненные западные СМИ.

Загудел телефон — прямой вызов из Главного Управления. Связаться с ним по этой линии мог один человек — начальник Главного Управления, Сергей Иванович.

Кот снял трубку:

— Здравия желаю, господин генерал-полковник.

— Доброе утро. Прочитали?

Несмотря на то, что защитой линии занимались лучшие специалисты, самые важные вопросы Сергей Иванович предпочитал обсуждать лично. Значит, генерал-полковник готов к разговору без подробностей.

— Прочитал, Сергей Иванович.

— Что думаете, Викентий Казимирович?

— Он довольно смышлён, — ответил Кот, — но не сказал ничего нового. Мы виноваты всегда, даже если мы вообще ни при чём.

— Выводы? — поинтересовался генерал-полковник.

— Если коротко... — Кот помолчал, формулируя мысль. — Не стоит и стараться, Сергей Иванович.

— Я тоже так подумал, — сказал начальник. — Хорошо, детали при личной встрече. Отбой, Викентий Казимирович.

Кот положил трубку. Пусть гипотетический шпион, подслушавший их разговор, гадает, что именно прочитал генерал Кот, кто такой этот смышлённый «он», и почему не стоит стараться. Хотя, если рассудить здраво, Сергей Иванович дует на воду. Может быть, это и правильно. Начальству всегда виднее.

Первым, что Лиза увидела, очнувшись, был большой чёрный таракан. Он медленно полз по сырой каменной стене.

Лиза лежала, скорчившись, на ледяном полу. Было очень холодно, пар от дыхания оседал на воротнике блузки. Ещё и таракан!..

Встать бы да прибить гадкую тварь, но не было сил. Язык, и тот с трудом ворочался во рту. Лиза поджала ноги: тепло следовало беречь. Магии осталось мало, большая часть накопленного сгорела в запущенном ею вихре сил.

Дурёха ты, Лиза, дурёха! Разве можно настолько давать волю злости? Нет, чтобы подумать головой...

Таракан замер. Передние лапки его подёргивались, насекомое пыталось двигаться вперёд, но уже не могло: кончик брюшка и задние лапки покрылись инеем и прилипли к стене. Таракан не понимал, что замерзает, его не грыз страх. Неразумным всегда проще.

Лиза со стоном поднялась на ноги. Дальше сидеть бессмысленно, магия не вернётся сама, её надо искать, решить бы только, в какую сторону идти. Когда магический вихрь лопнул, от избытка энергии в точке приложения сил, то есть там, где была сама Лиза, возник спонтанный портал. В него она и провалилась, куда — неясно. В одном только она не сомневалась: здесь тоже зима, причём лютая. Но это — не самое страшное, что может случиться с магистром? Вот магия... где взять магию? Без неё долго не протянуть. Похоже, портал сожрал магию и здесь тоже. В который раз Лиза обругала себя дурой. В теории порталов она откровенно плавала, хотя и умела подвесить переход между двумя известными точками, если они отстояли не слишком далеко друг от друга.

Если же подумать... Сильно помогла бы ей теория без знания старта и финиша! А раз так, то зачем казнить?

Переборков отвращение, Лиза тронула таракана пальцем. Насекомое не шевельнулось, оно превратилось в ледышку, и вокруг успел нарасти лёд. Лиза поёжилась. Как-то уж слишком морозно здесь, и быстро холодает. Надо идти, пока холод не вытянул из неё остатки сил.

Слева от замерзшего насекомого в стене угадывалась арка — низкий полукруг черноты на фоне тьмы. Оттуда очень слабо тянуло свежим воздухом, значит, это была не просто ниша в стене, а проход. Куда? Неизвестно, но лучше куда-то идти, чем лежать на этом леднике. Так и простыть можно...

Лиза огляделась. Выщербленная кладка стен, непроницаемая тьма в углах, низкий потолок из того же камня. И слабый свет... Откуда он? Она не заметила ни щелей, ни смотровых окошек, просто темнота почему-то немного уступила, отошла на время в сторону.

Да вот же! Кажется, её сильно приложило по голове, раз она не видит очевидного.

Сверху, на ладонь от лизиней головы, тлел крохотный шарик. Маленький магический огонёк — часть её собственной магии. Придя в себя и обнаружив, что вокруг абсолютная темнота, она неосознанно зажгла фонарик — чтобы видеть хоть что-то. Лиза немножко поругала себя за расточительство и убавила свет. Неизвестно, сколько ей блуждать, силы нужно экономить.

Почти ничего не изменилось. Осторожно выставив вперёд руку, Лиза сделала первый шаг, второй, потом нырнула под арку прохода.

Стало светлее. Сначала Лиза не поняла, в чём дело, и даже остановилась в нерешительности, потом усмехнулась. Свод тоннеля, а она попала в низкий и приземистый тоннель, покрывали мириады ледяных кристаллов. Свет фонарика многократно отражался от их граней, дробился, и казалось, что светятся сами камни. Это было хорошо, и Лиза ещё на волосок убавила мощность заклинания, после чего решительно зашагала вперёд.

Тоннель наполнил шорохи. Крысы?! Нет, изморозь покрывала не только свод, но и пол тоннеля; с каждый шагом Лиза ломала тысячи нежных ледяных игл. Разрушаясь, они и производили шорох.

Свет фонарика доставал на три или четыре шага вперёд, а дальше царил темнота. Какие опасности таились в ней? Лиза старалась не думать об этом, она просто считала шаги. Десять, двадцать, сто, тысяча... Ничего не происходило, тоннель уходил вперёд прямой как стрела. Подумав, Лиза погасила свет. Идти она может и так, на ощупь. Если же в темноте прячутся монстры, то как ей поможет слабый огонёк над головой?

Сто шагов, ещё сто шагов, тысяча шагов... Вторая тысяча, третья. От темноты и отсутствия впечатлений Лиза впала в дрему. Перед глазами крутились обрывки картин, лица людей, всех, кто встретился ей в жизни. Тех, кого она помнила, кого давно забыла и кого мечтала забыть. Мелькнули давно пропавшие родители, пришёл, опираясь на палку, и присел в уголке шеф, падала, схватившись за грудь, Дромария Дракон, сморкался и кашлял в бороду волшебник Антон. Длинной чередой прошли местные пациенты. Высушенной рыбиной всплыл облик Иван Иваныча. Бандит хмурил брови, кривил тонкие сухие губы, но в его глазах стояла тоска. Потом появился Серёжа и бесшумно пошёл рядом, слева от неё. Справа оказался Марат.

«Не хочу!», — сказала ему Лиза.

«Я хотел помочь, золотце, — пожал плечами недавний мучитель, — одна ты пропадёшь

в этих коридорах. Тебе так нужна забота!»).

— Сгинь с глаз! — вслух закричала Лиза.

— Глаз... глаз... глаз... — многократно повторило эхо.

Эхо? Лиза открыла глаза.

Тоннель остался за спиной. Перед ней лежал огромный зал. Его стены терялись в лиловой дымке. Там и сям вверх вздымались колонны. Лиловый свет сочился сверху, с невидимого потолка. Между колоннами, в строгом геометрическом порядке лежали какие-то бруски или ящики.

— Бруски... — зачем-то сказала Лиза. Наверное, чтобы ещё раз услышать свой голос. — Сейчас проверим, что это за бруски!

— Бруски... бруски... бруски... — рассыпалось отражениями эхо.

Вперёд и вниз вела мощёная дорожка. Чем ниже спускалась Лиза, тем более нагревался воздух, и скоро стало, как летней ночью на морском побережье. Лизе даже почудились плеск волн и шум ветра в кронах кипарисов. Не хватало только звёзд.

Она посмотрела вверх. Над головой клубился лиловый туман...

Расстояние и обстановка обманули её. То, что сверху выглядело небольшим, на деле оказалось огромным. Размером каждый брусок был примерно с морской контейнер. Их стены покрывал полированный камень. Подойдя ближе к одному из «контейнеров», Лиза увидела в каменном зеркале своё отражение.

Одну из облицовочных плит на торце «контейнера» покрывали знаки. Угловатые, вырезанные в камне символы складывались в слова на неизвестном языке. Две строки, короткая верхняя, длинная нижняя. Лиза протянула руку и коснулась плиты кончиками пальцев...

«ААРНАМ ГОБАТША, — объявил в голове бесплотный голос. — КХАНУИ ДЕТРА ОДЕСТРА МИТРАИ КХАМ ГЛАДАОРГХ АТРОЧОХК». Буквы вспыхнули, и Лиза сквозь надпись провалилась в стену.

Небольшую камеру наполнял приглушённый свет потолочных ламп. Посредине стоял гроб. Под прозрачной крышкой лежало существо, лишь отдалённо напоминавшее человека. Огромные глаза под чешуйчатыми веками, лицо без носа и подбородка, два длинных клыка, торчавшие в углах жабьей пасти. Как саваном, существо укрывали его собственные кожистые крылья.

Склеп. Она попала на кладбище.

Лиза наклонилась над гробом. «ААРНАМ ГОБАТША», — торжественно повторил голос в голове.

Когда и где жил неведомый Аарнам Гобатша? Кем он был, Лиза поняла сразу: — магом. Магия в склепе достигала невероятной, чудовищной концентрации, и источником этой магии служило крылатое тело в гробу.

Лиза закрыла глаза и мысленно потянулась к силе. «Прости, Аарнам Гобатша, я возьму совсем немного, — подумала она. — Мне нужнее».

Чужая сила хлынула в неё потоком, сминая преграды, снося защитные бастионы! Это не Лиза качала, это мёртвый маг вбивал в неё силу. Такому напору бесполезно сопротивляться. Лиза вспомнила кормление в лаборатории Марата — почти то же самое, только Марат насиловал её желудочно, а Аарнам Гобатша — ментально.

Через минуту всё кончилось. Лиза отступила к стене — и выпала наружу. В последний миг, когда меркли лампы, ей почудился смешок в голове: «Ко мне редко заходят, — сказал

Аарнам Гобатша. — Владей и спасибо за удовольствие!»

Потеряв счёт времени, она долго бродила среди могил. Теперь, когда Аарнам Гобатша восстановил её силы, её не волновали уже ни голод, ни жажда, ни усталость. Слева и справа границы кладбища терялись в тумане. Многие тысячи великих магов ждали собеседников в тишине своих склепов. Лиза без труда читала имена и даты, вслушивалась в перечисление их величайших подвигов.

Здесь лежали разные существа. Такие, как Аарнам Гобатша, а он, при всех отличиях, был очень похож на человека. Две ноги, две руки, пусть даже они превратились в крылья, одна голова. И всяческие иные. Пернатые змеи, бронированные черви в золотых латах, кошки с собачьими головами, псы на лапах пауков, двухголовые рыбы, просто облака тумана.

Всё они стали тлен, сама память о породивших их народах рассыпалась в пыль. Сначала Лиза пыталась считать ряды могил, но сбилась. Какая разница, сколько тут их, зависших между смертью и небытием? Гораздо важнее был ответ на другой вопрос: кто собрал их тут? Кто создал этот немыслимый город мёртвых? Откуда он взял силы для этой работы, и что будет, если эти силы вырвутся на свободу?

Иногда Лизе казалось, что она тоже умерла, что разбуженная ею стихия убила её, и что портал на самом деле не спас, а просто перенёс её к месту погребения. Ещё сто или двести шагов, ещё дюжина рядов, и она увидит пустой склеп, на котором будет написано: «Лиза Жюф, разбудила неподвластные ей силы, и те пожрали её». Тогда она ляжет в гроб, и прозрачная крышка отрежет её от мира.

Ну, нет! Не дождётесь, она ещё слишком молода!

Лиза повернула и пошла вглубь кладбища. Оно обязательно должно кончиться. У всего, что имеет начало, существует конец. И раз она вошла в это царство мёртвых, то может и выйти. Главное, идти в правильном направлении и никогда не поворачивать назад!

Она начала уставать, когда её лица коснулся свежий ветер. Лиза прибавила шаг. Скоро она увидела вдалеке стены, они приблизились, сбежались вместе, и теперь их разъединяла узкая трещина с неровными краями. Оттуда пахло водным пространством. Лиза решительно вошла в неё.

Создатель кладбища не стал её мучить. Прямоугольные каменные блоки, из которых были сложены стены кладбища, быстро сменились скальным монолитом. Несколько поворотов, и Лиза вышла на пляж, покрытый чёрным вулканическим песком. Слева и справа пляж ограничивали скалистые мысы.

За пляжем начинался океан. Далеко впереди, на горизонте, рождались валы. Они приближались, росли, один за другим накатывались на песок и с шипением отступали. Над водой повисло низкое серое небо.

Несколько обломков лежали отдельно, на грани прибоя. Океан выломал их из скал и гладко облизал, превратил в полукруглые валуны. Лиза сбросила кроссовки, села на один из валунов и опустила ноги в воду.

Только сейчас она поняла, насколько устала!

Вода была не тёплая и не холодная, никакая. Зато волны сбивали её в пену, и эта пена нежно щекотала натруженные ступни. Она посидит здесь немножко, сказала себе Лиза. Может же она отдохнуть, прежде чем... Что? Лиза решила пока не отвечать на этот вопрос.

Это было неправильное море. Не кричали птицы, не свистел ветер. Лиза зачерпнула воду рукой, лизнула: пресно. Очень странное море, впрочем, и само место обыкновенным

тоже не назовешь...

— Мря-а-у!

Тёплый шерстяной бок коснулся её ноги.

— Мя-ааа!..

— Мяусей! — Лиза не поверила глазам. Мяусей, их с Виктором уникальный кот-трёхцветка. Знакомые не верили, говорили, что так не бывает, ветеринары качали головами и говорили непонятные слова. — Откуда ты здесь взялся, Мяусейце?!

Перед отпуском Виктор отнёс кота к знакомым. Мяусей у них уже бывал и отнёсся к переезду спокойно. И вот он — здесь. Как такое вообще возможно?

— Мря, — ответил кот, запрыгнул Лизе на колено, оттуда — на плечи, улёгся и заурчал.

Пушистый хвост елозил по лицу, шерстинки лезли в рот и нос, но Лиза не сердилась. Маленькое неудобство — разве это плата за радость? Мяусей стал окошком в привычное прошлое, фотографией семьи, которую принесли в камеру несправедливо осуждённому. Ещё Мяусей был лучом надежды: раз он смог попасть сюда, значит, есть и обратная дорога. Лиза стащила кота с плеч, расцеловала от прилива эмоций в розовый нос, подняла над головой.

— Мяу, — жалобно сказал Мяусей.

— Какой ты лёгонький, — нахмурилась Лиза. — Отощал, бедняжка. Жрать, наверное, хочешь?

Жрать Мяусей хотел.

Едва Лиза произнесла это слово, он задёргался в её руках и заорал как заполошный.

— Вот дурной! — охнула Лиза и выронила кота. — Больно же!

Пока Лиза лечила ободранные Мяусеем руки, кот ходил вокруг неё, задрвав к небу хвост, и голосил: «Уя-а-у!.. Уя-а-у!..».

— Что же тебе такого дать? — задумалась Лиза. Кот успокоился и сел, с надеждой глядя на неё.

— Рыбки? — спросила Лиза. — Интересно, водится тут рыбка?

— Муа... — пропел Мяусей. Ему тоже было интересно.

Над морем парили какие-то птицы или существа, похожие на птиц. Должны они чем-то питаться? Не может быть, чтобы они летали просто так. Это человек может заниматься чем-то для удовольствия, звери всегда рациональны, когда не играют. Вряд ли эти «птицы» играли. Лиза видела, как кувыркались, играя, в воздухе вороны. Ну, совсем непохоже.

Когда-то давно Виктор вывозил её на рыбалку, так что Лиза примерно представляла, как это делается. Она сплела заклинание памяти, вспомнила — в деталях! — удочку и сотворила её.

Снасть вышла на загляденье. Длинная, гибкая, с навороченной катушкой, красивыми колечками вдоль удилица и удобной пробковой ручкой. Была даже этикетка производителя с маркой и ценой, только Лиза их не запомнила, поэтому буквы и цифры не складывались в слова. На катушку была намотана леска красивого изумрудного цвета, на её конце висела блестящая шгучка.

— Забыла, — обратилась Лиза к коту, — как твой хозяин называл эту железку. Точно знаю, что не крючок. Видишь, их тут три? Ты не знаешь?

Мяусей озадаченно посмотрел на неё голубыми глазищами. Он не знал.

— Мряу! — высказался он в том смысле, что какая разница? Обещала рыбу? Поторопись.

— Тройник! — вспомнила Лиза. — Сюда наживку сажают. Сейчас, Мяусей, потерпи

ещё немножко.

Сказано — сделано! Лиза вызвала из небытия наживку. На песок упала круглая жестянка из-под кошачьего корма. В ней копошились длинные розовые червяки. Мясусей, который при виде знакомого предмета оживился, понюхал червяков, фыркнул и стал с оскорблённым видом загребать песок. Закапывать.

— Но-но, — строго сказала Лиза, отбирая червяков. — Нечего нос воротить. И вообще, это не тебе.

Она без труда могла вызвать миску с курятиной или сосиску, но у кошек с пищей свои взаимоотношения. Магистра с два их заставишь трескать то, что создано магией. Только натуральное!

Теперь одного из червяков следовало насадить на тройник. Это удалось не сразу. Во-первых, противно, во-вторых, червяки были плотные и резиновые на ощупь и не хотели протыкаться жалами тройника. Промучившись несколько минут, Лиза к тройнику червяка просто привязала. Можно подумать, рыбе не всё равно.

Клюнуло сразу. Сначала Лиза подумала, что крючки зацепились за камень, но быстро осознала ошибку. Нечто, сидевшее на том конце лески, дёргалось и кидалось из стороны в сторону, зло стучало в ладони. Камни не сопротивляются, верно?

Лиза закусила губу и потянула удочку на себя. Удилище согнулось в дугу. Лиза, забыв все давние наставления о вываживании рыбы, ожесточённо крутиларучку катушки. Леска дрожала и пела, потом удилище резко разогнулось, из воды вылетело бесформенное нечто и плюхнулось на берег у Лизы за спиной.

Мясусей выгнулся дугой и зашипел, распушился, и стал похож на щётку для мытья авто. Вот только не бывает у щёток таких сумасшедших глаз и такой оскаленной пасти!..

Лиза с опаской подошла к добыче. Среди чёрной гальки, облепленное чёрным песком, ворочалось существо, похожее одновременно на щуку, осьминога и большого омара. Существо пучило десяток глаз, разевало пасть, истыканную сотнями острых как иголки зубов, вяло шевелило щупальцами и щёлкало клешнями. Тело его дрожало как желе, и по нему бродили разноцветные пятна.

Ну и страшилище! Вдруг оно ядовитое? Пожалуй, Мясусей откажется такое есть.

Взъерошенный кот подобрался к добыче и осторожно понюхал её. Тварь приподняла клешни и щёлкнула зубами, и тут случилось такое, чего Лиза никак не ожидала от ласкового домашнего любимца. Мясусей утробно зарычал и нанёс молниеносный удар лапой. Внутри твари что-то хрустнуло, и она затихла. Кот ударил существо ещё раз, а потом с видимым удовольствием принялся его поедать.

...Здесь не было ни ночи, ни дня, а только вечные сумерки. Пессимист назвал бы их вечерними, но Лиза предпочитала считать здешнее время ожиданием рассвета. Приятнее думать, что облака вот-вот разойдутся, и в чистой лазури появится солнце, и все беды останутся за спиной, и впереди будет только радость.

Лиза просыпалась, сгоняла с себя отъевшегося Мясусея, умывалась среди скал, стараясь не заходить глубоко в воду. Стоило ей вернуться на берег, кот начинал требовательно мяучить и путаться под ногами. Лиза доставала удочку и добывала завтрак. Осьмимар, так она назвала это существо, на вкус напоминал телятину в кислом соусе. Лиза разводила магический костёр и готовила еду. Насытившись, она уходила внутрь горы, бродила среди склепов, читала имена и слушала рассказы о деяниях, случившихся неизвестно где и неизвестно когда.

Тоннель, по которому она пришла на кладбище, бесследно исчез. Лиза решила было, что во время блужданий первого дня ушла слишком далеко от его устья. Она совершала походы то влево, то вправо, с каждым прожитым здесь днём уходила всё дальше, но стена длилась и длилась, словно насмехаясь. Устав, Лиза возвращалась к океану. Это происходило гораздо проще. В стороны кладбище простиралось бесконечно, но глубина его составляла всего шесть дюжин рядов. Трещина, ведущая к пляжу, всегда обнаруживалась там, где Лиза проходила мимо последнего, шестидесятого ряда склепов.

Сначала эти геометрические выкрутасы Лизу занимали, потом стали надоедать. Она знала единственный путь наружу, и вот он пропал. Сверху океан и гору с кладбищем накрывал непроницаемый для магии купол; Лиза, сколько не старалась, не могла пробиться наружу — ни мыслью, ни взглядом. Искатели возвращались, виновато поджимая лапки.

Она попыталась прорваться по воде. Создала катер с полными горючего баками и помчалась в открытое море. Берег и гору сзади поглотил туман, туман был везде: и слева, и справа, и впереди, только туман и волны. Потом туман впереди рассеялся, и Лиза увидела знакомый и ненавистный чёрный пляж.

Катер Лиза сожгла в полосе прибоя. Два часа столб пламени поднимался к небесам, два часа жирная копоть осаждалась на гальку и песок, но наутро пляж был чист.

С тоски Лиза принялась чудить. Она проложила через весь пляж подиум для дефиле и расставила вокруг него зеркала. Часами она гуляла между ними, нарядившись в самые вычурные, какие только могла придумать, наряды, или вообще нагишом, и рассматривала бесконечные ряды отражений. Скоро это наскучило, отражения делали ровно то, что и она, послушно повторяли все её движения и не проявляли инициативы. И зачем они тогда ей нужны?

Не будь рядом Мяусей, Лиза бы перестала умыться и чистить зубы и скоро совсем бы опустилась. Забота о коте придавала её существованию видимость смысла. Накормив Мяусей и кое-как перекусив сама, Лиза садилась возле костра и смотрела на огонь. Мысли исчезали, растворялись в пляске языков пламени. Урчал под боком Мяусей, и ей казалось, что на свете не существует и не существовало ничего, кроме этого пляжа, а прошедшая жизнь просто приснилась. Академия, работа в магической криминальной полиции, потерпевшие и преступники, грешники и святые, Виктор...

— Ну, ты и забралась, старуха! — сказал Виктор.

Виктор?

Лиза оглянулась. Да, это был он, такой же, как и в их первую встречу.

— Вик... — прошептала Лиза и свалилась в обморок.

— ...Я дважды почти добрался до тебя, — рассказывал Виктор, со вкусом поедая печёного осьмимара, — приходил, а тебя там уже не было. Что за странный обычай — не сидеть на месте, а прыгать стрекозой по камышу! Сначала была какая-то комната и какой-то чернявый хлыщ. Надеюсь, он не обижал тебя? Мне очень хотелось его убить...

Мяусей лежал у него на коленях и олицетворял собою Самого Счастливого Кота на Свете. Лизе на миг стало завидно: вот уж у кого никаких проблем — хозяева рядом и жратвы от пуза!

— Надо было убить, — сказала она.

— Да? Жаль, я не сделал этого сразу, теперь вряд ли получится, — Виктор задумчиво почесал подбородок. — Второй раз я сунулся — и сразу сбежал обратно. Там было такое, такое!.. Я даже подумал, что потерял тебя навсегда.

— Стой, подожди, — не поняла Лиза. — Почему теперь вряд ли получится его убить? Вернёмся и убьём! Я с удовольствием тебе помогу, даже нет, я сама его... Что ты на меня так странно смотришь?

Виктор вытер руки крахмальной салфеткой — Лиза ради такого случая создала самые красивые столовые приборы, какие смогла вспомнить — и спросил:

— Ты знаешь, как это всё, — он обрисовал рукой круг над головой, — называется? Вот это место?

— Нет, откуда? — удивилась Лиза. — А что?

Виктор вздохнул.

— Я тоже не знаю точно, — сказал он, — но есть одна легенда...

Он смотрел так печально, что Лиза поняла: ничего хорошего она не услышит. Так и оказалось.

— ...Оттого его называют Некрополь богов, — закончил рассказ Виктор. — Величайшие из величайших магов не умирают, но уходят туда, откуда нет возврата. Там никогда не восходит солнце, там лежит безбрежный океан из слёз, и в чёрной скале без входа и без выхода лежат боги. Похоже?

Лиза поёжилась. Картинка была один в один, а о том, что в скале есть на самом деле вход, знает только она — и вот теперь Виктор.

— Вот объясни мне, — сварливо спросила она, — какого демона ты сюда припёрся, если отсюда нет выхода? Если ты не знаешь дороги назад?

— Не подумал, — развёл руками Вик. — Ты была в беде, я так хотел к тебе... и потом, мне что, не надо было тебя спасать? Ты что, нашла себе тут какого-нибудь симпатичного мёртвого бога? Мы так не договаривались!

— Дурачок, — Лиза ласково взъерошила мужу волосы. — И что мы тут будем с тобой делать?

— Плодиться и размножаться.

— Ну, уж нет! — возмущилась Лиза. — Хочешь, чтобы наши дети всю жизнь провели на этом берегу?

— И внуки, и правнуки, — печально сказал Вик. — Согласен, перспектива не из приятных. Но я, всё-таки, твой муж, я должен быть рядом.

— Но ты точно не знаешь отсюда дороги?

— Почему? Знаю.

— Издеваешься?! — закричала Лиза. — Ты сам только что сказал — без входа и выхода!

— Я знаю дорогу назад, — повторил Виктор. — Уходя за тобой, я оставил якоря.

— Не понимаю!

— Только не нервничай и не ругайся, — заговорил Вик примирительно. — Знать-то я знаю, но это место не зря назвали Некрополь богов. Его окружает барьер, и мне в жизни не пробить его. Я же не бог...

Виктор замолчал. Лиза угрюмо пялилась в огонь, потом в раздражении погасила его. Вот облом так облом... Ну, Вик! Очнувшись после обморока, Лиза увидела родное лицо и уверилась, что теперь всё будет хорошо, а он по этой надежде сапожищами!.. Не бог он, видите ли. А кто бог?

Лиза упрямо тряхнула отросшими волосами. Нет, она этого так не оставит! Не намерена она доживать оставшиеся годы, валяясь на чёрном песке даже в компании Виктора и Мяусея. Она ещё слишком молода для пенсии.

— Пошли!

Лиза встала и протянула мужу руку.

— Куда?

— Увидишь, — нетерпеливо ответила Лиза. — Тут рядом.

Вик дёрнул плечами, но пошёл следом за ней. Возле скалы он схватил Лизу за руку:

— Что ты задумала?

— Нам туда, — Лиза кивнула на зигзаг трещины.

— Куда туда?!

Виктор переводил взгляд с Лизы на скалу и обратно. Брови его потихоньку поднимались выше и выше, в них росло недоумение.

— Внутрь, конечно, — сказала Лиза.

— Куда внутрь? — растерянно спросил Виктор. — Это просто камень. Я не умею проходить сквозь камень.

Он протянул руку и похлопал по пустоте, там, где Лиза видела разлом в скале.

— Это базальт, — Виктор показал испачканные пальцы, — просто грязный базальт.

— Тогда жди, — сказала Лиза и шагнула в трещину.

— Лиза!

Она обернулась. Вик стоял у пролома и испуганно смотрел в её сторону, но... мимо неё.

— Кто ты теперь, Лиза? — задумчиво сказал он.

— Магистр Лизавета Жюф, — сказала Лиза. — Я скоро вернусь, Вик. Мне над навестить одного бога.

Виктор её не услышал.

Аарнам Гобатша встретил Лизу удивлённым смешком:

«Я становлюсь популярным, — проявился в сознании его голос. — Человек Лиза, ты успела истратить всю магию? Так быстро?»

— Не в этом дело, — ответила Лиза. — Я хочу уйти отсюда. Для этого мне нужна сила, очень много силы. Где её взять?

«Зачем тебе уходить, если ты уже здесь? — засмеялся Аарнам Гобатша. — мёртвым незачем и некуда уходить».

— Я жива! — вздёрнула подбородок Лиза.

«Здесь нет живых», — мягко сказал Аарнам Гобатша.

— Я жива! — повторила Лиза.

Крылатый мертвец долго молчал. Лиза уже решила, что аудиенция закончена, но внезапно он заговорил:

«Когда-то давно, ты даже не можешь представить, насколько, — с неслышным вздохом начал он, — меня называли Грозой Запада, Зверем с Востока и другими столь же гордыми и страшными именами. Я правил половиной мира, и вторая половина уже готова была упасть к моим ногам. Я был на пороге победы, но враги объединились и дали мне бой. О, какой это был бой! Это одно из немногих воспоминаний, которым я разрешил тревожить мой покой. Так или иначе, но враги оказались сильнее, и я бежал. Я шёл зловонным болотом по единственно возможной дороге. Она привела меня сюда. Я понял, что умер, но гордость, — он снова вздохнул, — гордость заставила меня бороться. Я долго бродил среди могил, не веря, что это всё. Прошло время, много времени, я нашёл свою могилу и лёг в неё, потому что это было правильно. Ты тоже привыкнешь к тому, что умерла».

— Но я не помню, чтобы я умирала, — возразила Лиза.

«Никто не помнит своей смерти, — сказал Аарнам Гобатша. — Ты прошла Тропой Памяти, значит, ты умерла».

— Не помню никакой тропы, — сказала Лиза. — Был подвал, и был заросший инеем тоннель.

«У каждого своя Тропа Памяти, — заметил мертвец. — У меня было болото, у тебя — тоннель. Какая разница?»

— Это бессмысленный спор, — заявила Лиза. — Наверное, я имею право сама решить, жива я или уже нет.

«Значит, ты хочешь силу?» — не стал спорить Аарнам Гобатша.

— Да, и как можно больше.

«Хорошо», — сказал мёртвый маг и вломился в неё. Вернее, хотел вломиться, Лиза заметила его желание и поставила щит.

«Ты защитилась? — мертвец был потрясён. — От этого нельзя защититься!»

— Неважно, — сказала Лиза. — Где мне взять силу?

«Ты знаешь сама», — сварливо ответил Аарнам Гобатша и замолк.

— Спасибо, — сказала Лиза и покинула склеп мёртвого бога. Она внезапно обнаружила, что действительно знает.

Виктор вскочил при её появлении.

— Ты появилась прямо из стены, — обескуражено сказал он. — Как это у тебя вышло?

— Потом, — отмахнулась Лиза. — Пойдём скорее, надо найти Мяусея. Не хочу забыть его здесь...

Встреча восьмая. Шалаш в раю

Здесь тоже был океан, но настоящий. Лазурный, ультрамариновый, покрытый барашками пены и бликами солнца, восхитительно пахнувший солью и йодом. Лиза выронила Мяусея из рук и пошла к берегу, разбрасывая кроссовки и предметы одежды.

— Мы здесь одни, — запоздало сообщил Виктор, но Лиза успела раздеться догола. Ей даже в голову не пришло, что её может увидеть кто-то, кроме мужа. После месяцев в компании Марата и многих недель в Некрополе богов нагота стала для Лизы естественна и незаметна. Есть на ней что-то или нет, какая разница? Разве может это хоть на что-то повлиять?

Волна лизнула её икры, потом, осмелев, игриво погладила бёдра. Лиза решила не ждать, пока вода проберётся ещё выше и дальше, засмеялась и упала в океан.

Почему человек, живущий на берегу реки или озера, всё равно едет к морю? Чем солёная вода лучше пресной? Генетическая память заставляет вспоминать о соли в нашей крови, о тех временах, когда мы обитали в океане, не создавали себя и не страдали вопросами, жили единым мигом — и потому были счастливы!

Лиза позволила себе несколько минут не думать вообще ни о чём и отдалась воде и солнцу. Потом вынырнула, встала во весь рост и разрешила ветру слизывать капельки воды с её кожи. Светило жарко грело сквозь веки.

— Осторожнее, — сказал Вик. — Солнце тут злое. Не заметишь, как обгоришь.

— Как обгору, так и вылечусь, — ответила Лиза и открыла глаза. — Ты почему не купаешься?

Виктор, сжав колени, сидел на камне и смотрел на неё с непонятным выражением.

— Не хочу пока, — ответил Виктор. — Накупался уже, скоро из ушей вода польётся. Наплескалась? Вылезай, покажу нашу усадьбу.

Светило как в линзах дробилось в каплях воды и уже покусывало плечи. Лиза вышла из воды, сотворила себе нечто вроде сари и впервые посмотрела по сторонам.

Океан лежал сзади и по бокам, впереди, за полосой белого песка поднимался зелёный холм. У его подножия Лиза увидела крытый пальмовыми листьями двухэтажный дом на сваях, с широкой верандой, опоясывающей его вокруг. Справа океан плескался совсем близко, и веранда переходила в крытый пирс. У пирса покачивался на волне большой катер и несколько лодок.

— Листья для красоты, — сказал Виктор, упреждая её вопрос. — Я меняю их каждые два дня. Они приятно пахнут, когда подсохнут на солнце...

Лиза улыбнулась. Она любила запах свежего сена, и Виктор знал об этом. Интересно, почему он так старается ей угодить?

Дорожка, по которой они шли, была вымощена плиткой из ракушечника. Горячий шершавый камень ласкал босые ступни. Ближе к дому ракушечник сменился на гладкий прохладный мрамор. Чёрные и кремовые плиты чередовались в шахматном порядке.

Слева у дома сверкал на солнце небольшой овальный бассейн, рядом стояли шезлонги. Бассейн и шезлонги напомнили Лизе дом Ивана Иваныча и охранника Серёжу. Настроение испортилось, на душе сразу стало ненастно и слякотно. Что она скажет Вику? Как объяснит свои измены? Она шла за мужем, повесив голову, и совсем не смотрела по сторонам. Интерьер? Картины на стенах и богатая мебель? После дома Ивана Иваныча её трудно чем-

то удивить, да и дома они с Виком не бедствовали.

— Столовая, — показывал Виктор. — Ванная и душ, бильярдная, наверху, — он остановился у кованой спиральной лестницы, — оранжерея и ещё одна маленькая гостиная.

— Да, да, как это здорово, — бормотала Лиза и кивала, стараясь выглядеть заинтересованной и довольной. Получалось плохо, потому что Вик тоже поскучнел и сбавил тон.

— Спальня, — наконец объявил он.

Мечта эратомана... Не иначе, Вик без неё подсел на порнофильмы. Половину комнаты занимала гигантская кровать, вокруг которой в художественном беспорядке были расставлены кресла и кушетки. Сквозь кисею просвечивали зеркальные стены. Потолок, спасибо и на этом, был обычный, без зеркал, зато с большим вентилятором.

— Рядом, если что, — смущённо сказал Вик, — ещё одна спальня. Она попроще.

— Великолепно, — преувеличенно радостно сказала Лиза. — Где, говоришь, душевая? Мне надо принять, да...

Пока струи вода колотили её по голове и плечам, Лиза старались прийти в себя. Разгневанные магистры, что с ней творится? Она как девочка, на танцах поцеловавшая не того кавалера. Куда там, в те годы она была гораздо смелее и проще! Что случилось?

Секрет в том, безжалостно сказала Альтер Эго, что Серёжа нравился тебе по-настоящему. Ты не просто использовала его, ты почти любила, ты отдавалась до конца, и радовалась этому. Это надо признать и пережить, а потом честно рассказать всё Вику, и, может быть, он простит. Ведь он, бедный, ждал, он искал тебя и готовился к встрече. И чем скорее ты сделаешь это, тем лучше, иначе я не позавидую тебе, подруга!

Себе, поправила своё второе Я Лиза. Мы обе себе не позавидуем... И вообще, хватит мокнуть, кожу смоешь!

Пока Лиза копалась в чувствах и мотивах, Вик накрыл на веранде стол. Салат с креветками, оленина с ежовиками, тушёная в апельсиновом соке, сладкое красное вино. В середине цвёл маленький сад из орхидей.

— Ой, — сказала Лиза, — ничего, что я в халате?

— Я тоже не в смокинге, — сказал Вик. — Не на приёме у английской королевы. Располагайся.

Он дождался, пока Лиза сядет, положил ей салата в тонкую, почти прозрачную фарфоровую тарелку, по краю которой летели золотые и серебряные драконы. Подал вино.

— За то, что наша разлука закончилась! — торжественно объявил он.

— За встречу, — согласилась Лиза и пригубила вино. — Вкусно!

— Здесь делают вина на все случаи жизни, — сказал Виктор. — Ты не поверишь, их тысячи видов.

— Почему же, — ответила Лиза. — У нас их тоже много.

— Да? — удивился Виктор. — Никогда бы не подумал.

— Ты просто не интересовался, — улыбнулась Лиза. — Что это за креветки?

Они ели и болтали о всякой чепухе. Чем отличается вино из винограда, выросшего на южных или восточных склонах. Почему орхидеи хороши за столом, а вот в спальне они будут мешать. Где растут самые толстые или самые высокие деревья, в тропиках или в умеренной полосе; и о других вещах, бессмысленных в обычной жизни, но будто специально созданных для застольной беседы.

Лиза ела, чокалась, пила вино маленькими глотками, вежливо не соглашалась или

поддакивала, подавала ничего не значащие реплики, а сама украдкой наблюдала за мужем.

Виктор выглядел слегка растерянным. Он шутил, громко смеялся собственным шуткам, но Лиза видела, что он напряжён, что его весёлость это всего лишь видимость, игра. Что его гнетёт? Может, он уже прочитал в её душе, может, он что-то подозревает и обиделся, но пытается не показать виду?

Напряжение росло. Внутри у Лизы всё дрожало от страха и неудобства, а Вик сделался хмур и суетлив. Пора решаться.

— Вик, что я хочу тебе сказать, — начала Лиза. — Не знаю, что ты подумаешь...

— Нет, — сказал Виктор, — это я должен сказать тебе...

Он залпом выпил вино и решительно заговорил:

— Понимаешь, когда я пришёл в себя после переноса, то обнаружил, что почти разучился колдовать. Остались какие-то мелочи — зажечь огонёк между пальцами, создать безделушку, сделать невидимым что-то мелкое...

— Лопай, парень! Заслужил, посетители довольны.

Папаша Рон поставил перед Виктором поднос. «Большой сэндвич папаши Рона» — кусок жареного мяса, овощи в невероятно остром соусе, припущенные на огне моллюски, и всё это в большой, свежайшей круглой булке! Самое то после дня на пляже.

Виктор благодарно улыбнулся, откусил сочный, истекающий жиром сэндвич, запил колой и задумался.

Итак, чего он достиг за неделю?

Каморка под потолком и сэндвич на ужин. Негусто, но сэндвич Рона намекал, что результат, на самом деле, неплох. Папаша Рон готовить умел и любил.

Обратная сторона магических умений: ты совершенен в них лишь пока работает заклинание. Пропадает магия — уходит и умения, остаётся только то, чего ты добился сам. Путешественник, которого случайность занесла на чужбину, всегда один, глухой и немой. Чтобы жить, надо общаться, хотя бы жестами.

Ему повезло трижды. Первый раз в том, что здесь говорили на испорченном варианте гонголезского, а Виктор по службе неоднократно бывал в Гонголии и худо-бедно мог на нём изъясняться.

Второй шанс дал климат. Несколько дней, пока Виктор не разобрался, что к чему и не устроился, пришлось ночевать на пляже, под звук волн. Даже в субтропиках ночами бывает прохладно, но в высоких широтах Виктор рисковал не дожить до утра.

Наконец, и это было самое главное, местные оказались терпимы к иностранцам — недоумённым, растерянным, плохо знающим язык. Вся нация состояла из переселенцев в том или ином поколении, и всегда была готова дать новичку шанс.

Широченные пляжи тянулись на десятки километров. Они были заполнены народом, расслабленным, доброжелательным, настроенным развлекаться.

Виктор сделался уличным фокусником. Денег хватало, чтобы снимать комнату у папаши Рона и поесть — один раз в день, после вечернего представления для клиентов. Для семи дней и обычного человека неплохо, но для магистра магии — катастрофа. В нынешнем состоянии ему даже не отвести глаза полиции, если его вздумают проверить. Законы для приезжих здесь суровы.

— Привет, красавчик! Не скучаешь?

Виктор оторвался у еды. В кресле напротив него сидела чернокожая девушка, большеглазая, очень коротко стриженная, на шее — сердечко на цепочке. На футболке с большим вырезом — мышонок, герой местных мультфильмов.

Виктор пожал плечами.

— Понятно, — сказала девушка, — сам не знаешь. Выпьешь со мной?

— Капельку.

Виктор махнул рукой, но папаша Рон уже стоял рядом с двумя кружками пива.

— За счёт заведения, — сказал он, выставляя пиво на столик.

— Спасибо, — сказа Виктор.

Папаша Рон за спиной девушки широко улыбнулся и показал Виктору большой палец. Никак решил устроить его личную жизнь? Хороший человек папаша Рон, но многого не понимает.

— Ты неразговорчив, — девушка смешно сморщила носик. — Меня Тина зовут.

— Виктор. Я плохо говорю по-английски.

— Заметно. Твоё здоровье, Вик.

Пока Тина пила, Виктор украдкой рассматривал её. Маленькие аккуратные ушки, длинная шея и очень чистая кожа. Ключицы выглядывают из выреза футболки. Под тканью угадывается маленькая, но крепкая грудь. Не толстуха, как многие здесь.

— Как ты это делаешь, Вик? — Тина отставила кружку и сделала пальцами жест, как будто проворачивает колёсико зажигалки. — Пуф!.. И горит?

— Это? — Виктор щёлкнул пальцами, из кончика большого пальца выскочил лоскуток жёлтого пламени. Тина завороченно смотрела на огонь. — Фокус. Просто фокус.

— Научи, — потребовала Тина.

— Зачем? — удивился Виктор. — Это мой заработок.

— Я заплачу, — заявила Тина. — Я заплачу больше, чем ты сможешь заработать за месяц.

Виктор уткнулся в кружку. Что делать? Он не сможет научить Тину зажигать огонёк, сколько бы она не заплатила, но и без денег тоже никуда.

— Никто не увидит, — кажется, Тина превратно истолковала его сомнения, — пойдём со мной, Вик!

С этими словами она встала из-за столика и решительно пошла к выходу. Круглые ягодицы вызывающе перекатывались под короткими красными шортами. Виктор думал недолго, допил в два глотка пиво и пошёл за ней. Папаша Рон у стойки скалился, не скрываясь.

— Твоя работа, старый? — шепнул, проходя мимо, Виктор.

— Ты ещё вспомнишь меня добрым словом, парень, — подмигнул ему папаша Рон. — У тебя тоска на морде написана. Такая тоска только одним лечится.

Виктор только головой покрутил. Удивительно! Они с папашей Роном и знакомы-то только три дня...

Тина ждала в машине с откидным верхом. Виктор остановился рядом, пробарабанил пальцами короткий мотивчик на лакированном капоте:

— Хорошее авто... — сказал он и для очистки совести спросил: — Тебе зачем мои фокусы?

— Садись, Вик, — Тина похлопала по соседнему креслу. — Мне надо. Понимаешь?

— Не очень, — сказал Виктор и сел рядом с нею. — Но ладно.

Тина засмеялась и кинула машину с места. Они вывернули на набережную, помчались в сторону центра. Тина откинулась в кресле, свежий ветер с океана, пузырьком раздувший её футболку, явил взгляду впалый шоколадный животик с ямкой пупка. Никаких сомнений в её целях не осталось, но кое-что хотелось выяснить заранее.

— Папаша Рон... Он тебе кто? — спросил Виктор, перекрикивая ветер.

— Дядя, — ответила девушка. — Моя тётка была замужем за его братом.

— Была?

— Они разбежались!

На одном из светофоров Тина свернула на размашистый серпантин. Закат над океаном оказывался то слева, то справа, потом его заслонила живая изгородь. Тина въехала под увитую плющом арку и заглушила двигатель.

— Дядюшка Рональд сумасшедший, — сказала, повернувшись к Виктору, Тина. — Он вбил себе в голову, что отвечает за меня, хотя я девочка большая уже. Понимаешь?

— Да.

— Он почему-то решил, что должен устроить мою жизнь, — продолжила Тина. — Ищет мне женихов.

— Я не жених, — сказал Виктор.

— Я тоже не невеста, — оскалилась Тина. — Я не нравлюсь тебе? Какого чёрта ты тогда садился в машину? Тебя отвезти назад? Ты что, из этих, из амишей?

У неё были ослепительно белые зубы. Наверное, в темноте они должны светиться...

— Нет, — ответил Виктор. — Ты красивая, просто...

— Что?

— Ничего, — сказал Виктор. — Извини, я дурак. Когда долго не общаешься с красивыми девушками, глупеешь.

Тина слушала, наклонив голову, потом снова засмеялась.

— Ты врал, что плохо говоришь по-английски, — сказала она. — Считаю, что комплимент я оценила. Ванная направо по коридору. И скорее, мне не терпится снова увидеть твои фокусы.

Виктор вспомнил Лизу, и на миг ему стало стыдно, но только на миг. Скоро он выкинул сомнения из головы. Тина не вытерпела и присоединилась к нему в душе. Первый раз они слились под тугими струями воды, и это была лёгкая разминка.

До фокусов дошло не скоро. Тина показала класс. Это было сумасшествие, это было... конечно, не так здорово, как с Лизой... или почти так, или даже капельку лучше... нет, не лучше, просто совсем, совсем иначе!

Когда они натешились друг другом, солнце давно село, и в открытое окно смотрела огромная бесстыжая луна.

— Тебе понравилось? — спросила Тина и слизнула капельку пота с его колена.

— Ты чудо, — ответил Виктор. — Готовься. Я тоже умею показывать чудеса.

— Я готова, — Тина села на пятки, сложив, как примерная ученица, руки на коленках. Она дразнила его. Коварная, но сладкая женская тактика: притворная скромность на фоне полной откровенности, смесь мощнее динамита.

— Сейчас я вижу тебя, — сказал Виктор, — и мне хочется извять тебя, но не в мраморе или бронзе, а в шоколаде. Буду облизывать со всех сторон и съем в конце концов. Не боишься, что я тебя съем?

— Я успею первой, — мурлыкнула Тина. — Ты обещал фокусы. Да, ты редкий врун. Ты

отлично говоришь по-английски.

Сердце у Виктора пропустило удар. Он, действительно, стал болтать, словно учил язык с детства. Это значило только одно: сила его выросла, а он не заметил!

— Смотри, — сказал он.

— Куда, — не поняла Тина... и ахнула от восторга!

Потолок комнаты исчез, уступив звёздному небу, и в этом небе взрывались десятки фейерверков.

— Это в честь тебя, — сказал Виктор. — А теперь спи...

Тина свернулась калачиком и послушно засопела. Это было некрасиво с его стороны, но появились вещи, которые следовало обдумать.

Трудно размышлять, когда на тебе скачет прекрасная наездница. Не до мыслей...

Виктор прошёл уже знакомой дорогой в ванную комнату, принял холодный душ, оделся и вышел наружу. Луна спряталась в кисее облаков, стало совсем темно. Он вышел на дорогу и стал ждать. Скоро рядом притормозила полицейская машина.

— Закусочную папаши Рона знаешь? — спросил Виктор у сонного офицера.

— Да, сэр.

— Сейчас ты отвезёшь меня туда, а после всё забудешь. Ты не покидал этого района, не спускался к океану. Ты всё понял?

— Да, сэр.

— Вот так, — закончил, повесив голову, Виктор. — Я вернул силу, но так получилось... Надеюсь, ты сможешь меня простить...

Она! Не одна! Такая! Сволочь!

У Лизы с души словно целая гора свалилась. Ах, муженёк, ах, проказник!.. Проказник но молодец, решился признаться, пока она жевала соплю. Именно соплю и именно жевала, иначе и не скажешь, грубо, но справедливо. Рассказал Вик, конечно, не всё, Лиза помнила это по себе, сила не возвращается сразу, нужно повторять гм... процедуры, но ведь признался?

Она хихикнула, потом ещё раз и скоро ржала как лошадь.

— Ты чего?! — ошалел Виктор. — Что я смешного сказал?

— Не...не... не обращай внимания!.. — сквозь смех выдавила Лиза. — Это я... с своём... о девичьем.

— Всё равно не понимаю, — с недоумением сказал Виктор. — Ты не сердисься?

— Сержусь, но не сильно.

Лиза встала с кресла, подошла к мужу и взобралась к нему на колени — лицом к лицу.

— У нас были одинаковые проблемы, — прошептала она. — Ты тоже сильно не сердись.

И впиалась в его губы поцелуем, пока не сказал чего лишнего.

Удобная штука банный халат — особенно, когда под ним ничего нет...

...В тропиках темнеет рано и быстро. Ветер с океана сдул облака, и небо усеяли мириады звёзд.

— Луна такая же, как у нас, — лениво сказала Лиза. — А звёзды... Ни одного знакомого созвездия. Почему?

— Не думал об этом, — ответил Виктор. — Сок будешь?

— Буду, — сказала Лиза, — но шевелиться мне неохота.

— Лентяйка, — рассмеялся Виктор. — Может быть, я тебя и за это люблю?

Он встал с шезлонга, подошёл к столику, вынул из корзинки несколько апельсинов, и приготовил большой бокал сока. Вставил соломинку и с поклоном подал Лизе. Лунный блик лежал на его плечах и спине...

— А как ты меня любишь? — спросила Лиза, отпив сока.

— Невероятно, — ответил Виктор. — Была бы ты персик, съел не задумываясь бы!..

— Экий вы кровожадный тип, магистр, — сказала Лиза.

— Извини, — сказал Виктор, — ничего не могу поделать. Ты вкусная.

— Это непредусмотрительно, — Лиза погрозила мужу пальцем. — Ну, съешь ты меня, получишь удовольствие, а дальше? Я бы тебя есть не стала.

Виктор сделал сока и себе и снова лёг.

— А что бы ты делала? — спросил он.

— Пообкусывала бы, — ответила Лиза. — Со всех сторон. Чтобы не убежал. Зачем тебе ноги, магистр? Давай, я их откушу?

— Кто бы нас услышал!.. — засмеялся Виктор. — Подумал бы, каннибалы собрались. Но нас никто не услышит. Мы здесь одни. Я арендовал этот остров на девяносто девять лет. Специально, чтобы нам никто не мешал.

— Дорого? — поинтересовалась Лиза. — Мне не пришло бы в голову арендовать остров...

— Это очень удобно, — сказал Виктор, — а деньги... Здесь такие смешные финансы, что и не хочешь, а зачерпнёшь...

Первым делом Виктор справил себе водительские права. Чиновник из департамента торжественно вручил ему песочно-сиреневую карточку с тремя фотографиями и силуэтами медведя, волнами и соснами. Неизвестно, кого себе нафантазировал этот человек, но руку Виктору он тряс долго, а улыбался вполне искренне. Подумав, Виктор сделал и паспорт. Вдруг в поисках Лизы придётся выехать из страны, официальный документ не будет лишним.

Следующим пунктом программы шли деньги. Заклинания отвода глаз эффективны и безотказны, но можно забыться, и тогда возникнут проблемы. Для спокойных жизни и работы нужны настоящие, неиллюзорные деньги. Как и везде, аборигены легко позволяли себя обмануть — во всех делах, только не в денежных! Воровать тоже не хотелось.

— Я помогу, — сказала Тина, случайно узнав про его затруднения.

— Ты даже не знаешь, сколько мне надо и для чего, — удивился Виктор.

— Мне всё равно, — сказала Тина, — только не связывайся с наркодельцами. Потеряешь не только деньги, но и жизнь.

— Нет, — сказал Виктор, — наркотики меня не интересуют. Я отдам и скоро.

— Тысячи баксов тебе на первое время хватит? — поинтересовалась Тина.

Виктор задумался. Тысяча долларов — много это или мало? Сэндвич папаши Рона стоил десятку, за представление на пляже отдыхающие спокойно платили по пять. Немного — если на эти деньги жить, но Виктор имел на них другие виды. Одеться, привести себя в порядок — и начать зарабатывать. Уж работу фокусника в цирке он найдёт всегда!

— Хватит, — уверенно сказал он.

— Тогда поехали, — заявила Тина.

— Куда?

— В банк, конечно, — ответила, пожав плечами, девушка. — Откроешь счёт, я переведу деньги. Я не гангстер, откуда у меня такой кэш?

Через пятнадцать минут, миновав дверь-вертушку, они вошли в банк.

После жары полудня, которую не мог смягчить ветер с океана, здесь хотелось пить воздух как родниковую воду. Насладиться Виктор не успел, рядом материализовался лощёный клерк. На его лице, как приклеенная, сияла радушная улыбка, а в глазах плескалась скука. Клерк хотел на пляж...

— Рад видеть вас в нашем банке! Что вас интересует? Э-э-э... Тина?

— Саймон? — удивилась Тина. — Как мило. Привет, Саймон. Мы хотим открыть счёт.

— Прощу за мной, — клерк посмотрел на Тину долгим взглядом, развернулся и двинулся к лестнице.

Пройдя просторный холл, все трое поднялись на второй этаж. За стеклянными стенами у плоских мониторов сидели деловитые люди в строгих костюмах, еле слышно гудел кондиционер, журчала вода в декоративной горке.

— Сюда, пожалуйста, — сказал клерк и распахнул дверь в один из стеклянных офисов. Когда Тина с Виктором уселись, он занял место с другой стороны и жестом фокусника достал откуда-то ноутбук.

— Итак?

— Мы хотим открыть счёт, — повторила Тина. — На имя Виктора Терновой.

Виктор пустил через стол свою карточку. Клерк зашуршал клавиатурой. Потом оторвался от ноутбука и посмотрел на Виктора:

— Какого вида счёт желаете открыть? Могу предложить вам...

— Самый простой, Саймон, — сказала Тина. — Я всё объясню.

Они с Тиной заранее договорились, что на вопросы отвечает она, поэтому Виктор не стал прислушиваться. Он огляделся.

Кроме изогнутого прозрачного стола и стульев, в комнате стоял светлый металлический шкаф и молочного стекла подставка или этажерка. На ней расположился белый пластиковый горшок с незнакомым растением; плети, покрытые множеством мелких соцветий, спускались до пола.

С потолка свисали три плафона, металлических, полированных, каждый на своей высоте.

Стильно, элегантно...

— Какую сумму переводим? — донёсся до него голос клерка.

— Тысячу долларов, — сказала Тина.

Клерк постучал по клавишам, сказал:

— Минуту, пожалуйста.

Встал и вышел, почти сразу вернулся, зашуршал бумагой, протянул Тине перо:

— Подпишите здесь, здесь и здесь. Теперь вы, — клерк подвинул Виктору несколько листов. — Здесь, здесь и здесь. Спасибо. Всё сделано.

Из ноутбука выскочила призрачная золотистая искорка, рассеялась в воздухе, зато короб на стене, который Виктор принял за электропроводку, окрасился на миг в тот же золотистый цвет. Виктор моргнул. Показалось?

— Поздравляю, — сказал клерк и вручил Виктору пластиковую карточку. — Ваша, гхм, спутница...

Его тон неуволимо изменился, во взгляде, которым клерк бросил на Тину, мелькнули

злость и презрение.

— Это не то, что ты подумал, Саймон, — вспыхнула Тина. Всё-таки, она была не горькой, а молочной шоколадкой, и про неё можно было сказать «покраснела».

— Конечно, — язвительно сказал клерк. — Ты приходишь в банк со своим э-э-э... кавалером, и переводишь ему деньги, причём, приходишь именно в то отделение, где работаю я! Всё не так, как я подумал.

— Он попросил займы!.. — начала Тина.

— Не надо, Тина, — сказал Виктор. — Этот человек твой старый знакомый?

— Да, он...

— Успокойся. Он не подумал ничего такого, — сказал Виктор и внимательно посмотрел на клерка: — Вы ведь не имели в виду ничего особенного, Саймон? Или вы считаете, что я альфонс?

— Это очевидно! — желчно заявил клерк. — Тина любит таких как ты, накачанных жеребцов, которые не умеют сами открыть счёт, зато в постели...

— Подлец!.. — выдохнула Тина.

— Зря ты так, Саймон, — печально проговорил Виктор. — Надо сначала думать...

— Да ты... — Саймон осёкся. Лицо его посерело, на висках, несмотря на прохладу, появились капли пота. Он пошатнулся, схватился за живот.

— Ты не подумал, — наставительно сказал Виктор.

— Я не подумал... — прошептал клерк дрожащим голосом. — Ооо... Можно, я пойду?

— Конечно, иди, — разрешил Виктор.

Саймона сорвало с места, он выскочил из комнаты и, сжав колени и смешно закидывая икры, засеменял по коридору.

— Что это с ним? — испугалась Тина.

— Не знаю, — пожал плечами Виктор. — Живот прихватило?

— Это ты, — девушка ткнула Виктора пальцем в грудь, — это ты его...

— А если это я? — ответил Виктор. — Пойдём, ничего с ним не случится.

На улице Виктор оглянулся на банк и бегло просканировал его на магию. Нет, магии там не было ни грана, но здание покрывала странная золотистая сетка, которую он не заметил раньше. Чем ниже, тем интенсивнее становился цвет, собирался в прозрачный тяж и исчезал под землёй.

— Это деньги... — пробормотал Виктор.

— Конечно, деньги! — сказала Тина. — Это же банк. Едем?

— ...Когда я понял, как это всё устроено, — сказал Виктор, — вопрос с деньгами решил сам собой. Сейчас, потерпи, чуточку пряностей — и скоро будет готово!

Рыбье филе зашипело на гриле, над водой поплыл умопомрачительный аромат. Лиза протянула руку — отщипнуть кусочек, но получила по пальцам.

— К сведению, — строго сказал Виктор, — тут много ядовитых видов. Пусть прожарится.

— Ну, Вик! — хныкнула Лиза. — И вообще, это диверсия. Я есть хочу!

— Пять минут, — сказал муж, — Взбрызнуть лимончиком — и будешь есть.

Заурчало в животе.

— Это у меня или у тебя? — спросила Лиза.

— У тебя, — ответил Вик, потом лицо его приобрело отрешённое выражение. Он

слушал организм. — Или у меня. Готово, налетай!

Лиза приняла тарелку с жареной рыбой, обжигаясь, стала есть. Вкусно! Особенно после купания и океанской прогулки. Три часа на свежем воздухе и э-э-э... физические упражнения. Поневоле проголодаешься.

Несколько минут тишину прерывал только стук вилок и плеск волны о борта катера. Скоро в желудке образовалась приятная тяжесть.

— Туец? — поинтересовалась Лиза.

— Барракуда, — откликнулся Вик. — Совершенно не хуже, согласна?

Лиза кивнула.

— Так вот, — продолжил Виктор. — Деньги тут ненастоящие, иллюзия одна, а не деньги, условность. Не золото и не серебро, а электрические сигналы в проводах, магнитные метки на дисках.

— Где? — сонно спросила Лиза.

— На дисках, — сказал Виктор. — Неважно. Дольше объяснять. Пришлось повозиться чтобы встроиться в систему. Она совершенно не магическая, но устроена похоже. Есть специальные люди, которые следят, чтобы она не сломалась. Их тут называют сисадмины или программисты, а я бы сказал, это техномаги.

— Ага...

Голос мужа доносился как сквозь вату. В конце концов, какая разница, как и где он достал деньги? Это его обязанность — добывать и свежевать мамонта. Женщине необязательно знать, где растут или на что клюют мамонты. Мамонт на столе, кладовки забиты кусками мамонта, рядом мужчина-охотник, — что ещё нужно женщине, чтобы почувствовать себя счастливой? То есть, пока она не соскучится...

Катер покачивался на воде, кричали птицы, ветерок ласково шевелил волосы и гладил ноги. Лиза не заметила, как заснула.

— Когда появились свободные деньги, осталось устроить быт, — рассказывал Виктор, — наш с тобой быт в этом мире. Пока мы здесь, надо жить с комфортом, правильно, Лиза?

Он перегнулся через стол и укрыл Лизу простынёй.

— Жаль, ты не дослушала, — тихо сказал Виктор. — Это было забавно.

Капитан «Алеле» был природным полинезийцем, крупным, круглолицым, с кожей цвета какао с молоком, но отзывался на имя Джо Джонсон, или просто ДиДи.

Он веселился.

— Что ты лыбишься? — с ненавистью спросил Браун. Ему донимала жара, белая рубашка насквозь промокла от пота и даже на свободных штанах расплывались тёмные пятна.

— Ты смешной, Браун, — сказал ДиДи. — Вокруг вода. Прыгай, плавай.

— А если харимау ю?

— Тебе плохо даётся малайский, Браун, говори на английском, — заколыхался ДиДи. — Увидишь акулу, лезь на борт. Ты сделаешь это быстро, не успеешь понять как!

— Нет, ДиДи, — сказал Браун, — купайся сам в своём океане. Ты толстый, акуле хватит. Что твоя лоханка еле ползёт? Так мы провозимся до вечера.

— Хочешь утопить груз и выставить мне неустойку, Браун? — ответил ДиДи. — Сам знаешь, сколько здесь рифов. Не надо торопиться.

Браун только махнул рукой. Капитан был прав. Чёртов клиент забрался в чёртову задницу, куда может добраться только посудина вроде «Алеле». Вернее, доберётся любое судно, но ведь надо ещё довести товар до места, а как это сделать, если вокруг острова сплошные мели? Надо встать на якорь в двух или трёх милях от берега, а потом переправлять груз на шлюпках.

Дорого и неудобно, а Браун умел считать деньги. Чтобы перетаскать всё заказанное, «Алеле» пришлось сделать три рейса, зато ДиДи швартовался в самой лагуне, да и за фрахт он брал куда меньше.

Браун выглянул из рубки. Палуба была забита мешками и ящиками, столько же скрывал трюм. Нанятые в Маджуро грузчики развалились на мешках и с пользой проводили время. Кто спал, кто — курил или трепался с соседом.

— Б-бездельники!.. — ругнулся Браун.

— Не шуми, Браун, — сказал ДиДи. — Что делается твоему цементу? Подъём, парни!

Он дал протяжный гудок. Браун перевёл взгляд вперёд по курсу: среди волн белели на рифах буруны, а за ними вставал зелёный холм. Прибыли.

Скоро загрохотал в клюзах якорь и ДиДи заглушил машину. Наружу вылез, сверкая зубами и белками глаз, моторист, скинул засаленные штаны и плюхнулся в воду лагуны. Матросы со странными для малайцев именами Яков и Галактион выставили сходни, и закипела работа. Грузчики стаскивали тюки, мешки и ящики на пляж, и скоро на песке выросли из них изрядные штабеля.

— Здесь живёт хоть кто-то, ДиДи? — задумчиво почёсывая подбородок, поинтересовался Браун.

— Нет, Браун, — сказал капитан, — никогда не видел здесь людей. Остров маленький, земли мало. Кто будет здесь жить?

— Вот и я о том же...

Браун перегнулся и сплюнул в пену прибоя.

— Смотри, — повернулся он к ДиДи, — мы приходим сюда третий раз, привозим товар, выкладываем на песок. Много товара, ДиДи. Цемент, дерево, стройматериалы всякие. Мебель возили, ковры, сантехнику. Куда оно всё девается? Ведь пляж каждый раз пуст, а люди, как ты говоришь, здесь не живут?

— Разве ты платишь мне за любопытство, мистер Браун? — серьёзно, без обычной весёлости ответил ДиДи. — Не знаю и знать не хочу. С кем клиент заключал договор? С тобой он заключал договор, если ты не врешь. Вот сам и думай, мистер Браун. Моё дело маленькое: привёз — выгрузил.

— Моё, да, — пробормотал Браун и вдруг заорал, надсаживаясь: — Осторожнее, собачьи дети! Не кирпичи несёте!

Восьмёрка грузчиков, семеня босыми ногами, медленно тащила большой контейнер. Мышцы на их спинах и плечах вздулись, сходни опасно прогнулись и скрипели. Один из грузчиков оступился, не удержался на сходнях и упал на мокрый песок. Оставшиеся ахнули и уронили контейнер. Сходни загудели, начали разъезжаться...

— Держи!.. — закричал Браун, кинулся вон из рубки.

Наконец, после ругани, уговоров и посулов удалось стянуть контейнер на песок и поставить в ряду прочих грузов.

— Всё, что ли? — почесал в затылке ДиДи. — Пошли назад, Браун. Не терпится рассчитаться.

— Пошли, да, — согласился Браун.

Ещё до захода солнца они вернулись в Маджуро. Банк ещё работал. Браун перевёл остаток средств на счёт ДиДи, ударил с ним по рукам и отправился в гостиницу. Там Браун принял душ и сел к телевизору. Показывали, как и повсюду, куда дотянулись телевизионные вышки или кабель, бессмысленную билиберду. Браун пощёлкал пультом и выключил ящик.

Его работа здесь закончилась, можно возвращаться в Штаты. Одна загвоздка: его рейс только послезавтра, и что делать целые сутки? Рассматривать малайцев? Браун скривился: он немало насмотрелся на них, пока мотался до острова и обратно. Все малайцы или полинезийцы одинаковы, видел одного, считай, что знаком со всеми.

Он вышел на веранду. Ровно шумел вечный океан, по набережной бродили туристы, а сверху на мир взирала огромная, яркая как прожектор луна. Если это террористы? Он не лез внутрь тюков, не его это дело, а вдруг там взрывчатка или наркотики? Не хотелось бы замазаться... Он патриот и звёздно-полосатый флаг для него не этикетка на кокосе. Когда-то он и его ребята хорошо вломили комми в Афгане, но вдруг русские полезли и сюда? Браун достал контракт, перечитал реквизиты заказчика. Некто Виктор Терновой. Вполне славянские имя и фамилия. Правда, это мог быть чех или украинец, но какая разница?

Через полчаса Браун стоял на причале и, не торгуясь, арендовал на сутки моторную лодку с большим запасом хода, и даже оставил владельцу хороший залог. Плевать на расходы, принципы важнее.

Спутниковый навигатор исправно рисовал курс, движок стучал как заведённый, и через два часа или чуть больше лодка вошла в лагуну, куда днём «Алеле» переправил последнюю партию груза для мистера Терновой. На самых малых оборотах Браун пересёк лагуну и причалил к совсем уж микроскопическому островку, который присмотрел ещё третьего дня. На нём росли с десятков пальм, приливы и течения нанесли сюда песка и мусора. Ещё здесь пахло гнилью, зато Браун мог быть уверен, что с острова лодка не видна и ему никто не помешает.

Браун улёгся на дно лодки и достал бинокль.

Остров мистера Терновой лежал перед ним как на ладони. Верхушка поросшего зеленью холма едва угадывалась, зато на пляже было светло почти как днём. Темнели штабеля мешков и ящиков; при желании Браун мог бы пересчитать их ряды в длину и высоту.

Ничего не происходило. Остров был мёртв и пуст. Ни шевеления, ни огонька, ни единого признака присутствия человека. Ничего, у него есть время.

Неожиданно контейнер, который они сгружали последним и который чуть не разбили, оторвался от земли и поднялся в воздух. Браун сглотнул и прилип к окулярам. Контейнер покачивался и не торопясь плыл прочь от пляжа, вглубь острова. Плыл сам, ни на что не опираясь!

— Будь я проклят, — шёпотом выругался Браун. Контейнер словно услышал, остановился и мягко опустился на песок.

— Вы что-то забыли здесь? — раздался незнакомый голос.

Браун дёрнулся и выронил от неожиданности бинокль. Загрохотало пластиковое днище лодки. Браун обернулся. Возле мотора на задней лавке сидел человек, мужчина лет тридцати. Гладко выбритый, лицо его покрывал ровный загар; в свете луны он казался серым.

— Кто вы такой? — хрипло проговорил Браун.

— Это я спрашиваю, кто вы такой, — сказал мужчина, — и что вы тут делаете?

— Я... смотрю? — не придумал ничего более умного Браун.

— Смотрите... Вы знаете, что сделали с Варварой на базаре? — спросил незнакомец.

— Я... Что?

— Ей оторвали не в меру любопытный нос, — любезно сообщил мужчина. Его глаза сверкнули и загорелись неземным светом.

— Я...э-э-э... — попытался сказать Браун, но мир закрутился перед его глазами, распался на сотни разноцветных нитей и пропал. Наутро Браун очнулся в своём гостиничном номере с жутким похмельем и твёрдой уверенностью, что ночь он провёл в кабаке, где обмывал удачное завершение сделки.

Прошло время, ласковый океан и блаженное безделье Лизу стали тяготить. Скучно рассматривать одно и то же часы, дни и недели, одинаково развлекаться, есть одинаковую рыбу и видеть рядом с собой только одного человека, даже если он — любимый муж. Захотелось работать! Слушать нудные, но мудрые сентенции шефа, окунуться в рутину дел, закопаться, хотя бы на время, в дурацкие отчёты.

Снова ловить и ставить на место жуликов от магии. Противодействовать, бороться и побеждать! Она магистр магии, а не отпускница. Их отдых затянулся.

— Не пора ли нам домой? — спросила она Виктора однажды.

— Извини, Лиза, — вздохнул Вик. — Я не знаю, как.

— Как не знаешь? — возмутилась Лиза. — Как ты можешь не знать, это же ты открывал портал?!

— Не знаю! — так, что у Лизы зазвенело в ушах, гаркнул Виктор, потом сказал уже тише: — Извини, любимая, совсем не знаю. Всё случилось так быстро... Потом, было магическое нападение, всё перемешалось. В общем, всё...

Это был удар. Радость исчезла, осталась тоска. Курорт, который устроил ей Виктор, превратился в тюрьму, в пожизненное заключение.

— Я ищу, — виновато сказал Виктор, — я пытаюсь. Пока не получается, но я надеюсь, солнышко...

— Никогда!.. — вскочила и сжала кулачки Лиза. — Никогда, слышишь? Никогда не называй меня ни солнышком, ни зайчиком, ни рыбанькой! Я Лиза, понял! Лиза — и точка!

Она села и отвернулась, чтобы не видеть растерянное лицо мужа, потом расплакалась.

— Я не буду... — Виктор сел рядом и обнял её за плечи. — Всё как ты скажешь. Но почему?

— Не спрашивай, — всхлипнула Лиза. — Не хочу рассказывать, не хочу, чтобы ты знал, зачем тебе это знать?

Они сидели, обнявшись. Виктор гладил её по плечам и спине, а Лиза привыкала к новым обстоятельствам. Теперь они здесь навсегда. Будут есть и спать, купаться в океане, ловить рыбу и со скукой заниматься любовью. Со скукой, и это неизбежно. Без новых лиц, без новых впечатлений через год или два они не смогут смотреть друг на друга. Иногда будут выбираться на Большую землю, но тайно, ведь невозможно, чтобы её не искали! Там будут ходить в театр или кино и ждать с тоской, когда пройдут часы и пора будет возвращаться на ненавистный остров. Или тёмными вечерами будут сидеть возле телевизора, в разных комнатах, каждый у своего. Лиза не знала, что будет смотреть Виктор, она пересмотрит всё здешние фильмы про любовь. И мультфильмы, обязательно мультфильмы. И Мяусей будет ходить от неё к нему, от него к ней и передавать, как в старом здешнем мультике, приветы...

Лиза резко выпрямилась, развернулась к Виктору и посмотрела в его глаза.

— Если не знаешь, как сделать, — заявила она, — спроси того, кто знает.

— Что? — брови Виктора полезли вверх.

— На земле были величайшие маги, которые умерли? — спросила она.

— На той или на этой?

— На той, конечно, на нашей, — весело сказала Лиза.

— Были, за...я, — ответил Виктор. — Наверное, были. Почему не быть?

— Надо найти одного из них и спросить, — торжественно сказала Лиза. — Они должны знать.

— Где найти?

Виктор всё ещё не понимал.

— В Некрополе богов, — сказала Лиза. — Где же ещё? Если они были, то лежат теперь там.

Приняв это решение, Лиза развила бурную деятельность.

Переделась по погоде, а там, насколько она помнила, не холодно, но и не жарко.

Подновила макияж. Она отправляется в общество, даже если это мертвецы. Всё равно надо прилично выглядеть.

Наготовила целый баул бутербродов. Можно ловить и есть осьмимаров, нет проблем, но время, время!.. Его было жалко и не хотелось расходовать попусту.

Вынула из воздуха жареную курочку — приманить Мяусея. Коварный котище, отоспавшись ночь на их кровати, с утра уходил в джунгли по важным кошачьим делам. Это для них с Виком островок и лес на холме — крохотный клочок суши, но для Мяусея это обширные охотничьи угодья.

— Мяусей! Мяусей! Какая у меня курочка вкусная есть! — кричала Лиза, расхаживала по дорожкам вокруг бассейна, по крытой террасе, вдоль рощи у подножия холма. — Где ты, паршивец?

— Что ты задумала? — спросил Виктор. Он продолжал сидеть где сидел и не двигался с места.

— Я собираюсь в Некрополь богов, — медленно повторила Лиза. — Сейчас придёт Мяусей, и ты перенесешь нас всех к Морю слёз.

— Я не хочу туда, — сказал Виктор. — Там плохо и мрачно, и я не знаю дороги.

— А я не хочу всю жизнь сидеть на этом острове, — сказала Лиза. — И дорогу ты знаешь, не прикидывайся.

Виктор вздохнул:

— Мне так не хочется, честно...

Лиза сверкнула глазами и притопнула.

— Но если ты так настаиваешь... — развёл руками Виктор.

Мяусей так и не появился. Наверное, ему тоже не хотелось на берег Моря слёз, а коты в своих желаниях свободнее мужей.

— Столько магии пропадает, — пробормотал Виктор. — Знать бы дорогу, эх!..

Он закрыл глаза, развёл руки и сосредоточился. Бесхозная сила, разлитая вокруг, пришла в движение. Посреди гостиной, раздвигая к стенам стулья, вспух перламутровый пузырь. Стол, под которым родился портал, взмыл к потолку и висел рядом с люстрой. По поверхности пузыря бродили дрожащие цветные пятна.

— Мог бы другое место выбрать, — сказала Лиза.

— Не болтай, — не открывая глаз, отрывисто произнёс Виктор. — Когда рисунок остановится, иди вперёд. Я за тобой. Ну же!

Пятна на пузыре замерли, образовали странную картину. Она что-то напоминала; Лиза не стала гадать и сделала длинный шаг...

...Здесь ничего не изменилось, как не менялось, наверное, за прошедшие зоны лет. Тот же пресный океан, тот же чёрный песок и та же гора, вершиной разрывающая серое небо. Лизе показалось, что даже галька в полосе прибоя возле валунов, где она ловила осьмимаров, лежала на тех же местах, что и раньше.

Виктор сел на песок возле камней, которыми Лиза обозначила кострище и сложил руки на коленях.

— Со мной ты не пойдёшь? — не то спросила, не то констатировала Лиза.

— Нет, — ответил Виктор. — Это ты умеешь проходить сквозь скалу, а не я. Посижу, подумаю.

Лиза кивнула и пошла к базальтовой громаде Некрополя, к памятной трещине. Трещина никуда не делась. Гора не заростила рану, Некрополь не закрыл Лизе дорогу, и Лиза уверила себя, что это хорошее предзнаменование.

Аарнам Гобатша ждал её.

«Можешь не верить, — довольно произнёс он, едва Лиза пересекла границу его могилы, — но я соскучился по тебе, человек Лизавета Жюф. Я всегда был одиночкой, но оказалось, что к посещениям живых привыкаешь и даже ждёшь их».

— Хочешь стать живым? — спросила Лиза.

«Нет, — усмехнулся Аарнам Гобатша. — Я слишком давно умер. Но мне интересно вспомнить, каково это — жить. Зачем ты пришла на этот раз?»

— Мне надо найти здесь таких, как я, — сказала Лиза. — Объясни, как их искать?

«Зачем они тебе?»

— Мне надо вернуться в свой мир, — ответила Лиза. — Кто-то из них должен помнить дорогу.

«Мёртвые не помнят дорогу домой, — ответил мёртвый бог, — иначе они смогут вернуться. Поверь, от этого никому не будет хорошо. Не ищи соплеменников».

— Но что мне делать?

«Открой мне память, — сказал Аарнам Гобатша. — Я попытаюсь найти в ней то, что тебе поможет».

Лиза задумалась. Мертвец преследовал какие-то свои цели, но он уже помог ей, дважды. Почему не довериться снова?

— Хорошо, — сказала она и сняла щиты.

«Не бойся, — сказал мёртвый бог, — не бойся...»

Мягкие пальцы забрались ей под черепную коробку. Лиза ослепла и оглохла, внешний мир пропал, остались только ласковые прикосновения и беззвучный голос мёртвого бога.

«Не бойся ничего, — повторял он, — я не хочу тебе зла».

Встреча девятая. Великая армия

Саймон недолго обижался на Виктора Терновой. Что такое минутное унижение по сравнению со стабильным доходом? Пустяк. Тысяча, которую одолжила ему предательница Тина, не стала последней. Вслед за нею через счёт Виктора Терновой прошли сотни тысяч и миллионы.

Много денег, даже Саймону перепало. За ценного клиента босс расщедрился на премию. Саймон переехал в новую квартиру в хорошем районе, поменял тачку и прикупил всяких мелочей — для солидности.

Сейчас случилось затишье — и Саймон скучал. Он уже несколько раз переложил бумаги — бланки типовых договоров и буклеты — с одного угла стола на другой и исписал стандартный лист собственной подписью — для тренировки. Время тянулось плохой жевательной резинкой, стрелки наручных часов едва двигались, и даже электронный хронометр над дверью, казалось, замёрз.

Саймон прокатил свой Subrik по столу. «Кррак-Кррак», — ответила ручка. Молодцы швейцарцы из фирмы со смешным шипящим названием, которого он не запомнил. Умеют делать вещи, которые приятно взять в руки. Ручку Саймон завёл, когда Терновой совершил очередную крупную транзакцию. Кто не понимает, волен обходиться обычным стилусом за пять баксов или бесплатной гелевой, для клиентов, но Саймон любил стильные вещи. Он ценный работник и должен соответствовать. А тут — такая возможность! Вот и потратил двести долларов... Нет, строго поправил себя Саймон. Инвестировал в собственное будущее!

— Саймон?

В дверях стоял босс, за ним — два хмыря крайне официального вида. Клиенты? Саймон обрадовался: босс оценил его способности и лично подгоняет желающих клиентуру!

— Добрый день, господа! — выходя из-за стола, сказал он. — Рад, что...

— Саймон... — босс сморщился как перезревший лайм. — Господа из АНБ желают побеседовать...

— Спасибо, сэр, мы сами введём вашего сотрудника в курс дела.

Первый хмырь отёр босса в сторону и зашёл в комнату. На лице босса отразилось облегчение, он нерешительно подмигнул Саймону: «Будь, мол, пайнкой», — и ретировался.

Досада. Последние, с кем Саймон хотел бы разговаривать, были копы. Что им от него нужно? Горло неожиданно пересохло. Саймон набулькал в стакан воды, плюхнулся на стул и спросил:

— Зачем я вам нужен, э-э-э?..

— Агент Смит и агент Вессон, — с усмешкой ответил первый.

— Издеваетесь? — обречённо спросил Саймон.

— Даже не думали, — сказал Вессон. — Вот наши удостоверения.

Саймон посмотрел в карточки. Да, именно так, Смит и Вессон. Агенты были похожи как братья, только Смит помоложе и повыше, а Вессон — постарше и покруглее.

— Очень рад... — хмуро согласился он. — И всё же?

— Нас интересует всё, что вы знаете об этом человеке.

Вессон сунул под нос Саймону телефон. На экран была выведена фотография: мужчина в рубашке и коротких штанах стоит вполоборота на фоне воды. В нём, несмотря на малое разрешение и солнечные блики от волн, Саймон узнал Виктора Терновой.

— Не уделите мне несколько минут, мисс Рори?

Тина захлопнула дверцу «Элис» и резко обернулась. После исчезновения Виктора в жизни возникла пустота. Настроение пребывало примерно на уровне ступиц передних колёс её родстера. Да, он ничего ей не должен, не жених, как и она — не невеста, но всё равно, он ушёл так внезапно!..

Посетитель отдалённо напоминал Вика цветом волос, в остальном же представлял собой бледную тень, и от этого на душе стало ещё гаже.

— Вы коммивояжёр? — недовольно спросила она. — Мне не нужна новая мебель.

— Нет, я... — начал посетитель.

— Машина меня тоже вполне устраивает, — сказала Тина. — Проваливайте!

— Вы не поняли, мисс, — лучезарно улыбнулся мужчина. — Я агент Смит из Агентства национальной безопасности. Вот моё удостоверение.

Тина повертела в руках карточку с орлом и фотографией: да, похож; вернула и, криво улыбнувшись, спросила:

— Наверное, и жетон есть?

— Есть, — ещё шире улыбнулся Смит. — Показать?

— Чёрт с ним, — отмахнулась Тина. — Пойдёмте, агент. Солнце жарит как проклятое, здесь я не скажу вам ничего умного.

Они прошли в гостиную.

— Вон в то кресло, — Тина махнула рукой. — Что будете пить?

— Апельсиновый сок со льдом, если можно, — попросил Смит.

— Можно, почему нельзя, — пожала плечами Тина и распахнула холодильник. — А я, пожалуй, выпью немножко виски.

На палец хватит. Она видела однажды, как Виктор пил виски. Сразу полстакана и безо льда. Она пыталась пить так же, и её чуть не вырвало. К чёрту!.. Тина подала сок Смиту и устроилась напротив него, через стол, на диванчике.

— Задавайте свои вопросы.

— Вы знакомы с Виктором Терновой?

Тина не удивилась: сегодня всё напоминало о Викторе! И виски в стакане, и потолок в спальне, который, — она помнила, это было как вчера! — расцветал огнями всякий раз после их близости, и даже стаканчик с зубной щёткой в ванной — с одной щёткой...

— Глупый вопрос, агент, — сказала Тина. — Конечно, я знакома с ним. Вы пришли ко мне не просто так, правда?

— Извините, мисс, — улыбнулся агент. — Согласен, я неверно сформулировал. Расскажите мне о нём.

— Что именно, мистер Смит?

— Всё, что можете.

— Ха! — Тина глотнула виски; в груди занялся небольшой пожар. — Я много могу рассказать о Викторе Терновой, но... зачем вам знать о нём?

— Вы переводили ему деньги, — не смутился Смит.

— Он вернул всё до цента, — сказала Тина. — Я давала займы, он был стеснён в средствах, временно...

— Стеснён в средствах... — кивнул Смит. — По данным транспортного департамента, права Виктор Терновой получил в середине июля, двадцать второго вы, мисс Рори, перевели

ему тысячу долларов на новый, только что открытый счёт, а уже первого августа там лежали двести тысяч.

— К чему вы это, агент? — спросила Тина.

— Вы знаете, что Виктор Терновой подрабатывал на пляже — факиром?

— Да, он делал какие-то трюки...

— Трюки, — повторил Смит. — Без гражданства, без разрешения на работу, без... ладно, это мелочи, Юнайтед стайтс оф не обеднеют из-за пары сотен баксов, просвистевших мимо налогового департамента. Но двести тысяч за неделю? С нуля стать состоятельным человеком — меньше чем за месяц? Так не бывает, мисс Рори.

— Плевать мне на его счёт, — Тина глотнула ещё виски. — Что вы хотите от меня?

— Мне тоже плевать, сколько денег было на счёте Виктора Терновой, — сказал Смит. — У нас свободная страна, зарабатывать деньги — святое право каждого гражданина. Вопрос, как их зарабатывать.

— Оружие, наркотики? Вы его обвиняете?

— Нет, мисс Рори, — улыбнулся Смит. — Но посудите сами: деньги на счёт Виктора Терновой приходили, но ниоткуда не уходили!

— Как это?

— Когда вы перевели ему тысячу, мисс, — объяснил агент, — у вас на счёте стало на тысячу меньше. Следующие двести тысяч Виктора Терновой взялись из ниоткуда — мы не нашли, откуда они списаны. Потом ещё двести тысяч, потом миллион. Из воздуха! Так не бывает, мисс Рори. Поэтому я спрашиваю вас, что вы знаете про этого человека? Что-то удивительное, странное? Неожиданное? Выходящее из ряда вон?

Из ниоткуда... За это полагалось выпить. Тина одним глотком допила виски и смешала себе ещё порцию. Хорошо! Она не ошиблась в Викторе, он пробился. Было немного стыдно. Деньги не должны появляться из воздуха, деньги — основа свободы, но Виктору можно.

Агент Смит смотрел на неё с благожелательной улыбкой и ждал. Надо ему что-то рассказать, он не поверит, если она промолчит, но что именно? Был ли Виктор странным, удивительным, неожиданным? Да, чёрт побери! Из ряда вон выходящим, сногсшибательным, великолепным, блистательным любовником! Иногда Тине казалось, что Вик — женщина, настолько безошибочно он угадывал её желания, настолько тонко чувствовал, что, как, когда и где сделать. Обычному мужчине этого не понять, он иначе устроен, это его природа. Вик был мужчиной из мужчин, и при этом чувствовал женщину как женщина. Сможет ли она объяснить это агенту, если даже себе она не может внятно это объяснить? Вряд ли ему нужно именно это, его интересуют деньги. Значит, она должна рассказать ему про деньги!..

— Странное, — проговорила она. — Я не задумывалась, агент. Вик, вообще, человек удивительный. Не знаю, поможет ли вам...

— Попробуйте, — сказал Смит. — Всё может быть.

— Хорошо, — сказала Тина. — Когда мы уезжали из банка, он обернулся и сказал: «Это деньги».

— Просто — «Это деньги»? — переспросил Смит.

— Да, — ответила Тина. — Но смотрел он при этом так, будто видел что-то, недоступное прочим, что-то своё. Мне трудно объяснить. Он был удивлён, поражён? Заинтересован? Он как будто открыл для себя что-то, хотя, что особенного в обычном банке?

— И это всё? — не скрывая разочарования, спросил Смит.

— Да, — ответила Тина.

Смит посидел, раздражённо барабанил пальцами по столу, потом лицо его прояснилось.

— Это деньги, говорите? — с улыбкой повторил он. — В этом что-то есть, на самом деле. Спасибо, мисс Рори.

— Была рада помочь.

Проводив агента, Тина вернулась в гостиную. Выпитый виски давал о себе знать, её слегка качало, а в голове, словно издалека, шумел Тихий океан. Помогла она агенту Смиту? Возможно. Неизвестно, что он подумал, но Виктору она точно не навредила.

Ведь не навредила же?..

Первый лейтенант Джон Видфаро предпочитал не думать об абстрактных вещах. Политика, экономика, левые — правые, — всем этим пусть занимаются штатские умники. Слишком много сил он убил, чтобы получить «будвайзеров» на кепи и на шеврон. Его задача — исполнять по мере сил приказы. Выслуга идёт, денежки капаят. Ещё пять лет, он выплатит кредит за дом и даже на образование для Джуди останется.

Ради благополучия Линн и Джуди лейтенант был готов порвать глотку кому угодно и где угодно, только укажите.

— Садитесь, лейтенант.

— Да, колонель, сэр!

Джон снял кепи и занял кресло напротив хозяина кабинета. Колонель Майкджел, человек с серым лицом хронического курильщика, перебирал бумаги и на лейтенанта не смотрел. Интересно, как с такими лёгкими он прошёл штормовой тест? Впрочем, это было давно.

— Ребята из АНБ... — начал Майкджел. — Впрочем, это к делу не относится. Ознакомьтесь, лейтенант. Тут немного.

Он протянул Видфаро пластиковую папку.

Джон пролистал бумаги. Остров, снимки с высоты, снимки с уровня моря, а также архивные чёрно-белые фотографии середины прошлого века. Карта глубин, роза ветров. Домик у подножия холма. Ничего особенного, обычный тропический остров.

— Задача, сэр? — спросил лейтенант, возвращая папку.

— Не надо, оставьте у себя, — дёрнул лицом колонель. — Задача простая: высадиться, подавить, — он запнулся на миг, покрутил головой, словно отложной воротник душил его, — подавить сопротивление и удерживать до подхода основных сил.

Джон ещё раз пересмотрел бумаги. Этого можно было не делать, он и в первый раз не заметил ничего, что могло служить для обороны. Бунгало? По внешнему виду не скажешь. Тонкие стены, огромные окна. Нет, вряд ли в нём можно разместить опорный пункт.

— Что известно о противнике, сэр? — выпрямился в кресле Джон.

Колонель откашлялся и вытер лоб салфеткой. В кабинете было жарковато, и это несмотря на работающий кондиционер.

— Остров необитаемый, — наконец ответил он. — Последние полгода на нём живут двое, мужчина и женщина. Супруги и, скорее всего, молодожёны.

— Не понимаю, колонель, сэр, — сказал лейтенант. — Чьё сопротивление я должен подавить?

Колонель побагровел.

— Есть данные, лейтенант, — выпустив сквозь сжатые зубы воздух, произнёс он, — что это очень непростые люди. Вот, в дополнение, — Майкджел показал флэшкарту, —

ознакомитесь самостоятельно.

— Да, сэр!

— Если справитесь, лейтенант, — сказал, поднимаясь, колонель, — считайте себя капитан-лейтенантом и готовьтесь принимать роту. Всё понятно?

Джон Видфаро уже стоял по стойке смирно.

— Да, колонель, сэр! — ответил он, бросая ладонь к виску. — Разрешите выполнять?

— Отправляйтесь, лейтенант, — разрешил Майкджел. — Вылет на Гуам через три дня. Приложите все силы, лейтенант. И не думайте, что вам повезло.

— Да, колонель, сэр, — совершенно серьёзно ответил Видфаро.

Шагая из штаба, Джон размышлял. Колонель Майкджел никогда не разбрасывался словами. Он построил разговор так, словно не был вполне уверен, что рота выполнит приказ. Что он имел в виду, о чём умолчал? «Морские котики» — элита, лучше их в мире нет, где они могут проколоться? Два человека, вернее, полтора, Джон Видфаро, при всём уважении, не мог зачесть женщину за полноценного бойца. Что у них там, атомная бомба? И эти слова про АНБ... Колонель не только не разбрасывался словами. Все его слова располагались на своих местах, и ни одно не бывало сказано случайно.

Это значило, что доблестные рыцари плаща и кинжала набрели на что-то, что оказалось им не по зубам. Когда высокоумная разведка садится в лужу, всегда вспоминают простых и бесхитростных парней из SEAL.

В расположении роты было пусто, тренировка. Видфаро махнул рукой дежурному и отправился в канцелярию. Проходя по коридору, бросил взгляд на кабинет капитан-лейтенанта Фимовитца. Командир прохлаждался в госпитале, возможно, он уже не вернётся, ему давно прочили место при штабе, да и возраст — не мальчик уже. Тогда... Лейтенант прогнал прочь дурацкие мысли. Сначала — дело.

Видфаро запер свою каморку изнутри и быстро просмотрел материалы на карте. Несколько коротких видеороликов, кажется, из России. Потом он просмотрел их ещё раз, останавливаясь, прокручивая назад, запуская некоторые куски в замедленном режиме.

Посидел, задумчиво барабанил по столу костяшками пальцев. Слова колонеля приобрели новый смысл, неожиданный и пугающий. Конечно, если русские видеозаписи не подделка. Час и другой прошли в размышлениях, и Джон сделал для себя кое-какие выводы.

За дверью затопали, зазвучали команды сержантов, — рота вернулась с занятий. Лейтенант выждал ещё полчаса — люди должны привести себя в порядок — и позвонил дежурному:

— Всех уоррент-офицеров и сержантов ко мне. И стулья пусть захватят. Срочно!

Народу понабилося, не продохнуть. Видфаро закрыл окно, а кондишн врубил на полную, так, что даже холодно стало.

— Два слова, парни, — начал лейтенант. — Есть работа у тёплого моря.

Командиры заулыбались.

— Да хоть в Антарктиде, — высказался начальник третьего взвода, уоррент-офицер третьего класса Букс.

— Верно, Гарри, — рассмеялся Джон. — Но сначала — маленькое кино. Смотрим, потом думаем.

Он развернул ноут и один за другим проиграл полученные от Майкджеларолики.

— Этот островок нужно захватить и удержать, — прокомментировал видеозаписи лейтенант. — На острове два человека, из них одна женщина. В папке на углу стола — карта

и прочее.

— Обмозговать надо, — заявил сержант Олаффсон.

— Мозгуйте, — согласился лейтенант. — Не буду мешать. Часа вам хватит?

Так всегда поступал капитан-лейтенант Фимовитц, так решил поступать и Видфаро. Пусть младшие командиры обсудят вводные и предложат решение, а он потом сравнит их мысли и свои. Это полезно. Люди знают, что начальство им доверяет, это сплачивает. Младшие командиры участвуют в поиске решений. Кому-то из них это пригодится потом, не вечно же сидеть на сержантских должностях.

Лейтенант прошёл по казарме, заглядывая в открытые двери кубриков. Рядовой состав занимался своими делами. Кто-то качал железо, кто-то спал, некоторые даже читали. Железные парни, что им один колдун?

Он вышел наружу. Стемнело. С побережья дул чертовски приятный прохладный ветер, он же принёс тучи moskitov. Видфаро засёк час и мужественно выдержал его, отвлекаясь только на почёсывание и шлепки. Москиты — хорошая тренировка выдержки...

— Вас водят за нос, — взял быка за рога Гарри Букс, стоило Джону хлопнуть за собой дверь кабинета. — Колдунов не бывает, все эти чудеса — обычная проверка лояльности!

— Это ваше общее мнение?

— Да, лейтенант, сэр! — хором ответил подчинённые.

— И больше ничего не хотите мне сказать?

— Почему, сэр? — пожал плечами Букс. — Мы накидали наши соображения, — он покачал в руке тонкой стопкой бумаги, — как действовать, если всё это правда. Но, попомните моё слово, лейтенант, сэр, не случится ничего.

— Хорошо, парни, — сказал лейтенант. — Я посмотрю, и спасибо за совет. Свободны!

Несмотря на скепсис, уоррент-офицеры и сержанты предложили вполне разумный план. О том же, с вариациями, думал и он. Значит, так и следует поступать.

...На третий день рота в полном составе заняла места в «Глоубмастере», туда же поставили три приданных им «Блэкхока» из состава 160-го авиаполка. Вечером были на Гуаме, перегрузились на вертолёт и уже своим ходом прибыли в Маджуро. Переночевали на базе и наутро, в полном боевом отпавились к точке.

Вся подготовка, к счастью, пошла прахом. Людей на острове не было, единственным защитником дома и пляжа оказался трёхцветный кот. Он скалился, шипел и таранился на бойцов злыми голубыми глазищами, потом куда-то запропастился. Спрятался от незваных визитёров.

Лейтенант связался с колонелем.

— Остров заняли, — доложил он. — Никого. Занимаю оборону.

— Хорошо, — ответил Майкджел. — Внимательнее там, лейтенант. Не думайте, что вам повезло. Через тридцать часов ожидайте морскую пехоту, сдадите позиции им. Вам всё понятно?

— Да, колонель, сэр, — ответил Джон Видфаро. — Есть внимательнее, есть не думать, что нам повезло.

— Хорошо, — повторил после паузы колонель и отключился.

Лейтенант постоял, качаясь с пятки на носок и обратно, и вызвал уоррент-офицеров. Чёрт его знает, что задумал колонель, может быть, и в самом деле проверка лояльности, а может, и нет. Это решительно не отменяет Устава. Приказано отнестись со всей серьёзностью — так тому и быть.

До вечера работали землекопами. В теле холма отрыли временки, укрыли их брезентом, замаскировали. Теперь, если будет время, морпехи смогут обустроить позиции незаметно со стороны.

— Обидно, сэр, — сказал Олаффсон, отряхиваясь от налипшего песка. — Получается, мы просто квартирьеры для пехоты?

— Отставить, сержант, — не поддержал разговор лейтенант. — Приказы не обсуждаются.

— Да, лейтенант, сэр, — уныло согласился сержант.

Видфаро обошёл позиции, проверил огневые точки. Всё сделали правильно, умелые пехотинцы, а сомневаться в морской пехоте США не было оснований, смогут оборонять остров столько, сколько потребуется и пока хватит боеприпасов.

— ...А-а-а!.. Дьявольское отродье!

Лейтенант оглянулся на крик. Один из рядовых тряс в вытянутой руке кота. Животное, которого боец жёстко держал за загривок, немо разевало пасть и пыталось достать своего пленителя когтями.

— Что за шум, Джонсон? — спросил лейтенант.

— Эта тварь, лейтенант, сэр!.. — боец краснел и бледнел попеременно, совсем как балеринка из хореографической школы. — Эта тварь нагадила мне в ботинок!

Бойцы вокруг грохнули от хохота.

— Ну-ну, Джонсон, — покачал головой Видфаро. — Заканчивай бардак, не у маменьки на каникулах.

— Казню поганца! — Джонсон свободной рукой потянулся к ножнам...

— Мяусей!!!

Возле бассейна переливался перламутром большой зыбкий пузырь. Рядом с ним стояли двое, мужчина и женщина...

Щекотка в голове пропала. Лиза выдохнула, села на угол гроба.

— Я сделала... что... ты просил, — тихо сказала она. — Твоя очередь, Аарнам Гобатша. «Я всегда выполняю обещания, — сказал мёртвый бог. — Хотя... надо было затребовать с тебя больше».

— Почему?

«Ты состаришься, пока станешь искать здесь магов твоего вида, — прошелестел Аарнам Гобатша. — В вашем мире мало нужной нам силы, она слишком рассеяна. Твоя память не умеет врать, это так. Ты пришла сразу ко мне, это правильно».

— Я жду, — начала злиться Лиза.

«Ты вернёшься домой, — ответил Аарнам Гобатша. — Ты не помнишь дорогу, но у тебя есть то, что помнит дорогу. Найди — и вернёшься!»

— Что это?

«Сделай приятно Зверю с Востока, — рассмеялся мёртвый бог. — Найди сама!».

— Если бы я... — начала Лиза и замолчала. Аарнам Гобатша пропал из её мыслей, втянул щупальца силы. Сделал вид, что умер окончательно.

— Чудовище. Помог, называется, — проговорила Лиза и покинула склеп.

Пока она шла к трещине, настроение выправилось. Если бог не соврал, а врать ему незачем, задача проста. Найти и проверить всё, что было надето на ней в миг перехода. Одна из этих вещей точно помнит дорогу. Лишь бы Зульфия не снесла её старое барахло на

помойку!

На берегу Лиза рассказала Виктору о посещении Аарнама Гобатша и заявила:

— Нам надо к Ивану Иванычу!

— Бандиту, который передал тебя службе безопасности... — задумчиво проговорил Виктор. — Хоть сейчас. Ты готова?

— Нет, — сказала Лиза. — Сначала заберём Мяусея. Он на острове, забыл?

Виктор молча открыл портал. Лиза привычно накачала его заклинание дармовой энергией, которой охотно делились мёртвые боги. Каждый из них мечтал хотя бы на миг почувствовать себя живым, и Лиза помогала им в этом.

Они шагнули вперёд, взявшись за руки. Кромешная тьма, смешанная с невыносимым светом, обняла их на миг — или на тысячу тысячелетий, с какой стороны посмотреть...

Посреди пляжа стоял какой-то вояка в камуфляже и с ножом в руке. Второй рукой он держал за шкуру несчастного кота-трёхцветку.

— Мяусей!!! Вик, этот урод мучает Мяусея!

Увидав хозяев, кот извернулся и вырвался из рук мучителя. С воплем, похожим на плач, Мяусей двумя прыжками достиг Лизы и прижался к её ногам.

— Оставайтесь на месте, руки за голову! — раздался чей-то голос. Только сейчас Лиза увидела, что их держат на прицеле два десятка обвешанных оружием мужчин.

— Ну, что, — шёпотом спросил Виктор. — Двинули? Наплюй на дураков.

— Лечь на землю, руки за голову! — потребовал тот же человек.

Это был, очевидно, командир захватчиков и он чувствовал себя в безопасности.

— Задержимся немного, — зло сказала Лиза. — Они обидели Мяусея, они изгадили наш дом. Это наш дом, хоть и на время. Такое нельзя спускать!

— Здесь армия Соединённых Штатов, — сказал вояка. — Последний раз требую подчиниться!

Мастер-сержант Марк Вильямс младший в сторону визитёров не смотрел. Там есть кому взять их в оборот, а его задача — прикрывать спины парней. Нет ничего хуже, чем потерять бдительность. Не все это понимают, особенно если жизнь не была... Правда, такие часто не доживают до полного пенсионера, а Марк очень рассчитывал дотянуть до отставки. Оставшись здоровым и с полным комплектом органов и конечностей.

Надвинув на глаза ноктовизор, Марк следил за лесом и береговой полосой в секторе своей ответственности. Там ничего не происходило, но это же не значило, что так будет и дальше? Мастер-сержант не отвлекался и не снижал бдительности, поэтому, когда за спиной громыхнуло, мгновенно залёг и приготовился отстреливаться.

Вильямс успел заметить ломаную трассу летучей мыши над лесом, а потом подул ветер. Засвистало, как во время торнадо, загремело. Воздух наполнили тучи песка. Марк стащил с головы ставший мгновенно бесполезным ноктовизор: вокруг были только жгучая песчаная пелена и мрак. Издалека, словно с другой стороны острова, кричали его товарищи. Вопли эти раздавались и спереди, и сзади, и со стороны океана, хотя Марк Вильямс знал точно: там нечего делать его сослуживцам.

Ветер взвыл совсем уж оголтело, потащил мастер-сержанта по песку. Марк в панике шарил руками, пока не наткнулся на колючий обломок коралла. Чтобы удержаться на месте, Марк вцепился в него что было сил.

— Ааааа!.. — взбесившийся воздух пронёс мимо Джонсона в одном ботинке. Рядовой крутил руками как вентилятор, тарашил глаза. Потом он канул во мгле.

Стало трудно дышать, ремень винтовки врезался в грудь. Марк замычал, замотал головой и выкрутился кое-как из оружейного ремня. Он почувствовал облегчение, но ненадолго. Ветер ворвался в глотку, обжёт лёгкие. Пальцы разжались — и Вильямс взмыл вверх.

Несколько бесконечно долгих секунд его крутило и бросало из сторону в сторону. Небо и земля поменялись местами, Марк представил, как сейчас его разорвёт на множество совсем уж маленьких Марков Вильямсов младших. Ему стало невыносимо жалко себя и будущего пенсионера, и в этот миг ураган швырнул его в воду.

«Морские котики» — элита армии Соединённых штатов. Марку Вильямсу младшему понадобилось не более двух секунд, чтобы прийти в себя. Он извернулся и встал на ноги.

Был штиль. Марк стоял по пояс в воде, вода была вокруг, сверху светилось бесконечное звёздное небо, а в полумиле впереди вставал из Тихого океана остров с зелёным холмом в центре и бунгало у его подножия. Пустой остров, только возле самого дома мерцал и переливался перламутровый пузырь.

Рядом зафыркали. В нескольких шагах от Вильямса поднялся на ноги первый лейтенант Джон Видфаро. Вода текла с него ручьями. Лейтенант отплевался, перехватил поудобнее винтовку и сказал:

— Хорошо полетали. Где твоё оружие, сержант?

— Что? Я, лейтенант, сэр... — не зная, что ответить, промямлил мастер-сержант. Новое явление природы спасло его от дальнейших объяснений. В небе сверкнула, и метрах в пятидесяти от них в океан грудой искорёженного металла вонзился «Блэкхок». Плеснула волна, брызги окатили сержанта и лейтенанта с вершу донизу. Какие мелочи, на них и так нет сухого места.

— Извините, лейтенант, сэр, — язвительно сказал Вильямс, — а кто отвечает за вертолёты?

— Стошестидесятый авиаполк, сержант, — ответил Видфаро. Он снял с пояса рацию, потряс, скривился. — Пошли, найдём остальных. Всем нам надо хорошенько подумать, что писать в отчётах.

С грохотом в океан обрушился второй вертолёт. Лейтенант не обратил на него внимания. Не им на голову — и то ладно.

— Позвольте сказать, сэр? — спросил Вильямс.

— Да, сержант?

— Русские, получается, не ввали...

— Мир сошёл с ума, перевернулся вверх тормашками, Вильямс, — заговорил Видфаро. — всё не так, как должно быть. Русские не врут, а роту «морских котиков» вышвыривают с острова, как нашкодивших котят. Может быть, нам пора менять профессию? Что будешь делать, если выпрут из армии?

— Не знаю, сэр, — уныло сказал Марк Вильямс младший. — Когда-то я неплохо играл на бильярде. Наверное, снова возьму в руки кий. Лейтенант, сэр, думаете, до этого дойдёт?

— Не знаю, сержант.

От роты осталась половина. Да и та... Переломы, растяжения, обширные ушибы. Только лейтенант и мастер-сержант отделались лёгким испугом. Третий «Блэкхок» и его экипаж пропали без следа.

...- Вы свободны, лейтенант, — сказал Майкджел.

— Колонель, сэр!

— Что ещё, лейтенант?

— Не ведите переговоров, колонель, сэр!

— Что вы имеете в виду, лейтенант?

— Нельзя оставить это так, сэр, — сказал Джон Видфаро. Глаза его блестели, над скулами вспухли желваки. — Иначе выходит, парни погибли ни за что! Это не моя компетенция, сэр, но если... будет принято решение отомстить... Его обязаны принять, колонель, сэр! Если... когда его примут... пусть стреляют сразу, без предупреждения!

Майкджел пожевал губами и сказал сухо:

— Я учту ваши соображения, лейтенант. Ступайте.

Джон Видфаро откозырял, развернулся и вышел из кабинета. Колонель взял стопку отчётов, аккуратно разложил на столе.

Самая толстенькая пачечка — отчёт самого первого лейтенанта. Двенадцать листов, скреплённых зелёной скобой. Подготовка, выбранная для операции тактика, распределение ролей по взводам и группам, план действий — по минутам. Анализ действий и рапорт о потерях. Совершенно невиданных потерях, начиная с иранского провала. За правильными словами, за казёнными оборотами колонель ясно увидел панику. Элитное подразделение самой великой армии мира натыкали носом, при этом не особо напрягаясь.

Отчёты уоррент-офицеров и сержантов отличались только в мелочах. Четырёх отчётов не хватало, они никогда не будут написаны. Их авторы не вернулись, погибли при исполнении.

Майкджел медленно встал из-за стола и запер кабинет. Медленно, чтобы не сорваться и не расколотить к чертям монитор или принтер, достал из ящика стола початую пачку сигарет. Закурил и в три большие затяжки прикончил первую сигарету, сразу поджёт вторую; её уже курил не торопясь, подолгу задерживая дым в лёгких.

Дьявольщина, он чуть не дал волю нервам при подчинённом! Этого ни в коем случае нельзя делать, если он намерен отомстить. Истерики проигрывают, поэтому к чёрту эмоции. Легко сказать! От злости горело в груди. Их раздавили и уничтожили! Вот к чему приводит недооценка противника. Русские уже обожглись, европейцы получили по морде и нескоро забудут Варшавскую катастрофу. Неужели теперь очередь Соединённых Штатов, неужели они проглотят унижение?

Колонель включил кондиционер, дождался, пока воздух в кабинете очистится и нажал кнопку на селекторе.

— Здесь колонель Майкджел, SEAL, — доложил дежурному офицеру на экране коммуникатора. — Прошу генерала Эндрю Хиггинсона, срочно!

Збыслава Копляка одолевали дурные предчувствия. Слишком уж радушными и уверенными в себе выглядели хозяева, слишком парадными офицеры, нарочито бравурными релизы пресс-центра, а «Джордж Вашингтон» чересчур подавлял неуязвимостью и мощью.

— Ланч, сэр?

Копляк отложил газету. Рядом остановился афроамериканец в форме стюарда: безукоризненно белый китель, белая же шапочка, широкая улыбка на эбенового цвета лице. В руках стюард держал поднос. Без изысков, но и с претензией — сладкий картофель с

индейкой в соевом соусе, маринованный бамбук, фигурно нарезанные дольки киви, высокий стакан апельсинового сока. Отдельно — тост с ветчиной и баночка джема.

Неплохо питаются военные моряки США.

— Спасибо.

Копляк отложил газету, освобождая место на столе. Стюард оставил поднос, ещё раз улыбнулся и ушёл.

Под пресс-центр отгородили часть столовой. За ширмой стучала вилками и ложками свободная смена, раздавались уверенные голоса и смех, а с этой стороны два десятка избранных репортёров стучали по клавишам ноутбуков, строчили что-то в блокнотах, читали обзоры прессы — или перекусывали, как и сам Копляк.

Индейка у поваров получилась выше всяких похвал, Збыслав даже пожалел, что в таких обстоятельствах не принято просить добавки. Бамбук был в меру кислват и в меру сладок, а тост показался пересушенным и слишком жёстким.

Возможно, это возраст. На флоте, как и в армии вообще, служит большей частью молодёжь с крепкими зубами и отменным аппетитом. Збыслав и хотел бы назваться молодым, но зачем обманывать самого себя? Пятый десяток, время задуматься о диетах.

Он отставил поднос и вернулся к статье.

Какой-то умник из Гардиан рассыпался мелким бисером перед заокеанским патроном. Заискивал, но при этом язвил. Нижайше рекомендовал повесить стандарты подготовки специальных подразделений.

Немцы рассуждали о трубопроводах, как будто кроме газа их вообще ничего не волновало. Збыслав так и не понял, каким образом побоище в Микронезии увязывалось с поставками американского сжиженного газа и как оно влияло на снижение цен, но... У кого что болит.

Американские авторы кипели праведным гневом и жаждали возмездия. «Ничем не спровоцированная агрессия», «И снова русские?», «Чего стоят наши защитники...», «Результат недостаточного финансирования оборонных программ», — эти и подобные им тезисы повторялись в десятках вариаций. Общее мнение было — наказать и как можно более жестоко.

«Никогда в истории, — писал обозреватель National Interest Дэвид Огуречны, — Соединённые Штаты не сдавались перед врагом. Отступать — не в нашем национальном характере. Враг должен быть уверен: любое нападение, любой намёк на противодействие мы подавим всей мощью вооружённых сил!»

Огуречны не был свидетелем Варшавской катастрофы, не слышал, как ломали лёд Вислы пролёты Гданьского моста. Его можно понять. Десяток охранников Цитадели с пистолетами — не авианосец «Джордж Вашингтон» в сопровождении двух эсминцев и десантного корабля Эссекс, а беспилотный дрон, транслирующий виды для туристов — не авиакрыло, где шесть десятков только одних F-18 «Супер Хорнет».

Збыслав отпил сока. Велика Америка! Даже в тысячах миль от родных берегов её моряки обеспечены свежими апельсинами.

Улыбчивый стюард возник рядом с ним на миг, подхватил поднос и оставил за собой чистый стол.

— Господа, внимание!

Офицер по связям с прессой прошёл в центр зала, остановился возле обзорного экрана.

— Противник в зоне непосредственного поражения палубной авиации.

Экран показал схематическую карту. Синим были изображены силуэты кораблей авианесущего соединения, красной точкой — противник.

— Командующий соединения не видит смысла в дальнейшем движении вперёд, — сказал офицер. — Пора дать работу авиации.

Он улыбнулся, а на экране появились две красивые, похожие на крылья синие стрелы. Они охватывали остров, где окопались террористы, с двух сторон.

— А как же правительство Микронезии? — поднялся с места один из журналистов. — Это их территориальные воды.

— Госдепартамент не зря ест хлеб, — улыбнулся офицер. — Всё согласовано, все нужные разрешения получены. Мы всегда уважаем интересы наших союзников и партнёров.

Звук машины под ногами неуловимо изменился. «Джордж Вашингтон» замедлял ход. Обзорный экран разделился на множество окошек — по числу камер, установленных на машинах авиакрыла. Одно, самое большее, продолжало транслировать тактическую схему. Эту же картину дублировал экран его ноутбука.

Сработала катапульта. Мгновенное ускорение, и F-18 второго лейтенанта Энтони МакГилла прыгнул в воздух, немного просел, а потом взмыл ввысь. Как всегда в эти секунды, накатила эйфория — от мощи под ногами, от силы и власти. От принадлежности к элите элит.

Мы — лучшие! Враги жмутся по углам, не решаются показать нос. Всё, что умеют — жалить исподтишка, убогие и недалёкие. Даже жаль их, непонимающих, не видящих истинного света прогресса. Разве авианосец под плоскостями — не лучшее свидетельство нашей правоты?

Энтони заложил широкий вираж, скосил глаза на далёкую палубу. Оттуда поднимались «Супер Хорнеты», занимали нужный эшелон, кружили, ожидали остальных.

У второго лейтенанта похолодело в груди. Излишняя впечатлительность — недостаток, так сказал командир звена, майор Эванс. Возможно, но Энтони не хотел его исправлять. Там, внизу, трудились его товарищи. Элеваторы один за другим подавали наверх «Супер Хорнеты», лётчики занимали свои места и взлетали. Огромный авианосец, весь его экипаж, работал слаженно, как единый организм. Не хуже и парни в кабинах самолётов. Как не гордиться сопричастностью? Если рассуждать непредвзято, майора можно понять. Когда на тебе ответственность, а за спиной уже почти тридцатник, приходится держать эмоции в узде.

Ожил переговорник:

— Здесь Второй, — сообщил он голосом майора. — Выходим на согласованный курс. Атака строго по команде. Двинулись, парни!

Началось!

Энтони качнул крыльями и прибавил газу. Душа пела. До островка, где засели террористы, пять минут лёта. Пусть молятся!

— Боевой разворот! — скомандовал Эванс.

Руки сработали сами. Океан под крыльями крутанулся, в кабине стало темнее — сейчас солнце смотрело строго в хвост «Супер Хорнета». Прикрытый облачной дымкой клочок суши вполз в рамку прицела.

— Огонь по готовности!

Сверху к острову протянулись дымные полосы. Энтони дождался, когда маленький

домик на экране совместится с перекрестием прицела и пустил ракеты. Машина на миг споткнулась, потом движок освобождено взревел.

Первые ракеты достигли цели, расцвели разрывами. Потом... Второму лейтенанту захотелось протереть глаза под очками. Ракеты остановились на полпути, застряли в полёте. Вернее, они двигались, но лениво, словно окружал их не воздух, а густое прозрачное масло. Выхлоп двигателей растекался около них дымной кляксой.

Косматая звезда появилась по курсу впереди. Распухла и разделилась на звёздочки поменьше, полупрозрачные, дрожащие, как яйцеклетка в познавательном фильме BBC. Эти части недолго держались вместе, разлетелись каждая в своём направлении.

Словно замороженный, Энтони следил, как растёт перед глазами звезда, превращается в призрачный шар, голубоватый, пронизанный красными нитями. Словно кто-то подсветил изнутри прожектором щёки алкоголика Бена, старика и соседа, который жил на соседней улице.

Майор Эванс первым заподозрил неладное.

— Уходим, немедленно! — закричал он в шлемофонах.

Второй лейтенант МакГилл собрался включить форсаж, но понял, что не успевает. Шар наскочил и проглотил его «Супер Хорнет», и наступила темнота.

— Всем гражданским срочно вернуться в свои каюты! — громкоговоритель в пресс-центре не умолкал, повторял приказ снова и снова. Збыслав заторможено поднялся из-за стола, не в силах оторваться от экрана. Окошки гасли один за другим, потом остались только два: тактическая карта и вид, который передавал «Хокай», самолёт РЭБ, летящий километрами выше. Авиазвено майора Эванса перестало существовать, превратилось в дымные облачка, которые дрейфовали к востоку, медленно распадались, рассеивались под ударами ветра.

— Сэр, поторопитесь!

Растерянный сержант тронул Копляка за локоть.

— Да, да, конечно... — пробормотал Збыслав, сложил ноутбук и выбежал из бывшей столовой.

Ревели сирены, надсадно гудели машины. Стены дрожали. По коридору в обе стороны бежали офицеры и матросы. Никому не было дела до журналиста из союзной Польши. Что, вообще, происходило? Откуда эта нервозность?

— Сюда, Збышек, скорее!

Копляк пришёл в себя. Оказывается, он уже добрался до своей каюты, и сосед, швед Сёренсен, уже стоял в открытых дверях и выкрикивал его имя.

— Что происходит, Курт? — спросил Збыслав, когда дверь каюты отрезала его от шума и суеты.

— Мы разворачиваемся, — ответит Сёренсен. — Кажется, мы бежим.

Он был неестественно спокоен, только нижняя губа кривилась и подёргивалась.

— Бежим... — повторил Збыслав.

Скинув со стола бумаги, Копляк водрузил на него ноутбук. Программу никто не отключил, и трансляция продолжалась. Камеры панорамного обзора, ориентированные по сторонам света, показывали куски палубы, море, небо и бурун за кормой. Среди редких облаков висела вереница голубовато-красных шаров, таких же, что уничтожили авиазвено.

— Они приближаются, — нервно сказал Сёренсен.

— Авианосец нельзя потопить! — выкрикнул Збыслав.

— Ты веришь в это, пан?

Збыслав не ответил, да вопрос и не требовал ответа. Он ждал: капитан обязательно найдёт, чем ответить, не может не найти.

Экран заволокло дымом: стартовали противоракеты.

— Вот видишь, Сёренсен... — произнёс Копляк. — Сейчас всё станет как надо!

Ракеты достигли шаров и разорвались. Секунду на месте разрыва висел дым, потом он рассеялся... Шары, как ни в чём не бывало, приближались, забирая вправо, растягиваясь в длинную неровную линию.

— Они хотят ударить в борт, Збышек... — мёртвым голосом сказал швед.

Словно прислушавшись и согласившись, шары ускорились и нырнули вперёд и вниз, уходя из поля зрения камер. Почти сразу же корпус «Джорджа Вашингтона» сотряс далёкий, обманчиво слабый удар. Потом второй, третий, четвёртый...

Авианосец задрожал, снова взвыли ревуны. Где-то в глубине титанического корабля рвались боеприпасы, отзвуки этих ударов достигали слуха через сотни метров переборок. Горизонт в ноутбуке покачнулся, накренился влево.

— Выбираться, надо выбираться наружу! — закричал Сёренсен.

Он распахнул дверь: коридор заволокло паром. Видимо, повредило трубопровод, и пар бил прямо из стены, наискось перечёркивая выход. Сёренсен сунулся было туда, но отпрянул, мотая головой:

— Горячо, чёрт! — он закашлялся; от негорючего пластика стен в каюту потёк ядовитый красноватый дым. — Помоги, пан!

Вдвоём они с трудом захлопнули дверь: механизм успело перекосить, это удалось не с первого раза. Потом они сели на койки и посмотрели друг на друга. Лицо Сёренсена покраснело, особенно левая щека.

— Неудачно, чёрт! — швед тронул пальцем щёку и скривился. — Больно...

— Здесь должна быть аптечка, — сказал Копляк.

Отыскав в рундуке пенал с красным крестом на крышке, он жирно намазал Сёренсену щёку мазью от ожогов.

— Молись, викинг, чтобы это скорее кончилось.

— Да, — ответил швед.

Ноутбук звякнул, окно трансляции заполнил видеошум, на его фоне появилась надпись: «Извините, поток недоступен».

— Вот и всё, — сообщил Збыслав и закрыл программу.

— Докладывайте, Хиггинсон, — распорядился президент.

— Это полная катастрофа, господин президент, — сказал генерал. Углы его рта, и так обычно направленные вниз, совсем опустились, стали одним целым со скорбными морщинами на щеках. — Корабли эскорта затонули, а сам «Джордж Вашингтон» сильно разрушен и только чудом держится на плаву. Потеряно девяносто процентов мощности. Реактор... ремонтные бригады работают непрерывно, накладывают пластыри, только бы не допустить прорыва натрия.

— Натрия? — президент приподнял бровь.

— Рабочее тело теплообменника — жидкий натрий, — объяснил Хиггинсон. — Он чрезвычайно активен, люди работают сменами по тридцать минут. Полтора часа отдыха — и

опять в горячую зону.

— Оставьте технические детали для отчёта, — сказал президент. — Дальше.

— Авиакрыло уничтожено полностью, — продолжил генерал. — Атакующее звено — в воздухе, остальные машины в трюмах. Несколько «Супер Хорнетов» оставались на палубе, они и успели подняться, террористы сбили их в воздухе. Мне очень жаль.

На «Джордже Вашингтоне» лётчиком истребителя служил младший сын президента, это знали все. Президент быстро овладел собой, хотя на миг дрогнул лицом, а в глазах мелькнули растерянность и боль.

— Тип оружия определили? — спросил он.

— Пока нет, — развёл руками Хиггинсон. — Что-то совершенно новое, специалисты работают. Могу сказать почти наверняка — это не русские.

— Почти?

— Да, господин президент, — ответил генерал. — Конечно, разведка могла прошляпить, но чтобы настолько?.. Аналитики дают не более десяти процентов вероятности.

— Десять процентов, это много, — возразил президент. — Что-то ещё? Только без подробностей, самую суть.

— Потери личного состава — примерно половина, сейчас не могу сказать точно, не все помещения ещё разблокированы, — генерал замолчал, собираясь с мыслями, потом сказал: — Авианосец практически не подлежит восстановлению. Проще построить новый. Это если очень кратко и суть.

— Значит, террористы?.. — задумчиво произнёс президент.

— Да, — ответил генерал.

— Хорошо, — сказал президент, — свободны. Письменный отчёт передадите непосредственно в аппарат Белого дома. Не торопитесь, но и не задерживайте.

— Да, господин президент, сэр!

Генерал коротко кивнул и вышел из Овального кабинета.

Президент подошёл к окну. Лужайка перед Белым домом была пуста, только ходил с газонокосилкой парень из охраны. Заболела рука. Президент в недоумении посмотрел на обломки карандаша, который он крутил в пальцах во время доклада генерала. Острые щепки впились в ладонь...

— Уходим, — сказал Виктор. — Здесь нам нечего больше делать.

Они стояли среди развалин дома. Первые снаряды достигли цели, самолётов и ракет было слишком много, а Виктор не хотел убивать.

— Да, — сказала Лиза. — Скоро. Дай проститься, это был наш дом.

— Наш дом там, — муж неопределённо махнул рукой, — нам нужно найти дорогу!

— Да, сказала Лиза. — Да.

Мяусей в её руках подрагивал и прижимал уши. От был напуган, когти левой терзали Лизино предплечье. Правую лапу кот беспрестанно облизывал. Недавно на её месте была кровавая культя. Лапу оторвало осколком. Как только бой кончился, Виктор залечил эту рану и вырастил коту новую конечность, но ужас в глазах животного всё не проходил.

— Надо уходить, — снова сказал Виктор. — Мы и так задержались здесь слишком долго.

— Слишком долго, — повторила Лиза. Последние часы она тормозила. Врач назвал бы это состояние шоком или посттравматическим синдромом, а Лиза просто пыталась

разобраться в себе. Совсем недавно они с Виктором уничтожили несколько тысяч человек! Да, эти люди напали первыми и хотели убить их, но у них всё равно не было шансов. Никаких шансов, одна самоуверенность. Всё равно, что жестоко отшлёпать глупого, капризного, надоедливового ребёнка.

«Уходите, немедленно! — возник в её сознании знакомый голос. — Совсем скоро сюда придёт смерть!»

«Аарнам?.. — подумала Лиза. — Что ты здесь делаешь?»

«Не время, потом! — мёртвый бог был напуган. — Я не смогу защитить вас, только себя, но я и так уже мёртв».

— Уходим, — сказала Виктору Лиза, — открывай.

— Я готов.

Рядом вспух перламутровый пузырь портала.

«Скорее!» — закричал Аарнам Гобатша.

Лиза взяла Виктора за руку, и они вместе сделали шаг.

Последнее слово Великая армия оставила за собой. Через миг в небесах родилось новое солнце. Мегатонная ракета, запущенная с бомбардировщика-невидимки за пятьсот миль отсюда, взорвалась в десятках метров в воздухе над островом. Всё живое и материальное мгновенно сгорело в термоядерной вспышке. Чудовищный гриб поднял вверх тысячи тонн пыли и пара.

Он был немного меньше, чем предписывала теория, а сверху радиоактивной тучи мелькнули огромные призрачные крылья, похожие на крылья летучей мыши.

Но этого никто не увидел.

Встреча десятая. Всем сестрам

После памятного звонка Коту и того, что за ним последовало, Иван Иванович жил в неопределённой тревоге. Она поутихла поначалу, о Лизе не было ни слуху, ни духу; Иван Иванович подумал, что генерал смог найти на целительницу управу, но потом завопило на все голоса «мировое сообщество», и Лизу отдали!

Узнав об этом, Иван Иванович опешил. Как это возможно — вручить врагам оружие такой силы?! Чем думал генерал Кот, о чём думало его начальство? Решение, и это понял бы любой привокзальный гопник, принималось на самом верху.

После Варшавской катастрофы Иван Иванович немного успокоился, подумал, что Лизавета доигралась. Прошло несколько месяцев, он вовсе успокоился, но тут случилась небольшая война в Тихом океане. Кадры разгрома американского флота заполнили СМИ, американцы, отвыкшие получать по носу, ответили истерично и страшно. Мог бы кто-то выжить в термоядерном огне? Конечно, нет! — так бы Иван Иванович подумал два года назад. Сейчас он ни в чём не мог быть уверен до конца.

Поэтому он даже не удивился, когда в дверь его кабинета вошла Лиза собственной персоной, а с нею — незнакомый мужчина лет тридцати с хвостиком. Из-за спины мужчины выглядывала испуганная Зульфия.

В животе у Ивана Ивановича похолодело, а во рту появился противный привкус меди. Он следил за гостями, как кролик за удавом. Вкусный толстый кролик в глубокой уютной норе — мировой закусон для фигуристого удава с голубыми глазами и копной золотых волос на голове.

Лиза неспешно прошествовала к столу и села в кресло — прямо напротив хозяина.

Надо было что-то делать. Нельзя сидеть просто так и ждать, пока удав тебя сожрёт! Но что придумать, чтобы он подавился? В голове, как назло, было пусто и, кажется, даже свистел ветер...

Иван Иванович сунул руку под стол — в глазах мужчины появилась усмешка — вынул оттуда бутылку коньяка, заторможенно поставил на стол. Тем же путём рядом с бутылкой образовался пузатый стакан. Иван Иванович наполнил стакан с мениском, медленно поднял и медленно же выпил, стараясь не пролить ни капли.

Хорошее пойло не бьёт по голове и желудку, как примитивная палёнка. Хорошая выпивка прочищает мозги и успокаивает нервы, если, конечно, ещё есть, что прочищать и успокаивать.

— Это твой муж? — спросил Иван Иванович, дождавшись, когда жидкий огонь пробежит по пищеводу и мягко успокоится в желудке.

— Да, — равнодушно ответила Лиза.

— Рад, что ты его нашла, — отважно сказал мафиозо.

Лиза промолчала. Она смотрела мимо Ивана Ивановича, не в глаза, а куда-то сквозь него, словно там, на деревянной стене было что-то интересное — или вообще было хоть что-то.

Заломило в затылке. Стар он уже для таких экспериментов — полный стакан сорокоградусного, залпом и без закуски. Голова стала тяжёлой, звуки отдалились, словно между ним и окружающим миром образовался толстый слой ваты. Пусть. Наверное, так будет легче... Сейчас Лиза убьёт его, никаких сомнений. Будь он на её месте, убил бы непременно!..

— Где мои вещи? — внезапно спросила гостья.

— Что?.. — от неуместности вопроса Иван Иванович даже немного протрезвел.

— Одежда, обувь, — терпеливо объяснила Лиза. — Всё, что было на мне и со мной.

Иван Иванович пожал плечами и беспомощно посмотрел на Зульфию:

— Где её вещи?

— Всё забрали те люди, — торопливо ответила Зульфия. — Всё-всё, не оставили вообще ничего!

— Всё забрали... те люди, — повторил Иван Иванович.

— Я говорил, — непонятно сказал мужчина.

— Значит, повидаемся, — холодно улыbnулась Лиза, и Иван Иванович увидел, что глупо завидовать тому, с кем она хочет повидаться.

— Не надо нас провожать, — тем же тоном продолжила Лиза и встала.

— Не буду, — пробормотал Иван Иванович. Язык заплетался, крутило и мутило, но, главное, он был жив! Через секунду в кабинете остались только он и Зульфия.

— Вам плохо, хозяин?

В глазах у экономки плескался испуг.

— Иди, — хрипло приказал Иван Иванович. — Мне хорошо.

Зульфию, несмотря на всю её дородность, словно сдуло. Иван Иванович встал, покачиваясь — и тут низ живота скрутило болью. Позыв был таким внезапным — и при этом таким знакомым! Он успел забыть, что такое приступ простатита, и теперь, похоже, придётся привыкать вновь. Иван Иванович стиснул зубы и, держась за стенку, поплёлся в сортир. Лиза не убила и не изувечила его, она просто забрала назад свой подарок.

— По вашему приказанию, Сергей Иванович.

Хозяин кабинета махнул рукой в сторону кресла. Викентий Казимирович подошёл, с удобством расположился. Рядом с креслом для посетителей стоял графин с апельсиновым соком. Кот наполнил стакан и сразу выпил треть стакана. Пекло стояло страшное, и не скажешь, что глобальное потепление, особенно если вспомнить недавние дожди и холод. В такую погоду генерал-полковник чаю не пил и для гостей его не держал. Викентий Казимирович мог бы и поспорить, что в жару хороший чай — самое то, но спорить с начальством неконструктивно, а на безрыбье и сок за гербовую сойдёт.

Генерал-полковник отложил очередную газету, снял очки, принялся протирать мягкой тряпочкой.

— Читали прессу, Викентий Казимирович?

— Кое-что изучил, господин генерал-полковник, — ответил Кот.

— Вот знаете, Кот, — сказал Сергей Иванович, — не лежит у меня душа ко всем этим господам. Ну, согласитесь, глупо звучит: господин майор, господин сержант, господин генерал-полковник... Мы с вами когда начинали служить, ещё все товарищами были. Нет, я понимаю, — он поднял руку, предупреждая слова Кота, — есть Уставы и распоряжения вышестоящего руководства. С другой стороны, товарищем называть... Ну, какой я товарищ своему подчинённому? Я его начальник, я хозяин его времени и жизни часто, а товарищ — это слово практически интимное. Коммуняки только его загадили.

— И как быть, Сергей Иванович? — поинтересовался Кот.

— Давайте, Викентий Казимирович, так и будем, по имени-отчеству. Люди мы немолодые и заслуженные. Отчества заслужили уж точно. Да?

— Согласен, Сергей Иванович, — ответил Кот.

— Ну, раз согласны, докладывайте, что вычитали в прессе, — подбодрил Кота генерал-полковник.

— Оценки разные, — осторожно сказал Кот. — Потери от четырёх до пяти тысяч человек, три корабля поддержки, но, главное, CVN-73 выведен из строя. Таким образом, Седьмой флот обезглавлен и недееспособен.

— Да, — кивнул генерал-полковник.

— Аналитики утверждают, — продолжил Кот, — это приведёт к изменению политики США на всём тихоокеанском ТВД. Уж точно, они эту акваторию без авианосца не оставят, значит, переведут сюда другой.

— И снова да, — согласился Сергей Иванович.

— Это всё затраты, это напряжение сил, это... Большие изменения и они не в пользу США. Что они в нашу пользу, — Викентий Казимирович на секунду задумался, — не скажу но Китай обязательно получает некоторое тактическое преимущество. Как это аукнется в дальнейшем — непонятно. Что же касается ядерной атаки... сейчас на них весь регион зубы точит. Как будут оправдываться — не знаю. Одних экологических исков — на сотню миллиардов. Рыболовство, туризм, они же всё порушили в момент!

— Да, — сказал задумчиво Сергей Иванович. Он закончил протирать очки и снова водрузил их на нос. — Всё правильно. Боеготовность Соединённых Штатов снизилась, один из десяти авианосцев выведен из строя. Это только прямой урон, а сколько сопутствующего... Авторитет подорван, уважение после взрыва мегатонника — чисто номинальное, за силу. Теперь к вам такой вопрос: что делать с человеком, который практически в одиночку организовал такой урон — материальный и моральный — нашему самому вероятному противнику?

— Надеяться, что она про нас не вспомнит, — решительно сказал Викентий Казимирович.

— Что? — не понял его генерал-полковник. — А, нет... Лизавета тут, скорее, объект. Оружие. Я вас имею в виду, Викентий Казимирович.

Кот, не найдя что сказать, снова налил себе сока.

— Не знаете? — ехидно поинтересовался Сергей Иванович. — Не знаете... Эх Викентий Казимирович! Это она случайно такое устроила. А если бы договориться? Сразу договориться?

— Кхм... — в горле у Кота пересохло.

— Вы пейте сок, пейте, — усмехнулся генерал-полковник. — Да, что-то мы с вами не доработали. Не предусмотрели, да?

— Сергей Иванович! Я... — начал Кот, но хозяин кабинета его остановил.

— Все ваши доводы я знаю, — сказал он. — Все слышал и даже согласился. Так что пока готовьтесь к повышению. К переводу в Главное управление. Но думайте, хорошо думайте, что делать, если она про нас всё-таки вспомнит. Задача ясна?

— Так точно, Сергей Иванович, — Кот поднялся. — Задача — думать.

— Да, — подтвердил генерал-полковник. — И я подумаю. Лизавета для нас, Викентий Казимирович, главный фактор неизвестности. Можно и так повернуть — и эдак.

После ремонта шоссе расширили и заново заасфальтировали. Машина ровно и тихо. Молчал сержант-водитель, свистел ветер в приоткрытом окне, смешно пыжился в

радиоприёмнике очередной хрипун-патриот. Викентий Казимирович думал...

Штатная структура Главного управления — не секрет для человека, который уже несколько лет руководил управлением областным. Никто не будет создавать под него новый департамент. Штаты, особенно в нынешние времена, не резиновые. Только бездельники из оппозиции, крикуны площадные, блогеры и жежешники, считают, что денег у ФСБ — хоть лопатой гребь. Денег, на самом деле, как провианта у солдатушек из древней байки: «Хватает провианта, вашбродь, даже остаётся! Остатки-то? Съедаем, вашбродь, даже не хватает!»

Нос вытащишь — хвост увязнет.

По всему получалось, Сергей Иванович прочил его на должность Сигматуллина, своего зама по оперативной работе. Риму Шагалиевичу как раз предложили место в Академии, тем более, ему до пенсии всего полгода.

Заместитель начальника Главного Управления. Это звучало. Это звучало хорошо, значительно. Одна загвоздка — как к переезду отнесётся Наталья? Ехать без неё — разрушить всё, что сложилось между ними за год, тащить с собой... а захочет ли? У неё своя жизнь, сложившийся круг знакомых, дача в пригородах, которая осталась от родителей. Лучше бы согласилась, да и ему без Наташи никакая Москва не нужна.

Въехали в город. Генерал бросил взгляд на часы: до конца рабочего дня всего четверть часа.

— Давай-ка сразу ко мне, — бросил он водителю.

— Да.

Они свернули на Фрунзе, двинулись в плотном потоке новеньких иномарок. Народ спешил из душных офисов в пригороды, туда, где прятались за заборами уютные посёлки. Плохо живём, да. Кот усмехнулся: если посмотреть, вряд ли найдёшь на дороге машину старше трёх лет! Так нет же, ругаются, интригуют, пишут. Что людям надо, чего им неймётся?

Слова бы правильные найти... Наталья женщина умная, но, как всякая женщина, требует подхода. Чувства раньше их родились.

Вот и их поворот. Стоянка при доме пустовала: люди здесь жили серьёзные, не офисный планктон, заполонивший сейчас улицы. Рано со службы не приезжал никто.

— Ждать, господин генерал? — спросил сержант, положив пальцы на ключ зажигания.

— Пожалуй, — согласился Кот. — Я отзвоню.

Курлыкнул замок, парадная встретила приятной прохладой. Нет, не станет он хитрить, недостойно это. Скажет: так, мол, и так, предлагают работу в столице. Думай быстрее, любимая!

Так и не решив до конца, как именно построить разговор, Викентий Казимирович вошёл в квартиру.

Сначала Кот подумал, что Наталья принимает гостей. Двое, мужчина и женщина, сидели за столом спиной к дверям, сидели покойно, расслабленно. Потом он увидел глаза Натальи и понял — неправильные это гости, незваные.

— Что здесь происходит... — начал он. Женщина обернулась, и Викентий Казимирович осёкся: он помнил эти глаза. Тогда в них были усталость, обида и страх, а сейчас их хозяйка посмотрела на него холодно и равнодушно. Мелькнуло на миг узнавание, но не прибавилось ни злости, ни, тем более, приязни. Спутник Лизы в сторону генерала даже не повернул головы.

Вот и всё. Осталось лишь умереть с честью. Только бы визитёры не тронули жену!

— Наташа! — преувеличенно бодро сказал он. — Почему не угощаешь гостей? Чайник ставь. Или нет, лучше я сам, они такого чай не пробовали, наверное.

— Прекратите, генерал, — сказала Лиза. — Не паясничайте. Вы должны понимать, я ваш чай пить не стану.

— Что... вам тогда надо? — решился Кот.

— Экономка известного вам бандита, её имя Зульфия, — скучным голосом заговорил мужчина, — рассказала, что вы забрали все её, — он кивнул на Лизу, — вещи. Верните — и мы уйдём.

— Викеша! — горячо заговорила Наталья. — Это очень важно, они объяснили. Сделай, как они просят.

— Это вещественные доказательства, — попытался воспротивиться генерал. — Я не имею права!..

— Я тебе говорил, — сказал мужчина Лизе, — это бесполезно. Все вояки одинаковые. Я отправляюсь, сделаю всё сам.

Викентий Казимирович как наяву увидел Варшаву, увидел горящий, искорёженный авианосец «Джоржд Вашингтон», флагман Седьмого флота США. Так они делают дела когда сами. Какое этим людям дело, что Управление в самом центре города? Это их право и их сила.

— Подождите!.. — выдохнул он и достал телефон.

Подполковник Григорьянц, начальник спецхранилища, ответил сразу.

— Воскан Борисович, — сказал Викентий Казимирович. — Сейчас приедет мой водитель, ты его знаешь. Отдай ему всё по объекту «Лизавета». Да, всё. Да, абсолютно всё! Под мою личную ответственность! Не знаю, как ты это оформишь, я подпишу все бумаги... Да. Я тебя когда-нибудь обманывал? Хорошо, отбой.

После звонка водителю Кот сел рядом с Натальей, так, чтобы быть между нею и спутником Лизы, обнял жену за плечи и сказал:

— Часа не пройдёт, и всё будет здесь. Быстрее не могу, я не волшебник.

Потянулись минуты. Викентий Казимирович настороженно наблюдал за магами. Мужчина уткнулся взглядом в одну точку, на стене позади Натальи, и, кажется, даже не мигал. Как аллигатор. Он крепко сжимал зубы, играл желваками. Лиза, напротив, посматривала на всех попеременно.

И как же менялось при этом её лицо!

При взгляде на мужа его освещали любовь и нежность, разбавленные смущением и почему-то ехидством. На Наталью Лиза смотрела с доброжелательным интересом, как на мимолётную, эпизодическую, но приятную знакомую.

Когда Лиза обращалась к генералу, вид её напоминал об антарктическом холоде. Глаза выцветали, становились льдистыми, уголки рта загибались вниз, а взгляд резал словно нож.

Однажды, будучи ещё молодым оперативником, Кот участвовал в захвате бомбиста. В те наивные времена террористы местного разлива боялись смерти, поэтому исполнителя скрутили быстро. Взрывное устройство обезвредили тоже скоро, но не сразу. Соседство с тикающей, ожидающей своего часа — неизвестного окружающим часа! — смертью врезалось в память Кота на всю жизнь.

Сейчас Викентий Казимирович почувствовал себя тем младшим лейтенантом, только поблизости тикала не одна, а две бомбы. Рядом с ним находилась любимая женщина. За неё

он боялся больше, чем за себя. Он солдат, ему положено, а за что ей такие испытания?

От напряжения заболело в висках, холодный пот потёк между лопаток. Когда же вернётся сержант с тряпьем? А если Григорьянц откажет? Он офицер гордый, и, если честно, в своём праве. Нет у Кота полномочий изымать вещдоки.

— Не тряситесь, генерал, — сказала вдруг Лиза. — Я не причиню вам вреда, и уж тем более, не трону вашу супругу.

— Почему? — с опаской спросил генерал.

— Вы убивали, генерал? — вскинула подбородок целительница.

— Я военный.

— А тысячи зараз?

Кот растерялся. Как он мог забыть...

— Я обещала, — сказала Лиза. — Больше — никаких убийств! Кроме того... у вас хорошая жена, скажите ей спасибо.

— Я не обещал и не давал обетов, — заговорил мужчина. — Поэтому, сиди тихо, генерал, и молись, если есть кому.

— Не я это начал, — глухо сказал Викентий Казимирович. — И я не хотел...

— Он не хотел!.. — передразнил мужчина. — Молчи.

Наконец, на улице прогудел клаксон генеральской машины, потом на лестнице раздались шаги, за ними — звонок в дверь.

Викентий Казимирович вопросительно посмотрел на мужчину. Тот кивнул. Тогда Кот вышел в прихожую и впустил в квартиру водителя.

— Всё, свободен, — сказал сержанту, принимая из его рук небольшой свёрток. Водитель козырнул и вышел за дверь, не попытавшись заглянуть генералу за спину, хотя Викентий Казимирович мог поклясться на Уставе караульной службы, ему очень хотелось это сделать.

— Вот то, что вы хотели.

Кот положил свёрток на стол, вернулся к Наталье.

Маг протянул руки к свёртку и замер, не касаясь его пальцами. Сначала ничего не происходило, маг сопел и хмурился. На его лбу высыпали мелкие капельки пота, потом повеяло холодом, и Викентий Казимирович увидел, как они затуманились, отвердели и осыпались ледяной крошкой.

— Там есть? — спросила Лиза.

— Да! — радостно ответил маг.

Улыбка преобразила его. Не угрюмец, который едва не кипит от гнева и сдерживается с трудом: добавь бороду — типичный фанатик-боевик, идейный ненавистник кяфиров, каких генерал насмотрелся в разных видах. Нет. Симпатичный молодой человек, с живым, подвижным лицом и отражением большого опыта в глазах. Наверное, с ним было бы интересно поговорить о разном — если бы не обстоятельства...

— Что это?

— Я должен был догадаться, — усмехнулся маг. — У нас просто не было времени подумать. Твой приятель посмеялся над нами. Он с тобой?

— Я даже не знала, что он был со мной там, — ответила Лиза.

Викентий Казимирович и Наталья сидели и слушали — и ничего не могли понять. Визитёры обменивались странными репликами, где все слова знакомы, а смысл ускользает. Они забыли про хозяев, видели только себя и свёрток с вещами на столе. «Самое время», —

мелькнула в голове шальная мысль. Генерал не позволил ей продолжиться. Глупости простительны лейтенанту, но не генералу.

— Правильное решение, генерал, — внезапно сказал маг.

— Вы что, мысли читаете? — не удержался от вопроса Кот.

— Вы не поймёте, — ответила за своего спутника Лиза. — Вот он!

На её ладони лежала брошь — золотая змейка обвилась вокруг зернистого зелёного камня. Викентий Казимирович сравнил строчку в описи изъятого имущества с настоящим изделием. Ирония: описи не в силах передать не только сути, но и вида вещей, хотя и обязаны, для этого и создаются. «Змейка красного металла» — суконные слова, которые ничего не значат. Не видно за ними, как нежно золотой полоз обнимает камень, как блестят его чешуйки, как сверкают рубиновые глаза! Кажется, протяни руку — и он сожмётся пружиной, зашипит и пропадёт, сверкнёт стремительным солнечным росчерком.

— Можно посмотреть? — прошептала Наталья.

— Вик, ты прочитал? — непонятно спросила у спутника Лиза.

— Да, — ответил мужчина, которого, оказывается, звали Вик. — Мне больше ничего не надо, я всё знаю.

— Пожалуйста.

Лиза протянула Наталье брошь,

— Какая красота!.. — Наталья ахнула, принимая украшение. — Это изумруды, да?

— И золото, — ответила Лиза. — Золото, малахит, изумруды. Нравится?

— Очень! — ответила Наталья.

— Оставь себе, — сказала Лиза.

— Ты уверена? — Вик внимательно посмотрел на Лизу

— Я не могу, это очень дорого! — одновременно с ним запротестовала Наталья.

— Я уверена, — печально ответила Лиза Вику. — Это неизбежно.

— Что происходит? — не выдержал Кот. — Что неизбежно? Я обязан вернуть это в хранилище...

Вик посмотрел на Лизу, покачал головой, поджал скептически губы.

— Зачем тебе это? — спросил он.

— Там, на острове, — сказала Лиза, — потом на корабле. Они все умерли.

— Они сами виноваты, — жёстко сказал Вик.

— Я решила, — ответила Лиза. Она повернулась к Наталье и сказала: — Ценность этой вещи не в золоте или камнях, поверь. Просто, когда будет совсем плохо... В общем, разберёшься сама. Теперь вы, генерал...

Она посмотрела на Кота.

— У вас собачья служба, генерал. Спасибо, что не стали псом.

— Я...

— Вернёте вещи в своё хранилище, — сказала Лиза. — А вашей жене, вместо броши... вот.

Она поставила на стол маленькую красную коробочку.

— Всё? — нетерпеливо спросил Вик. — Можем возвращаться? Я готов.

— Нет, — сказала Лиза. — Не все долги закрыты.

Они встали и вышли из комнаты. Щёлкнул замок, Викентий Казимирович и Наталья остались одни.

— Что это было, Наташа? — спросил Кот. — Что они имели в виду?

— Не знаю пока, дорогой, — ответила Наталья. — Посмотри, какая прелесть!

На бархатной подушечке покоились серёжки — миниатюрные копии броши. Два маленьких золотых полоза обнимали кусочки малахита, поблескивали красными глазами.

Сегодня Марат опять ночевал в лаборатории. Идти домой не хотелось совершенно. Отец смотрел бы укоризненно и печально, а мать завела свою вечную песню о невестке и внуках. Сначала Марат внимал и отнекивался, потом пытался спорить, потом просто запирался в своей комнате. Но разве отдохнёшь нормально, когда знаешь, что за стенкой говорят о тебе и только о тебе? Марат недоумевал: как родители не могут понять, что он слишком молод? Двадцать семь лет — не тот возраст, чтобы окунуться в семейные заботы. И работа... Он пока не готов делить своё время на работу и не работу, трудиться от звонка и до звонка, а потом забывать, выкидывать всё из головы. В конце концов, его исследования слишком важны! Важны настолько, что сам генерал-лейтенант Кот продлил ему ночной пропуск.

Документ Марату оформили, когда место на плите занял объект «Лизавета». Кому же ещё? Он — автор конструкции, и он не мог доверить эту работу кому-то другому.

Лизавета... За месяцы, проведённые рядом, Марат сроднился с ней как муж, как брат, как мать и отец одновременно. Он изучил её всю, каждый кусочек кожи, каждый закоулочек, он угадывал её чувства и желания, наверное, почти научился читать её мысли. Когда Лизу внезапно забрали, Марат двое суток был сам не свой и даже тихонько плакал — когда был уверен, что его никто не видел.

Зачем они сделали это? Разве им было плохо вдвоём? Ведь он её уже почти приручил...

Позвонил дежурный:

— Ты ещё там, лейтенант? Уходить не собираешься?

— Так точно, господин майор, — ответил Марат. — Никак нет, работы много.

— Ну, добро, — сказал дежурный и отключился. В голосе его не было ни интереса, ни заботы.

С мыслями о Лизе Марат уснул, и во сне встретился с ней.

Он был посреди болота, укутанного туманом, но огромного, это Марат почему-то понял сразу. Ещё он неизвестно откуда, но точно знал, что выйти на безопасное место может только одним путём. Он начинался у чахлой берёзы в двух шагах впереди. Марат сделал эти шаги и остановился в недоумении. Все стороны были хороши, и везде его ждала бездонная топь, и только одно направление могло стать спасением.

Марат стоял, держась за кривой, тонкий ствол и не мог решиться. Порывался сделать шаг, даже приподнимал ногу, но в животе холодело, потому что выбранное место наверняка не имело дна, и Марат возвращал ногу на место. Трясина радостно чавкала и принимала ступню в свои объятия. Шло время, и Марат постепенно погружался. Если сначала зловонная вода покрывала щиколотки, а потом икры, то скоро она дошла до колен и поднималась выше. Ещё несколько минут — и он больше не сможет шагнуть, и так и умрёт, не в силах двинуться с места!

— Не бойся, иди ко мне.

Марат никогда не слышал Лизы, обстоятельства не позволяли, но он сразу узнал её.

— Смелее, Марат, — позвала Лиза. Марат сделал шаг на голос, и с радостью обнаружил под ногой надёжное песчаное дно.

— Иди ко мне, — повторила Лиза, и Марат пошёл, беззаботно загребая ногами грязь. Дно поднималось, и скоро под ногами хлюпали одиночные лужи. Впереди и чуть слева он

увидел зелёный бугорок, решил срезать дорогу, ведь осталось всего с десятков шагов — и тут же ухнул в жижу по грудь!

— Не торопись, — сказала из тумана Лиза, — дай мне руку.

Совсем близко Марат увидел её тонкие пальчики, осторожно схватился за них, но пальцы оказались сильны, Марата вмиг вынесло на сухое!

— Не торопись, здесь нельзя торопиться, — снова сказала Лиза, — иди на голос.

Марат повиновался. Вездесущий лизин голос повёл его сквозь трясины. Марат перестал думать, он полностью уверился и доверился Лизе. Замирал, где приказано, поворачивал и бежал, где она говорила.

Потом задул ветер, разметал в клочья полотнища тумана, и Марат увидел настоящий остров. Каменная скала выростала из кочек и обманчивых лужаек, из луж и протоков, из чёрных бездонных окон и целых озёр воды. Скалу окружала берёзовая роща, через рощу вела тропинка.

— Иди наверх, — сказала Лиза. — Я жду тебя.

Марат взбежал по тропинке на вершину скалы и увидел то, что почему-то не заметил снизу: деревянный крест, а на нём — распятую Лизу! Обнажённую, как когда-то на его плите в лаборатории, разбросавшую в стороны руки и ноги, вот только держали их не колодки и не зажимы. Запястья и стопы Лизы пронзали страшные ржавые гвозди.

Марат сглотнул. Кто посмел? За что её так мучают?

— Подойди ко мне, — сказала Лиза.

Марат сделал шаг и ещё один, и скоро оказался совсем близко. Протяни руку — и коснёшься беззащитной женской груди. С запястий Лизы срывались кровавые капли, медленные красные ручейки текли по её лицу, по шее, по животу, струились по бархатной коже ног...

— Освободи меня, — попросила Лиза.

— Но как? — дрожащим голосом спросил Марат.

Такие большие гвозди, такие толстые доски, разве он может сделать хоть что-то? Без пилы, без топора, без ничего?

— Тогда просто поцелуй меня, — сказала Лиза.

Марат задрожал. Как давно он ждал этой минуты — чтобы она сама попросила его поцелуя!

— Я обязательно что-нибудь придумаю, — прошептал Марат, потянулся к Лизе и коснулся губами её губ.

Небо и земля, воздух и вода, свет и тьма поменялись местами. Марата подбросило, вывернуло наизнанку, руки и ноги прострелила жгучая боль. Сколько это длилось, непонятно, но когда Марат пришёл в себя, он висел, распятый на кресте, кровь из пробитых запястий текла по лбу и переносице, и в глазах было красно.

Лиза в белом и чёрном стояла напротив и глядела ему в глаза.

— Не везёт мне на Маратов, — сказала она. — Что ни Марат, то мразь.

— Нет... — застонал Марат.

— Да, — ответила Лиза и вогнула ему в рот твёрдый шершавый кляп. Посмотрела на дело рук своих, улыбнулась: — Да, так хорошо, — и пропала.

Жарко пекло солнце с безоблачного неба. Ныли издалека искалеченные руки и ноги, горело лицо. Марат застонал от боли и отчаянья, потом завыл в голос — и проснулся...

Сон, только сон! Бешено стучало сердце, но ничего не болело, только от нервов

внезапно и сильно захотелось в уборную. Марат дёрнулся, попытался встать — и у него ничего не получилось. Тело не слушалось, словно он всё ещё был распят. Словно толстые доски всё так же охладили поясницу, словно...

Вспыхнул свет, и Марат увидел своё отражение в зеркальном потолке лаборатории.

Голое существо, без рук, без ног, с раздутыми гениталиями, а на лице вместо носа и рта — толстый лаково-чёрный клюв.

— Ааа!.. — закричал Марат. Красный змеиный язычок мелькнул во рту. — Помоите!..
Что-нибудь...

Жестокая шутка. Отняв почти всё, Лиза оставила ему речь.

Извиваясь как червяк, дёргая плечами и сгибая-разгибая позвоночник, Марат пополз. Куда? Неизвестно. Лишь бы двигаться, не быть на одном месте, лишь бы не видеть в отражении того, во что превратила его колдунья.

Холодная плита под спиной и ягодицами внезапно исчезла, он свалился на пол, ударился головой и потерял от боли сознание. Таким его нашёл потом дежурный. Жалкий и страшный обрубок человека, лежащий в луже собственных испражнений.

Да человека ли?

Общинники, почитатели Святой Елизаветы Фёдоровны, отделались, можно сказать, испугом. Штрафы, общественные работы, короткие аресты «за хулиганство», ничего страшного. А вот сестре Вере, Вере Ивановне Колтуковой, не повезло.

Два года — за нападение на должностное лицо при исполнении.

Вера Ивановна не унывала. Следствие и пересылку она, кажется, даже не заметила. Сама Вера Ивановна думала, что её хранил свет Святой Лизы. Она помнила взгляд своего божества, помнила и проговаривала в уме каждое её слово, каждый жест, и выглядела оттого не от мира сего. Или помогли людские предубеждения: блаженных не боятся, часто не уважают, но обычно и не трогают.

На самом деле, и это почти наверняка, работали деньги Хольца. Он исправно грел и СИЗО, и пересылку, а потом и лагерь, куда определили сестру Веру.

И, конечно, помог её цельный, пусть и безотказный характер. Она избежала нечаянных встреч с курицами и ковырялками, не ссучилась, со всеми держала себя ровно, старших уважала, но и не заискивала перед ними. На мужской зоне сказали бы — «по закону живёт» мужичка, только какой среди женщин закон?

Её не тяготил режим. Она и на свободе привыкла вставать и ложиться рано и много работать и блюсти себя в строгости. От работы не отлынивала, норму делала, но и жилы не рвала.

Бабье лето нехстати плавило воздух последней жарой. Швейные машинки жужжали и стрекотали как стая железных кузнечиков, и в цехе было не продохнуть от распаренных женских тел. Вера Ивановна глотнула воды и вернулась на своё рабочее место. Взяла из стопки выкроек два фигурных лоскута, привычно сделала нужные строчки, вывернула готовые рукавицы с изнанки на лицо и кинула их в пластиковую корзину. Капля стекла по груди к животу. Зачем она пила? Вся вода в пот уйдёт, а до бани ещё три дня.

Вера Ивановна вытерла лоб, перевязала косынку и занялась следующей парой. Ещё десяток, — и дневная норма выполнена, можно отдыхать, вот только нужен ли ей этот отдых? Работа хоть как-то занимала голову. Всё лучше, чем скучать и думать одни и те же

мысли.

Будь на месте её соседка по цеху и бараку, Машка-отравительница, они бы поговорили, но машинка швейная машина молчала, а стул был пуст. К Машке приехал муж, у неё — свидание, целых четыре дня, да не в зоне, а снаружи, в общаге. На воле Машка работала буфетчицей, делала деньги как могла и погорела на просроченной колбасе. Неизвестно, о чём они говорят с мужем в перерывах, но точно не о бутербродах.

Вера Ивановна передёрнула плечами под халатом: о чём бы она говорила на свидании? О Лизе? О воле? Например, приехал бы к ней Матвей...

— Колтукова!

Вера Ивановна встрепенулась, торопливо, опрокинув стул, встала. Охранница Маринка, девица вредная, хотя и не злобная, смотрела на неё с таким удивлённым видом, словно не минуту ждала ответа, а все полчаса.

— Заключённая Колтукова... — начала Вера Ивановна, но Маринка махнула рукой.

— Пошли, Колтукова, — сказала она, — гости к тебе приехали.

Гости? Вера Ивановна не ждала гостей, да и кто мог к ней приехать? Близких родственников у Веры Ивановны не случилось, ни мужа, ни детей, а «прочих лиц», как написано на плакате с распорядком, к ней не пустят. Чекисты не разрешат, мелкие мстительные человечешки.

Шагая вслед за деловой Маринкой, по команде останавливаясь и поворачиваясь, Вера пыталась и не могла придумать, кто же это может быть? Неужели двоюродный племянник? Только жил он на другом конце страны, видел тётку последний раз лет пятнадцать назад и, наверное, даже не помнил её. Кто?

— Четыре часа, — сказала Маринка. — Часы-то есть? Ладно, шучу.

И сама распахнула перед Колтуковой дверь комнаты для свиданий.

Вера Ивановна шагнула и обомлела! С дивана ей навстречу поднималась сама Лиза!

Ноги ослабли. Наверное, Вера тут бы и опозорилась, растянулась на полу, но кто-то крепко обнял её за плечи, подвёл и посадил в кресло рядом с диваном. Вера Ивановна мельком улыбнулась доброхоту, но даже не запомнила его лица. Лиза, к ней пришла сама Святая Лиза!

Вера Ивановна опомнилась, попыталась встать и поклониться, но Лиза положила ей ладонь на плечо и удержала.

— Сиди, сестра, — ласково сказала она. — Ты за меня пострадала, это я тебе должна кланяться.

И, в самом деле, поклонилась. Не в пояс, но с уважением.

— Я не могу... — залепетала, было, Вера Ивановна.

— Прости, сестра, — остановила её Лиза.

— За что же? — удивилась Вера Ивановна.

— За то, что не могу тебя отсюда забрать, — объяснила Лиза. — Вернее, забрать могу, но нам уходить пора, и тебя скоро вернут обратно, да ещё и накажут.

Накажут? Какая мелочь! Что это наказание рядом со счастьем быть рядом с Лизой, прикасаться к Лизе, слушать её. Но почему уходить? Зачем?! Не её это дело, требовать у Лизы отчёта, но как же так?

— Ты нас покидаешь? — не выдержала Вера Ивановна. — Навсегда?

— Не знаю, — святая совсем по-человечески пожала плечами.

— Как же мы без тебя?..

— А раньше вы без меня как? — притворилась строгой Лиза. — Ладно. Это, сестра тебе. На память. Носи и не снимай.

В руках святой появился кулон: кусочек яшмы на простом шнурке. Ни золота, ни серебра, но у Веры Ивановны стало горячо под сердцем.

— Не бойся, — предупредила Лиза её вопрос. — Его никто не увидит кроме тебя. Только сама не потеряй.

— Никогда! — Вера Ивановна приняла кулон и поцеловала его. — Я не потеряю его никогда!

— Будь счастлива, — сказала Лиза.

Она прощалась! Вера Ивановна хотела сказать что-то, приличное случаю, но не нашла слов. Слова — все! — рядом с Лизой, рядом с тем, чем стала она для Веры Ивановны выглядели трескучими и мелкими.

— Я люблю тебя... — догадалась, в конце концов, Вера Ивановна, но комната была пуста. Ни Лизы, ни её предупредительного спутника, ни... Кулон, где кулон? Камень словно услышал и шевельнулся у неё на груди. Значит, это было, значит, ей ничего не привиделось!

Вера Ивановна радостно улыбнулась и стала ждать. Сколько там осталось из четырёх положенных часов?

— Колтукова, пора!

В комнату для свиданий заглянула деловитая Маринка:

— Давай, собирайся, а вам... — она замолчала. Вера Ивановна впервые увидела, что «глаза на лоб полезли» — не всегда художественное преувеличение. Маринка разевала рот, как вытащенная из воды рыбина, потом выдавила: — Гости твои где, Колтукова?

— Ушли, — ответила Вера Ивановна.

— Куда ушли? Когда?!

Маринка подбежала к окну, подёргала запоры. Несмотря на жару, щеколды были задвинуты до упора и даже покрашены сверху надёжной белой краской; пока отдерёшь — намучаешься. Свежий воздух попадал в комнату через узенькую форточку, через неё не пролезть, да и решётки...

— Куда посетителей дела? — грозно спросила у Веры Ивановны.

— Не знаю, гражданин начальник. Ушли. Через дверь.

Вера встала, смиренно сложила руки за спиной. Озадаченная охранница заглянула в туалет, под стол, даже под диван, где только котяткам прятаться. Пусто.

— Сиди тут, Колтукова, — приказала, наконец, обескураженная Маринка. — Чтобы ни шагу!

И убежала.

Вместо неё явилась дежурная, а потом и начальник колонии. Выяснилось, что посетители не только пропали непонятно куда, они и явились ниоткуда. Журнал посещений за день оказался девственно чист, хотя на проходной клялись и божились, что записали всё и по полной форме.

Веру Ивановну раздели и обшмонали, как не шмонали на пересылке. Не нашли бы подарок, испугалась она, но камень на время обыска исчез, растворился, не дался чужим рукам. После этого Вера Ивановна успокоилась и унижительную процедуру вынесла с достоинством и даже с внутренней усмешкой. Глупцы, куда она могла спрятать двух взрослых человек? Кажется, тюремщики сами это поняли и оставили её в покое.

В отряд Вера Ивановна попала только после отбоя. Женщины уже улеглись, но почти никто не спал. Скрипели панцирные сетки, кто-то глухо кашлял, кто-то тихо переговаривался, в дальнем углу лениво шлёпали самодельными картами.

Вера Ивановна разделась и забралась под одеяло. Перед глазами снова появилась Лиза. Она что-то говорила, Вера Ивановна не понимала ни слова, а только слушала и смотрела на исходящее от Лизы сияние.

Так приходит сон. Вера Ивановна радостно отдалась дрёме: сон — это единственное, над чем не властно тюремное начальство, только во сне она полностью свободна. Пусть это иллюзия, но ведь вся наша жизнь бесконечная вереница иллюзий...

Застонала Мария Степановна.

— Ой, девоньки!.. Ой, родимые...

Мария Степановна, старая заслуженная карманница, маялась коликами. Врачи не находили ничего, может, и не хотели находить, только кому от этого легче? Приступы происходили не часто, но почему-то всегда по ночам.

— Ну вот, завела свои песни, — пробасила Варька со второго яруса. — Хренушки теперь выспимся.

— Я её сейчас подушкой задушу! — зловеще пообещала Света Кухаркина. Она сидела за убийство по неосторожности, и не забывала об этом напоминать — когда начальство было далеко.

— Ой, девоньки! — плаксиво пропела Мария Степановна. — Ой, пожалейте старуху.

Никто не сомневался, что ей действительно больно. Какой смысл так играть — и в такое время?

— Пустите, пустите меня, — Кухаркина отбросила одеяло, сунула ноги в шлёпки.

Старуха на время притихла, но даже до Веры Ивановны долетало её стеснённое дыхание.

— О-ой! — уже в голос пожаловалась карманница. Барак недовольно зашумел.

Камень на груди Веры Ивановны потеплел и зашевелился. Её бросило в пот, ладони стали горячими. Подчиняясь наитию, Вера Ивановна слезла с кровати и подошла к Марии Степановне.

— Всё будет хорошо, — пообещала она старухе. — Потерпи.

Вера Ивановна присела рядом со старухой и коснулась ладонями её живота. Тёплые струи потекли из кулона в грудь, через плечи в пальцы...

— Что?.. — начала карманница, но замолчала. Её глаза сделались большими и круглыми, она судорожно втянула воздух, а потом задышала глубоко и спокойно.

— Это... Заснула, что ли? — не поверила Варька.

Вера Ивановна не ответила. Зачем Варьке знать, что произошло, а, главное, чем Вера займётся на воле.

— Ты всё помнишь? — спросил Виктор. — Ты всё сделаешь правильно?

— Конечно, — ответила Лиза. — Мы ведь решили уже, зачем спрашивать?

— Нервничаю, — глухо сказал Виктор. — Дурацкие мысли в голову лезут. Никогда так не прыгал. Повторяю для очистки совести: мы вернёмся туда и тогда, откуда нас перенесло. Туда и тогда. Надо быть готовыми.

— Помню, — вздохнула Лиза, — хватит уже.

— А... к магистрам! — решил Виктор.

Прокатная развалюха фыркнула и покати́лась вперёд. Здесь дорога огибала холм и напоминала кусочек горного серпантина в их родном мире. Тот кусочек, где их настигли нападавшие. Направление на магнитный полюс, ориентация по сторонам света, высота над уровнем моря, — всё было как тогда. Осталось выбрать нужную скорость и направление.

Лиза поёжилась: от нервов её потряхивало. Давняя атака, про которую она уже забыла, сейчас повторится. Враги Виктора, которые испортили им отпуск, ударят снова. Их нужно опередить!

— Держись за меня, — приказал Виктор. — Мы должны прыгнуть вместе.

Лиза послушно схватила его за плечо. Видно, сильно схватила, больно, Виктор чуть скривился, но промолчал. Лево́й рукой он держал руль, право́й плёл заклинание.

— Приготовься, — сказал он.

Машина вильнула, устремилась на встречную полосу. Впереди, над обочиной проявилась плёнка портала.

— Вливай! — закричал Виктор.

Лиза закусила губу и бросила накопленную силу Вику. Впереди и справа показался встречный автомобиль, он непрерывно сигналил, Лиза слышала клаксон даже сквозь шум мотора и свист ветра. Мелькнуло перекошенное лицо за лобовым стеклом, и в этот миг портал проглотил их...

...Сердце бешено стучало. Ираклий сбросил газ, кое-как притормозил и съехал на обочину. Приду́рок, вылетевший на встречу, врезался в кривую берёзу, и теперь дымился на откосе. Если бы не дерево, лететь бы ему в овраг... Надо идти, сказал себе Ираклий. Может быть, этот козёл ещё жив. Нехорошо бросать людей в беде, даже если они козлы.

Ираклий подхватил с задней полки огнетушитель, вывалился наружу и на слабых ногах побежал назад. Салон старой девятки заполняли дымные клубы, кое-где сквозь него краснели языки огня. Ираклий схватился за ручку дверцы, дёрнул — и та неожиданно легко распахнулась. Противно завоняло горячей химией. Ираклий вырвал чеку, открыл кран и принялся лить внутрь салона пену.

Девятка погасла неожиданно быстро. Повезло козлу, не сторит. С ним, кажется, ещё баба была. Ираклий отбросил огнетушитель, достал мобильник. Надо вызвать скорую и ментов. Но сначала — первая помощь.

Ираклий заглянул внутрь и попятился: салон был пуст. Он обошёл машину кругом, не поленился спуститься в овраг. Никого. Никого! Это было невозможно, с момента столкновения прошло не больше пяти минут! Куда они могли деться? Не улетели же, не ангелы же они, в самом деле? Ангелы не катаются на разбитых девятках.

Приехавший наряд полиции нашёл его в глубокой задумчивости.

... Сердце Лизы ухнуло в ноги, далеко внизу она увидела прибрежные огни и полосу прибо́я.

— Давай! — заорал Вик, и Лиза весь остаток сил бросила в подготовленное Отражение. В зеркалах заднего вида мелькнули оранжевые факелы. Сработало! — отметила Лиза краем сознания. Вцепившись в подлокотники, она плыла в невесомости, а потом сиденье жёстко ударило по копчику. Машина приземлилась на склон, завизжали и загремели рессоры, и авто понеслось под уклон — к нижней петле серпантина. Их кидало и швыряло, Лиза испугалась, что авто развалится на части, но тут завизжали покрышки, её бросило вправо, приложило крепко о стекло, а потом наступила блаженная тишина...

Виктор заглушил двигатель, и вслед за ним Лиза вылезла под вечернее небо.

Они стояли на пустынном шоссе. Сверху, откуда они прилетели, чадили магические костры. Отражение сработало отменно, вернув нападавшим их же заклинания, полной мерой. Хорошее заклинание, только неудобное. Его нужно так долго готовить, а применять надо сразу, и совсем нельзя отложить на потом!

Внизу таинственно мерцало море, оттуда тянуло прохладой и солью.

— Кажется, получилось, — прошептала Лиза, обнимая Виктора. — Мы снова дома.

— Да, — согласился супруг. — Мы дома. И, знаешь что? Надо ехать, нас ждёт шале. Скоро тут будет не протолкнуться от полиции, и простой, и магической, да и наши начальники... тоже не откажутся поприсутствовать. Их точно заинтересует такое удачное Отражение. Давай встретим их в подходящей обстановке?

— Мя-ау!

Мяусей, который всё это время спал на заднем сиденье, проснулся, выпрыгнул из салона и потёрся о лизины ноги.

— Извини, мой хороший, — сказала Лиза, взяв его на руки. — Больше не повторится.

Больше книг на сайте - Knigolub.net